ГОРОДА, ГДЕ МЫ ЖИВЕМ

такова суть диалога, который ведут

ПРИРОДА ↓ ЧЕЛОВЕК

АРХИТЕКТУРА ↓ ГОРОД

архитекторы
Г. И. БЕЛЯНКИН
А. Б. ФИШЗОН

биолог
В. Н. БОЛЬШАКОВ

художник
Л. А. ЭППЛЕ

и писатель
Б. С. РЯБИНИН

Свердловск

Средне-Уральское книжное издательство

СВЕРДЛОВСК

Свердловск
Средне-Уральское
книжное
издательство
1981

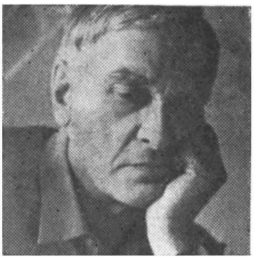
В. Н. БОЛЬШАКОВ,
директор Института
экологии животных
и растений УНЦ

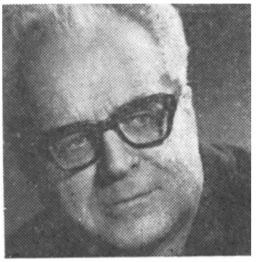
Л. А. ЭППЛЕ,
член Союза
художников СССР

Б. С. РЯБИНИН,
писатель,
член Центрального совета
Всероссийского
общества охраны природы

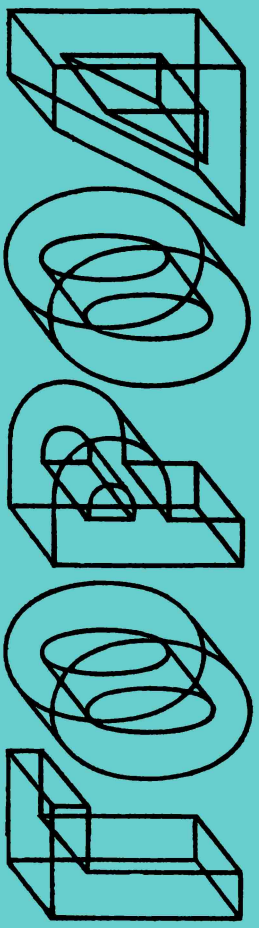
Г. И. БЕЛЯНКИН,
главный архитектор
Свердловска

А. Б. ФИШЗОН,
член Градостроительного
совета Свердловска





ГОРОД, ГДЕ МЫ ЖИВЕМ



АРХИТЕКТУРА И ЧЕЛОВЕК, ГОРОД И ПРИРОДА

такова суть
диалога,
который ведут

архитекторы
Г. И. БЕЛЯНКИН
А. Б. ФИШЗОН

биолог
В. Н. БОЛЬШАКОВ

художник
Л. А. ЭППЛЕ

писатель
Б. С. РЯБИНИН

Свердловск
Средне-Уральское
книжное
издательство
1981

72
Г70

Г 30203—033
М158(03)—81

© Средне-Уральское
книжное издательство, 1981

Из снегового,
слепящего лоска,
из перепутанных
сучьев
и хвои —
встает
внезапно
домами Свердловска
новый город:
работник и воин.

...У этого
города
нету традиций,
бульвара,
дворца,
фонтана и неги.
У нас
на глазах
городище родится
из воли
Урала,
труда
и энергии!

Владимир Маяковский

Город твой — твоя забота

С таким призывом к согражданам, жителям миллионного индустриального Свердловска, обратились депутаты Кировского района в канун великого праздника — шестидесятилетия годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Кировцы призвали каждого свердловчанина помнить о своей ответственности перед родным городом, постоянно, любовно заботиться о нем.

В эту же пору появилось открытое письмо свердловчанам. Его обнародовала газета «Вечерний Свердловск».

«Много разных событий произошло в нашем городе в нынешнее новогодье,— говорилось в письме.— И среди них два совершенно противоположные друг другу — приятное и неприятное: радостное, красивое, рождающее гордость, которое поддержат все свердловчане, и безобразное, отвратительное, достойное осуждения.

Трудящиеся — депутаты Кировского района выступили с доброй инициативой: к 60-летию Советской власти превратить свой район в район высокой культуры и общественного порядка, добиться, чтобы на территории его не осталось ни одой запущенной улицы, площадки. «Чтобы каждой улицей гордиться!» — говорят наши земляки. Хорошо! Почин кировцев

поддержали горком партии и исполком
городского Совета. Его одобряют
и поддерживают все свердловчане.
Это вполне закономерно и естественно, что
в год исторической даты —
шестидесятилетия Великого Октября
советские люди, оценивая свои успехи
и достижения, берут на себя новые,
повышенные обязательства. Это приятно,
радостно, красиво.
А теперь о неприятном, о том, чего не должно
было случиться, но все-таки случилось, о том,
чему не место в нашей жизни.
Как вышло, что в новогоднюю ночь была
спилена пушистая красавица — голубая ель на
могиле Бажова? Этот факт потрясает нас.
Негодяи, осквернившие святыню и нанесшие
жестокое оскорбление всем свердловчанам,
пойманы. Им воздал по заслугам народный суд.
Восхищает гражданственность девушек,
студенток факультета журналистики
Татьяны Кощеевой и Ларисы Мухаметдиновой
и штукатура Н. В. Терентьевой, которые
задержали двух пьяных негодяев —
Анатолия Скаредина и его брата
Александра — и передали их в руки милиции.
Но возникает вопрос: откуда берутся такие
типы, как братья Скаредины, откуда у этих
двух... (не хочется даже называть их
гражданами нашего города) такая
беспардонная наглость, полное отсутствие
уважения к реликвиям родного города
и уверенность в безнаказанности? Почему
такое происходит? Очевидно, все дело в том,
что мы еще слабо прививаем чувство любви,
привязанности, уважения к родному городу,
мало, недостаточно воспитываем людей.
В городе должно воспитывать все — поведение
жителей, облик его улиц. Как люди
разговаривают, здороваются, вежливы ли они
в общении друг с другом или злоупотребляют
грубыми словечками, берегут ли общее
достояние,— жилье, зелень, предметы

благоустройства и быта или, наоборот, расточительны, небрежны, неаккуратны.
Все мы любим свой город, привязаны к нему. Именно потому, что любим, мы и хотим, чтобы он был прекрасен. Для каждой матери ее ребенок — лучший в мире. Город — наше общее детище. И многое в нем заботит нас. Поговорим по душам.
Начнем с зелени. У нас немало прекрасных парков, садов, скверов. Но как мы иногда относимся к Зеленому Другу? Разве вам не приходилось видеть сломанные деревья, вытоптанные газоны, окурки в цветниках? Ведь это тоже детали лица города...
(Надеемся, нас никто не обвинит в сгущении красок, в преувеличении.) Вот, к примеру, начали что-то строить. И — размахнись, рука, раззудись, плечо... Ломают деревья и кусты. Приглядитесь внимательнее. Ободранный тополек. Кто его покалечил? Сколько погибших, изуродованных деревьев! А во что превращены акации в некоторых скверах, на улицах! Одни кочерыжки, которые завтра будут вытоптаны и засохнут.
Нужно ценить мир природы в городе, любить его, а тех, кто не любит,— учить.
Не понимают слов — наказывать. Следует упрекнуть и наших строителей: годами стоят разрытыми некоторые улицы.
Случаи недружеского обращения с зеленым убранством города нередко соседствуют с таким же отношением к городскому благоустройству. Пройдитесь по улицам вечером или рано утром, когда еще не вышли дворники. Иные участки улиц засыпаны мусором. Окурки, конфетные обертки, бумажная и картонная тара, бутылки — все на виду, лезет в глаза, шуршит под ногами.
Свердловск стал опрятнее к своему 250-летию*. Но вот время идет, и как бы нам

* 250-летие Свердловска отмечалось в ноябре 1973 г.

не вернуться к исходному положению, не потерять завоеванных позиций. Наверное, пора городу обзавестись специальным заводом по переработке мусора, отходов. Но не надо забывать: чисто не там, где метут, а там, где не сорят.

Слабо идет борьба с аморальным поведением на улицах города. Касается это не только скамеек, зелени. Иной невоспитанный молодой человек лезет в трамвай с передней площадки, бесцеремонно расталкивает пожилых людей.

Так же, как не должно быть вытоптанных, запущенных и пропадающих втуне площадей, не должно быть равнодушных, пустых душ. В ответе за это все мы.

Большой вопрос — отношение к старине, к реликвиям прошлого, борьба за сбережение и охрану того, что образует живую историю города. С этим, по нашему глубокому убеждению, дела обстоят неблагополучно. А вопрос имеет особое значение. Верно сказано: «Город без старых домов — как человек без памяти». Мы не хотим быть людьми без памяти.

Совсем недавно бесследно исчез дом № 11 на улице Максима Горького, где в 1905 году находился штаб боевых дружин. Надобно знать: нередко историческая, культурная ценность здания становится ясной не сразу, и очень часто тогда, когда памятника уже нет. Тогда приходится только разводить руками.

...Свежий, живой цветок у подножия чугунной плиты на стене дома, напоминающей о том, что тут была почтовая станция, где останавливались декабристы по дороге в Сибирь, в каторгу и ссылку. Зима, падает чистый снежок, а тут рдеют гвоздики. Чья добрая рука положила их? Чье сердце согрето памятью о мучениках свободы, положивших на алтарь борьбы за народное счастье собственное благополучие и жизнь? Спасибо вам, дорогой человек, спасибо за широту

ваших чувств, за верность, за гражданскую зрелость, свидетельством чему — ваши цветы...
Город многолик. Светлое в нем нередко уживается рядом с темным, хорошее — с плохим, доброта и широта — с узостью и черствостью. А мы хотим, чтобы славный трудовой город Свердловск был всегда светлым, ясным, устремленным в прекрасное будущее.
Город наш! Мало городов такой сказочной мощи, такой необыкновенной судьбы. Широкими улицами, распахнутым простором, планировкой он сродни прекрасному граду на Неве, где прозвучали первые залпы революции. Большой, миллионный город, а посмотришь в конец улицы — лес видно, а за лесом — синие горы, Урал, дорогой, любимый край... Хороший у нас с вами город, друзья-свердловчане! Пусть же он будет еще лучше. Для этого нельзя зазнаваться! А что скрывать, есть у нас еще грешок — любим поговорить: «Мы да мы... Мы — середина Урала...» А что ты лично сделал для родного Свердловска? Мы любим свой город! А любовь — это всегда высокая требовательность.

П. Бычков, резьбошлифовальщик машиностроительного завода имени Калинина, Герой Социалистического Труда; С. Мамаев, доктор биологических наук, профессор, директор Ботанического сада УНЦ АН СССР; Н. Меновщикова, народная артистка СССР; Б. Рябинин, писатель, член Центрального совета Всероссийского общества охраны природы; Н. Хафизов, бригадир бетонщиков, Герой Социалистического Труда, депутат Чкаловского райсовета».

В постановлении бюро горкома КПСС, принятом в связи с появлением этих двух документов, говорилось:
«...Одобрить патриотическую инициативу депутатов Кировского района и открытое письмо свердловчанам «Город твой —

твоя забота», опубликованное 25 января 1977 года в газете «Вечерний Свердловск».
Обязать райкомы КПСС, райисполкомы, партийные, профсоюзные, комсомольские организации провести работу по мобилизации трудящихся и всего населения города на активное участие в борьбе за высокую культуру и образцовый общественный порядок.
Широко обсудить инициативу депутатов Кировского райсовета и открытое письмо во всех трудовых коллективах, учебных заведениях, по месту жительства.
Обязать горисполком усилить контроль за работой по повышению культуры, улучшению благоустройства, наведению в городе образцового общественного порядка.
Осуществить комплекс мер по оформлению новых площадей, устройству зон и уголков отдыха, спортивных, игровых и детских площадок во всех микрорайонах. Проводить конкурсы на лучший район, предприятие, жилой массив по культуре, благоустройству и санитарному состоянию...»
«Чтоб каждой улицей гордиться». Право, как же это хорошо! Стоит ради этого потратить время и силы. Достижению этой прекрасной цели посвящена и наша книга, книга друзей-единомышленников, стремящихся в столкновении различных точек зрения, скрещивая клинки-мнения, выявить общую, нужную всем истину...

. . .

В памяти встает время тревожное и грозное. Война... Кейтель переставляет флажки на карте, создает особую саперную часть для разрушения Кремля. Не одной Москве грозит гибель и забвение. На суде в Нюрнберге вскоре будет фигурировать документ, подписанный Гитлером и Иодлем: «...сравнять Ленинград с землей, полностью разрушить его с воздуха и земли». Не должно остаться ни одного дома,

даже признака, что был город, камня на камне. Они боялись наших камней! Так грозный ассирийский владыка Санхериб когда-то стер с лица земли Вавилон.

И тут же на ум приходит — не поразительно ли!— в Праге наши танки щадили чугунные уличные решетки в разгаре кровавой битвы с фашистами, готовыми уничтожить весь город и истребить всех его жителей, краснозвездные воины думали о том, как причинить меньше ущерба столице братского народа...

В войну интерес к Уралу и всему уральскому приобрел совершенно особый, обостренный характер. Понятно: Урал — «опорный край державы, ее добытчик и кузнец».

«Уральская тема»... А разве не занимает она своего законного места в архитектуре, градостроительстве?

Что такое город?

О происхождении слова «город» сообщает В. Даль: «Город... городьба, ограда около жилья, населения... Селение, обнесенное городьбой, городок. Населенное место, признанное за город, городом, которому правительство дало городское управление...»

«Город — крупный населенный пункт, управляемый по особому положению, административный, промышленный и торговый центр»,— говорится в словаре Д. Н. Ушакова.

Город вырастает там, где возникает общность людей и появляется нужда в жилище. И, конечно, главное, определяющее в городе,— жилье, условия проживания людей, говоря современным языком — комфорт.

Более углубленное толкование понятия «город» дают архитекторы, творцы городов. Мы хотим подчеркнуть одно, в котором, как нам кажется, заложена главная суть,— откуда идет город. Мнение француза Ле Корбюзье: «Жилище — это ключ ко всему... Проблема жилища — первая из всех проблем».

В другом месте он говорит: «Дом — не машина

для жилья, и машина — не произведение искусства. Дом — это живой организм, а не всего только сочетание мертвых материалов; дом живет весь в целом и во всех своих частях. Он как бы служит оболочкой для человеческой жизни».

«В городе я чувствую себя счастливым,— заявляет румынский архитектор Мартин Пинчис.— Он наполнен движением, в нем чувствуется жизнь... Когда живешь в городе, чувствуешь, что жизнь не стоит на месте».

«Город — это не просто скопище улиц и домов, не просто пересечение магистралей и тротуаров,— говорит писатель Чингиз Айтматов.— Город — это прежде всего долговременное обиталище многих поколений горожан. И так же, как квартира одной семьи отличается от соседней расстановкой мебели, своеобразием убранства, уютом (который зависит от вкуса обитателей квартиры), так же и город должен отличаться от себе подобных. Уже с вокзала или пристани он должен говорить гостю: такого, как я, больше нет нигде на свете. Как это сделать, нужно думать многим, всем вместе нужно думать: готовых рецептов нет».

Города имеют свое лицо так же, как люди. И так же, как у людей, время неизгладимо меняет их черты.

Никогда еще города не росли так быстро, как теперь.

Урбанизация шагает по планете. Если накануне Октябрьской революции в России в городах проживала только четверть населения, то в 1956 году горожане в СССР составляли уже 43 %, в 1969-м — 56 %, а перепись 1979 года дала цифру 62%. За десять лет число жителей городов увеличилось со 136 миллионов до 163,6 миллиона.

Бурный рост городов у нас начался в период первых пятилеток, с индустриализацией

страны. За годы Советской власти возникло 1174 новых города. К 1979 году в стране насчитывалось 18 городов-миллионеров, и среди них — Свердловск...

Уместно напомнить, какие чувства и мысли рождает знакомство с нашими городами у иностранцев.

«Советский Союз добился больших успехов в жилищном строительстве и благоустройстве своих городов»,— заявил бывший президент американского института архитектуры Морис Кетчам, в составе делегации американских архитекторов посетивший Советский Союз.

В интервью газете «Крисчен Саймс монитор» Кетчам указал, что советские инженеры разработали передовые методы строительства зданий из сборного железобетона, сильно обогнав в этой области США. Новые здания строятся с большим вкусом, архитектура становится более разнообразной.

Кетчам подчеркнул, что советские специалисты достигли отличных результатов в решении проблем градостроительства — качества и доступности общественного транспорта, озеленения городов и рассредоточения промышленных предприятий в городских пригородах, разумного использования территорий, сохранения исторических памятников, организации транспортного движения.

Американскому архитектору понравилось знаменитое Московское метро, лесные зоны отдыха и отличное пригородное железнодорожное сообщение под Москвой. Он признал, что в условиях советской социалистической системы проблемы городского планирования решаются более легко, чем в США, где земля находится в частной собственности и служит источником прибыли. «Американским планировщикам есть чему поучиться у Советского Союза,

и это понимают многие в США», —
сказал Кетчам *.
Что ж, спасибо на добром слове.
Еще одно свидетельство. Дональд Фрайзер,
преподаватель истории и экономики, тоже
американец, сообщает корреспондент
«Известий» В. Шмыгановский, вторично
прилетает в Москву.
— Приехал снова, потому что мне у вас
очень нравится,— объясняет он причину.—
Чистые города, в которых, кстати, хорошо
дышится, большая семья разных
национальностей, дружеское расположение
окружающих... И еще «мелочь», на которую
у нас, видимо, никто даже не обращает
внимания: над городами не летают самолеты!
Он мечтает побывать в Киеве, в Сибири.
Думается, если бы он посетил Свердловск,
тоже не разочаровался бы. Что город наш
раздался, набрал силы и во многом стал
лучше, чем прежде, бесспорно. Тем выше
требования, предъявляемые к нему.
Что касается Свердловска, мы не обольщаемся,
у нас не закружилась голова от похвал.
Мы-то лучше знаем свой город, знаем его
достоинства, то, чем можно и должно гордиться,
и знаем недостатки. Ведь только не утрачивая
критического чувства, будучи всегда строгим
к себе, можно двигаться вперед...
Не скроем: мы хотели бы, чтобы наши города
были лучшими в мире — самыми удобными
для проживания, радующими глаз, с обилием
зелени. И, без прикрас, за шестьдесят лет
нам удалось достичь многого, шагнули далеко,
несмотря на тяжкие невознаградимые потери,
перенесенные в страшной войне, разрушения
многих городов, миллионы жертв.
— Вам нравится Киев?
Каждому, побывавшему в столице Советской
Украины, доводилось слышать этот вопрос,

---

* «Впечатления американского архитектора». ТАСС. Сообщение из Нью-Йорка.

обращенный к нему друзьями-киевлянами.
Спросят и смотрят ожидаючи на тебя.
И ты чувствуешь, что это не праздный вопрос,
нет, это — гордость за свой город, «мать
городов русских».
Город — плод коллективного труда многих
и многих людей. Как же не гордиться
живущим в нем, если город красив,
благоустроен, радует убранством, если жить
в нем приятно.
Так же гордятся своим городом ленинградцы.
Городская культура — это детали, это
продуманность всего вплоть до мельчайших
подробностей, до самого, казалось бы,
незначительного и незаметного...
«Литературная газета» как-то отмечала:
чем города многолюднее, тем более серьезные
проблемы встают перед ними.
— Странное впечатление оставляет ваш
Свердловск,— говорил один приезжий,
впервые посетивший столицу Среднего Урала.—
Много хороших зданий и... полное отсутствие
ансамблей. Все как-то разобщено, каждый дом
сам по себе. А город интересный, большой,
я бы сказал, героической судьбы...
Пестрота эпох — это одно (но и они как-то
очень хорошо увязываются друг с другом,
когда об этом много думают люди со вкусом
и пониманием), а пестрота безвкусия
и неряшества — совсем, совсем другое,
качественно иная категория. Вероятно, этот
приезжий нащупал уязвимое место.
Стоит задуматься и над другими
высказываниями.
«Лицо города во многом определяют здания.
Вряд ли Свердловск может похвалиться
«лица необщим выраженьем». Точнее,
оно стереотипное, не запоминающееся»,—
писала одна из газет в пору, когда в печати
обсуждался генеральный план строительства
Свердловска и перспективы его развития.
— Гастролей в Свердловск я жду
с нетерпением,— говорил солист Большого

театра народный артист СССР
Е. Нестеренко.— На мой взгляд, это один
из самых интересных городов нашей страны —
он напоен удивительным ароматом истории.
Люблю величественную природу этих мест...
Смотрите, какие противоречивые суждения.
Кто прав? Наверное, все. Прислушаемся к ним.
Артист говорит об аромате истории.
Что ж, все верно.
Да, мы любим свой Свердловск, но порой
становится неловко за некоторые просчеты
проектировщиков и градостроителей,
проявления небрежности и недодуманности
в отдельных строениях. А жаль, очень жаль,
ибо город по делам своим заслуживает
большой красы.
«Город — это могучий образ, который
усиливает деятельность ума. Почему бы ему
не стать и источником поэзии?» —
провозгласил в свое время Ле Корбюзье,
великий французский пророк от архитектуры
двадцатого века.
И в самом деле. А почему нет? Вдохновил же
старый Петербург пушкинский гений на
создание великолепных стихов, которые стали
украшением русской культуры и живут века.
Помните:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное теченье,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный...

Маяковский, приехав на Урал и походив
по Свердловску, тут же садится и пишет свое
знаменитое «Екатеринбург — Свердловск»
и «О вселении литейщика Ивана Козырева
в новую квартиру».
Архитектура — это ведь тоже воспитание,
воспитание красотой, разумностью и четкостью
форм, порядком, одушевленностью.
Действительно, пища для ума и сердца,
не только кров, место работы, магазины,

торговые точки, больницы.
Попытаться прояснить некоторые вопросы, представив их на широкое обсуждение наших читателей, взглянуть, хотя бы краешком глаза, в будущее Свердловска — задача диалога, который ведут представители разных профессий: ведь архитектура, по современному определению, синтетическое искусство и, стало быть, касается всех...

Итак, о городе, где мы живем...

Трудно ли построить город?

Куда деваться автомобилю

Жизнь, практика, мечты...

Что труднее: строить заново или перестраивать старое?

Старина, сокровища прошлого — кто в ответе за них?

Не давать воли бульдозеру...

Слово за зодчими.

Сколько забот у главного архитектора?

Как бороться со стандартностью?

Море асфальта или море зелени?

Много строить — не значит плохо строить.

Каков современный город, чем он отличается от городов прошлого? Каким он должен быть?

Решают талант и... организация.

О чем думает старый зодчий.

Что же в итоге:
каким видится Свердловск сегодня, завтра?

Таков круг вопросов, которые затрагиваются в диалоге главного архитектора Свердловска Г. И. Белянкина, архитектора А. Б. Фишзона и писателя, члена Центрального совета Всероссийского общества охраны природы Б. С. Рябинина.

Город — каким ему быть?

Диалог с главным архитектором города Геннадием Ивановичем Белянкиным начался в весьма примечательный момент — когда дважды орденоносный Свердловск готовился впервые отметить День города — 18 ноября 1978 года.
За столом — Г. И. Белянкин и Б. С. Рябинин.

С первых же слов мы погружаемся в пучину забот, мучающих нынешних градостроителей (впрочем, наверное, они, эти заботы, были всегда). Вопрос вопросов: что есть архитектура сегодня? Как определяет словарь Д. Н. Ушакова, «архитектура — зодчество, строительное искусство, наука о возведении зданий». Но разве это все? Невозможно создание настоящей городской среды, пространственной среды, как говорят архитекторы, без синтеза искусств, а также инженерной техники. Уже сейчас это рождает массу мнений, самое разнообразное отношение.

Рябинин. Геннадий Иванович, наше время характеризуется очень высокой активностью населения, все хотят какую-то свою ленту внести в общественную жизнь — в строительство, во всякие дела; все хотят жить в городе хорошем, благоустроенном, красивом. Требования выросли у всех без исключения. Пишут и говорят об этом наши граждане, печатают бесконечные статьи газеты...

Должен признаться, я не случайно касаюсь этого: даже я, писатель, казалось бы, не имеющий никакого отношения к проблемам застройки города, архитектуре, получаю письма на эту тему. А что же говорить о вас? Это знамение нашего времени: человек чувствует себя хозяином на своей земле, считает себя в ответе за все и не хочет быть пассивным.

К тому же и стремительное развитие промышленности, техники порождает свои, подчас острые вопросы, разобраться в которых и решить ко всеобщему благополучию не всегда легко и просто. Повторяю, требования эти — требования непрерывно растущей нашей культуры, возросшего сознания.

Признаюсь, и у меня тоже много претензий к нашим архитекторам. Прошлым летом я побывал в ряде городов Сибири и Дальнего Востока и должен сказать: сравнение во многом не в пользу Свердловска. Да, город наш большой, могучий, о нем знают — и уважительно отзываются — далеко от Урала. Но надо ли обольщаться этим? Кому много дано, с того много спрашивается.

Мне бы и хотелось начать с большой общественной заинтересованности судьбами родного города, с того, каким он видится нашим жителям...

Белянкин. В связи с возросшим интересом к проблемам архитектуры, строительства, благоустройства, а также обострившимся значением охраны окружающей среды (тоже непростое дело) все невероятно осложнилось и находится под обстрелом бесчисленных глаз, подвергается непрерывной критике. Должен сказать, что мы в нашей работе находимся где-то на гребне градостроительных событий, с которого лучше видны не только успехи, но и многие недостатки, а иногда и явные ошибки. При громадных и всенарастающих темпах роста города-гиганта наши программы, рассчитанные на три-пять лет, конечно, не всегда воспринимаются как положительные. В значительной мере это происходит еще и потому, что многие не видят и не знают направлений перспективного развития города.

Рябинин. Вот вы и поделитесь с нами...

Белянкин. Мы, градостроители, в силу научно обоснованного профессионального прогнозирования видим сегодня дальше и больше, чем, допустим, наши самые образованные и культурные слои населения.

Рябинин. Вам сам бог велел видеть дальше!

Белянкин. Но это имеет и свою негативную сторону. Архитектура, если говорить о комплексных вопросах, связанных проблемой градостроительства

в целом, настолько сейчас врастает в существо жизни общества, в быт повседневного человеческого существования, что главное острие критики о недостатках в области строительства направлено прежде всего на нас, архитекторов. И это справедливо, так как, к примеру, плохую книгу можно не читать, положить на полку; плохую картину не смотреть, не ходить в картинную галерею, и вообще ее могут убрать в запасник; а произведение архитектуры входит в вашу жизнь надолго, почти необратимо, и, таким образом, архитектор, сталкиваясь с проблемами человеческой жизни, вызовет к своей работе повышенный интерес. Отсюда определенная неудовлетворенность и эмоционально-художественная и функциональная заинтересованность работой архитектора и вообще строительством.

Я считаю, что архитектура сегодня, если ее рассматривать комплексно, как один из видов формирования пространственной среды, затрагивает не только вопросы быта, но и вопросы философии, вопросы эстетики, художественного мышления в самом глубоком смысле этого понятия, вопросы нравственного воспитания людей.

Отсюда и та масса писем, которые идут в редакцию, к вам, писателям, которые соприкасаются с этим. Много писем поступает в исполком городского Совета, мы вынуждены сегодня разъяснять наши позиции — позиции градостроительного гуманизма, нашу точку зрения, и где-то пытаться с общечеловеческих позиций заглянуть вперед и заставить окружающих нас людей тоже посмотреть вместе с нами в будущее и поверить в него.

Здесь сразу возникает вопрос — настолько ли высоко мы стоим сегодня политически, нравственно и профессионально для того, чтобы иметь право разъяснять обыкновенному человеку суть нашей позиции.

Рябинин. Вот мы и подошли к началу разговора. Как же с ваших позиций, о которых вы сейчас говорили, вам представляется, на примере нашего Свердловска (поскольку мы с вами свердловчане, то, естественно, будем исходить из практики свердловской), развитие города, его перспективы, сегодняшнее состояние и завтрашнее?

В архитектуре управляют законы композиции как законы красоты, проблема соотношения частей и целого. Золотое сечение — оно известно с далеких времен, едва ли не с того момента, когда человек ощутил себя творцом и созидателем. Такое же золотое сечение, равновесность частей существует, по крайней мере должно существовать, в обществе, в человеческом коллективе... Вы согласны? И вот, если мне будет позволено такое сравнение, архитектура — это оправа или оболочка жизни, которая должна предвосхищать, что внутри. Построить дом еще не самое трудное, главное — построить в нем жизнь.

Белянкин. Всю нашу градостроительную политику определяет генеральный план города. Генеральный план, по существу, тот главный документ, по которому мы сегодня работаем, от которого стараемся не отклоняться.

Рябинин. Но, к сожалению, по-моему, все-таки отклоняетесь. Сейчас началась реконструкция центра. Ваш предшественник, помнится, заявлял, что центр мы сберегли, то есть в том смысле, что не дали застроить его стандартными серыми домами; приходилось мне слышать и обратное мнение — что центр мы испортили, как выразился один ваш коллега, потеряли еще в 30-х годах... Кому верить? Очень недовольны наши сограждане, что недавно на берегу Городского пруда, поблизости от нового центра и того места, где должно встать новое здание драматического театра, около моста через Исеть, появилось какое-то сборно-бетонное служебное здание...

Белянкин. Отклоняемся, может быть, в вопросах локальных, частных, а главные направления развития города соответствуют этому документу.

Рябинин. Расскажите, что представляет в основном генеральный план Свердловска. Чем он отличается от планов других городов? Несет ли какие-то специфические черты своего времени, тех задач, характерных для этого времени?..

Почему-то сейчас мне представляется, как два с половиной столетия назад гремели залпы на берегу Исети в честь пуска Екатеринбургского казенного железоделательного завода. Восемнадцатое ноября

(по новому стилю) стало днем рождения города Екатеринбурга, в советское время ставшего Свердловском...

Белянкин. Генеральный план Свердловска, если говорить о нем, заглядывая в историческую перспективу, вырос на основе тех главных принципов, которые были заложены нашими предшественниками, то есть первыми зодчими и строителями города, еще Екатеринбурга. По существу, именно эти положения явились той основой, которая дала право и возможность развивать их в новых социальных и политических условиях. Город основали умные люди.

Второй фактор, который определенным образом повлиял на генеральный план, это плотное кольцо лесов, окружающих старый Екатеринбург и новый город Свердловск.

Третье. Повлияли на развитие генерального плана и структуры уже сложившейся за это время, особенно в советский период, сети промышленных зон. Вот эти обстоятельства и наложили свой отпечаток на город, создали его неповторимый образ. К природным факторам нужно отнести наличие природных водоемов.

Рябинин. В прежнее время все заводы и поселки при них строились у воды — около речки, на которой можно было устроить запруду. Известно, что уже на первом году существования Катерининска (таково было самое первое название города) лето оказалось очень жарким, засушливым, в пруду воды не хватило, а вода была главным источником энергии — приводила в действие машины и механизмы... Это побудило создать здесь «службу погоды» — повести метеорологические наблюдения на знаменитой обсерваторской горке!

Белянкин. Город очень разросся за последнее время. Только за период с 1968 по 1975 год построено 4,6 миллиона квадратных метров площади, что позволило почти вдвое увеличить жилой фонд и повысить обеспеченность до 8,2 квадратных метра жилой площади на одного жителя. Обеспечение инженерным благоустройством увеличилось до 80 % против 67 в 1967 году. За этот же период снесено 346 тысяч

квадратных метров жилой площади в бараках, аварийных домах и малонаселенном одноэтажном фонде. Переселены жители из подвальных помещений.

Возникли и начинают архитектурно-пространственно и планировочно оформляться жилые районы: Юго-Западный и Академический, ВИЗ правобережный, Сортировка, Пионерский поселок, Химмаш, Уралмаш. Город обогатился такими зданиями, как киноконцертный театр «Космос», гостиница «Свердловск», Дом политического просвещения, Дворец спорта, Дворец молодежи, ДК «Урал», кукольный театр. В 1978 году завершилось строительство нового ТЮЗа, очень затянувшееся, заметим... Родилась новая площадь — площадь Советской Армии.

Город сам по себе относительно компактный, он протянулся на 25 километров с севера на юг и до 14—15 километров с востока на запад. Это, конечно, территория более чем скромная и рассчитана на полтора миллиона жителей на первом этапе развития, то есть до 2000 года. Сравним с такими городами, как Волгоград,— имеет протяженность 90 километров, Челябинск — сегодня уже до 40 километров, Пермь — 50 километров. Представляете, 25 километров или 90 — в наших условиях это расстояние далеко за Первоуральск.

Интересно сравнение со Стокгольмом. Население там почти как у нас — один миллион двести тысяч или что-то около того, а по площади Свердловск в четыре раза превосходит столицу Швеции. Что следует отсюда? Житель Стокгольма за год совершает 322 поездки по своему городу, житель Свердловска — 800. Стокгольмец ежегодно теряет в транспорте 76 часов, мы — 365 часов каждый. А ведь это, между прочим, то время, которое могло быть употреблено с большей пользой, время, которого нам так не хватает...

Рябинин. В Волгограде я обратил внимание, что вечером, только спускаются сумерки, движение заметно стихает. Спросил — почему так? Город растянут по берегу Волги, а живут некоторые за 80 километров от центра, тащиться в такую даль после трудового дня никому не хочется, жизнь на улицах замирает с наступлением темноты.

Белянкин. У нас даже в район Уралмаша или Химмаша, если ехать от центра города, 12—13 километров, и уже считаем — большое расстояние.

Рябинин. Волгоградцы говорят, что у них задача — все районы соединить.

Белянкин. Там тенденция другая: районы этих городов, а точнее группы жилых районов, формируются, будучи связаны какими-то скоростными транспортными магистралями.

Итак, здесь есть и плюсы, и минусы. Если в таких городах, как Волгоград, Пермь, Челябинск, размещение промышленных предприятий определяется тем, что они отделены санитарно-защитными зонами от селитебных (предназначенных под застройку или находящихся под застройкой) территорий, у нас по-другому: первый завод, второй, третий и только потом начинается район жилой застройки. Такое взаимопроникновение жилья и промышленной территории чревато прежде всего тем, что человек чувствует себя в этой обстановке не совсем уютно, даже если формально и соблюдены санитарно-гигиенические нормы. Влияние промышленности на жилые образования в условиях компактного города более опосредовано. Безусловно, это не могло не сказаться на генеральном плане: заставило исходить из реального положения и размещать жилые территории с учетом близости предприятий. По генплану новые жилые массивы предусматриваются, как правило, на землях, мало или совсем непригодных для пахоты, где нет крупных лесов, где не разобьешь парка и т. д. Чаще это болота, заторфяненные территории, располагающиеся в значительной удаленности, и, таким образом, встает проблема доставки людей к месту работы. Характерный пример Юго-Запад — район-спальня, где только один крупный завод, но тем, кто живет там, приходится ездить на Уралмаш, во Втузгородок, на Химмаш, в центр города. Должен сказать, что и в дальнейшем будет отмечаться та же тенденция — уход жилья от промышленных предприятий. Вся застройка города после 1990 года будет вестись на юго-западе, в районе Широкореченского и Сухореченского торфяников, где тоже нет и не будет промышленности.

Рябинин. Как решает генплан транспортную проблему?

Белянкин. Путем интенсивного развития общественного транспорта, и главным образом с помощью метро. Первая очередь, Химмаш — Уралмаш, север — юг, уже заложена. Для осуществления ее, конечно, потребуется не один год. Юго-Запад — Кировский район — будет несколько позднее.

Рябинин. Значит, сидеть нам в автобусе, троллейбусе и слушать, как колеса накручивают километры? Плохо.

Белянкин. Не нравится — заводите личные «Жигули». Машина рассчитана на эксплуатацию в любое время года, удобная. Это, конечно, не транспорт будущего, но определенную роль сыграть может, сбрасывать со счетов нельзя...

Рябинин. Тут я с вами не согласен. Но к разговору об автомобиле мы вернемся позднее, а сейчас о другом. Генеральный план и вообще всякое строительство, если оно производится не на чистом месте, предусматривает снос старого, изжившего себя или, вернее сказать, пережившего свои сроки, физические и моральные... Есть ведь и моральный износ, очевидно, в архитектуре тоже существует такое понятие? Но сносить надо осторожно, продумав все предварительно, а то ведь можно и навредить городу, да так, что потом будешь хвататься за голову, да поздно — ничего не исправишь. Короче: что сохранить? что сломать? как вписать старое в новую структуру города?

Белянкин. Это сейчас лично для меня одна из важнейших проблем. Я часто веду борьбу с самим собой...

Рябинин. То есть?

Белянкин. Еще часто приходится напоминать и себе, и другим руководителям, и, как ни странно, архитекторам крылатую фразу Александра Сергеевича Пушкина — «Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости». Не можем же мы себя считать дикарями?

Рябинин. Грустно, что это приходится доказывать...

Белянкин. Да. Многие архитекторы сейчас стоят

на порочной позиции: утвердить бы себя только, свое творение, а то, что сделано до нас,— нас не касается. Под этим нередко скрывается нежелание поломать голову над решением сложной задачи сочетания нового со старым. Иногда стоит больших усилий убедить в необходимости этого: призывать — это одно, а делать, создавать — куда сложнее.

Рябинин. Чтобы ломать, не требовалось учиться в архитектурном институте. Мне передавали: недавно было отчетно-выборное собрание Союза архитекторов, приезжали гости-ленинградцы. Они отмечали: город утрачивает свое историческое лицо — исчезает старая архитектура, ощущается разбросанность. Это же прискорбно. Говорят, гость в доме зорче хозяина.

На одной из последних конференций Общества охраны памятников истории и культуры присутствовал представитель из Москвы, почтенный по возрасту человек, специалист по старине и реставрации. Перед тем он много походил по городу и сказал, что был поражен нашим богатством — как много старинных зданий у нас еще уцелело, зданий, которые надо сохранить *. Но это как раз не должно успокаивать нас. Наоборот! Должно настораживать: берегите, пока есть что беречь, пока не растеряли.

Почему мы на этом вынуждены останавливаться? В руках у меня «Правда», статья «Завещано веками». Читаю: «Нами движет время, и мы обязаны слушать его голос, если хотим сделать что-то свое, новое, если чувствуем ответственность перед своими современниками. Ориентируясь на прекрасные образцы прошлого и понимая, сколь неравноценны наши нынешние работы, мы тем не менее неуклонно движемся вперед. Неизменно растут критерии,

* Можно также напомнить мнение авторитетной комиссии, прибывшей из Москвы, во главе с профессором А. М. Разгоном. Походив по городу, члены комиссии сказали: «Эти дома словно специально созданы для музеев. Берегите их, устраивайте в них выставки, экспозиции, отдавайте их под музей». Следует отметить, что это предложение нашло поддержку у министра культуры РСФСР Ю. С. Мелентьева и было одобрительно встречено в исполкоме областного Совета.

связанные с духовными и социальными запросами нашего общества». Это — Георгий Товстоногов, художественный руководитель Ленинградского Большого драматического театра — БДТ. Сказано о театре, а целиком подходит и к архитектуре, к проблеме градостроительства сегодня. Между прочим, там говорится о деятельности главного режиссера театра: «Современный режиссер, а особенно главный, живет в состоянии крайней занятости... Для глубоких раздумий досуга частенько не хватает. Но все же у каждого из нас возникает потребность остановиться, попытаться разобраться в общих процессах жизни... Если этого иногда не делать, то можно, выражаясь терминологией К. С. Станиславского, утерять сверхзадачу, забыть, во имя чего все эти перегрузки, тревоги, усталости...» Вероятно, это подходит и к главному архитектору? Будем считать нашу беседу тем моментом раздумий, которые необходимы каждому...

Белянкин. Сейчас в какой-то мере лед начинает ломаться. Но с большим трудом. Однако внедрять новые тенденции, новые направления, относясь с уважением к старому, пока еще очень сложно.

Есть еще одна особенность уральской архитектуры: она вся деревянная, как правило, гнилая, на 80—100% уже амортизирована, ткни — и все развалится. Возьмите среднерусские города Рязань, Москву, Суздаль, Владимир, там — кирпич, камень. У нас остались, как правило, одни деревяшки, за исключением очень немногих крупных сооружений. Большая часть сооружений снесена, то есть нет того, за что можно было бы зацепиться в ансамбле.

Рябинин. И остатки сейчас добиваем...

Белянкин. Видимо, на определенных этапах становления нашего сознания и нашей культуры что-то удается, а что-то и не удается сделать. Мне пришлось всеми силами защищать дом Соломирского на улице Карла Либкнехта, как частицу богатой вековой истории и как необходимую деталь ансамбля Дворца пионеров. Я считал, что его надо было сохранить не только как ценность историческую, но и как часть градостроительной среды, окружавшей дом Харитонова. Однако некоторые архитекторы Сверд-

ловскгражданпроекта не могли понять значимости этого дома, «открыли всем ветрам» Дворец пионеров и, на мой взгляд, тот сейчас масштабно потерялся в этом большом пространстве.

Говоря о новой и старой архитектуре города, многие архитекторы привыкли их рассматривать в состоянии антагонизма: дескать, одно исключает другое. Но истина в другом. Город всегда накапливал, собирал, аккумулировал архитектурные ценности веков, соединял их, хотя часто и стихийно, в единое, неповторимое — в гармонию сложного, а порой и противоположного. Это и есть образ города — живой развивающийся организм.

Работа над художественным обликом города предполагает осмысление топографических особенностей его местоположения. Замечательным планировочным качеством старых городов в постановке комплексов и отдельных зданий было разумное использование рельефа. Городской пейзаж создавался не в противоречии с пейзажем местности, а на его основе и в его развитии. У нас примером тому как раз мог служить замечательный комплекс Дворца пионеров и краеведческого музея — бывшей церкви — на Вознесенской горке. Это уникальный пример умения связывать застройку не только с рельефом, но и со всей окружающей природой. Раньше тут был лес сосновый.

Рябинин. Мое мнение: Дворец пионеров (бывший Харитоновский дом) очень проиграл от того, что сломали дом Соломирского и Ипатьевский дом, с которым так много связано, и некоторые товарищи напрасно тщатся доказать, что он, то есть Дворец, стал «виднее». Стоит он теперь сиротливо одинодинешенек. Остается — посадить лес с той стороны, где был дом Соломирского... Вы, конечно, понимаете, что это шутка. Грустная шутка.

Испортили площадь. А ведь была, пожалуй, единственная действительно историческая площадь, доставшаяся нам в наследство от прошлого, единственная, я бы сказал, в мире (если вспомнить о связанных с нею событиях), получившая в свое время название площади Народной мести, а потом стыдливо переименованная.

Здесь опять как не вспомнить Бажова. Он всех людей делил на узкоглазых и широкоглазых. Узкоглазый человек, то есть видящий все ограниченно,— наша беда, говорил он. А широкоглазый — тот, кто смотрит далеко вперед, видит и справа, и слева, и то, что было позади, объемлет все явления разом. Широкоглазые люди нам нужны. Время подтверждает правоту мудрого уральского сказочника. Необходимость решения вопросов в совокупности всей их сложности мы ощущаем сейчас повседневно: в строительстве, в проблеме сохранения памятников истории, в архитектуре — везде. «Широкоглазие» становится насущно необходимым во всех без исключения сферах человеческой деятельности, и чем дальше, тем больше, по мере того, как усложняется жизнь.

Белянкин. Конечно, было легче говорить, защищать тогда, когда мы не вторгались в структуру центра новым строительством. Сейчас мы все время вынуждены сталкиваться с такими ситуациями, которые очень сложно преодолевать потому, что сидит архитектор, имеющий свое особое мнение, и мне защищать официальную позицию и настаивать на исполнении бывает очень трудно. Вторжение в творческий процесс всегда имеет две стороны медали.

Еще наша беда: очень много людей, готовых власть употребить там, где этого не следует делать, людей, часто не имеющих специальных знаний, но почитающих себя за знатоков архитектуры и градостроительства... Это большая беда и серьезная помеха! Партия не раз строго предупреждала о недопустимости подобных методов руководства, но, увы, они все еще имеют место.

Рябинин. Когда-то Чехов говорил: невозможно представить, чтобы на собрание медиков пришел человек, не смыслящий в медицине, и начал поучать присутствующих. К несчастью, в литературе это обычное явление. Так же и в архитектуре,наверное.

Белянкин. Но сейчас, повторяю, лед тронулся, легче стало разговаривать и, следовательно, проводить в жизнь необходимые взгляды. Чем это объяснить? Наверное, больше начали думать о макси-

мальном сохранении старины. Говорим об этом на всех уровнях, используя любой повод при встречах с нашими руководителями. В какой-то степени и это имеет свое значение.

Рябинин. Наверное, Общество охраны памятников истории и культуры, его работа тоже играет свою роль.

Белянкин. Конечно. Кто-то должен готовить исподволь общественное мнение. Кое-что уже делается. Попытались заново воссоздать дом Малахова, для чего потребовалось его передвинуть на новое место, подальше от проезжей части. Восстанавливаем Рязановскую церковь — знаете, где был кинотеатр «Рот-фронт», в районе старого цирка.

Рябинин. Но там же колокольня снята?

Белянкин. Есть предложение — восстановить купол и колокольню, не из камня, но хотя бы декоративно.

Бьемся сохранить старое здание в Историческом сквере, бывшую богадельню, около цветочного магазина по улице Малышева. Но эта идея тоже встречает много возражений, в том числе со стороны профессора Николая Семеновича Алферова.

Рябинин. Почему?!

Белянкин. Он проводит идею, что Исторический сквер (в создании которого Алферов, кстати, участвовал) надо раскрыть больше на улицу Малышева. Я ему доказываю, что необходимо сохранить ансамбль и придать градостроительное и историческое равновесие между этим берегом и тем... Нет!

К согласию долго прийти не могли. Но могу успокоить: вопрос решился — здание остается. Битва выиграна.

Рябинин. Коль мы заговорили об Историческом сквере, вспомним историю старой «Монетки». Вспомним, какая шла борьба вокруг нее: оставлять? не оставлять? Теперь, вероятно, уже многие поняли, что перестарались, уничтожая ее...

Мы говорили о старом, историческом ядре города, как и где он начинался. Отсюда пошел город. Здесь его исток.

Архитекторы, когда вопрос коснется формирования центра, толкуют о вертикальной композиции

ядра. Три доминанты были — церкви с колокольнями, возвышавшимися над остальной массой построек и как бы задававшими всем тон; три доминанты теперь... Они есть и сейчас, точнее, появятся скоро: новый Дом Советов, высотное здание на стрелке Городского пруда (оно встает за старым, полюбившимся свердловчанам пятиэтажным зданием-«кораблем», там, где сейчас стадион «Динамо»), и многоэтажный дом на левом берегу пруда, за Домом учителя, близ центрального почтамта... Так, по крайней мере, вычерчено на чертежах и выглядит на объемном макете города. Интересующиеся могут обозреть все это в музее строительства Свердловска, что находится в одном из уцелевших зданий, на месте бывшего завода...

Но есть, если позволите так сказать, еще исторические доминанты. В Москве — Кремль с его Иваном Великим, в Ленинграде — Петропавловская крепость... У нас — «Монетка».

Жизнь городу дал медеплавильный и железоделательный завод, вставший у плотины Городского пруда, но прославила — «Монетка».

Екатеринбургский монетный двор начал действовать еще до организации монетного двора в Петербурге.

В. Н. Татищев, основатель Екатеринбурга, побывав по заданию Петра I в Скандинавии, ознакомился там с монетным производством. Цель была — наладить выпуск собственных монет — «платов», предназначенных для внутреннего обращения, главным образом в районах Урала и Сибири.

9 октября 1725 года начальник Уральских горных заводов Геннин дал распоряжение и подписал инструкцию, как наладить выпуск квадратной медной монеты — «платы» (уже само название говорит о сходстве по форме с головным женским убором — платком). Место определили на заречной стороне, то есть на левой стороне Исети, ниже плотины, где позднее встал завод имени Воеводина.

Москва прислала образцы — шведские «платы», а с ними и мастера, шведа Дейхмана, да еще шесть русских мастеров монетного дела. В помощь им на месте дали еще двух мастеров, одного подмастерья и трех учеников. Делалось все вручную, только обжим листа меди до требуемой толщины производился плющильной машиной, приводимой в

движение водой. Для начала ограничились небольшим количеством пробных «платов» стоимостью в 10 копеек, 25 копеек и 1 рубль. Да еще был сделан полтинник — 50 копеек, полрубля.

В 1726 году вышел специальный сенатский указ об изготовлении на сибирских казенных заводах из красной меди «платов», в коем говорилось: «...делать из красной меди платы и клеймить в середине цену, а на каждом углу герб... только весом те платы приводить в пуд 10 рублев, не вычитая из того весу задельных и других расходов, дабы в тех платах не было народного убытку, а воровством бы таких же платов делать было невозможно и ходить тем платам в народе за всякие товары и подати».

Тяжелехонькие были монеты, из пуда чеканилось 10 рублей, рублевая монета весила 4 фунта (1 килограмм 600 граммов), полтинник — вполовину меньше. Зато чеканились они из первой российской меди и шли, ввиду своей полноценности, наравне с серебряными. Последнее имело особое значение, так как близость азиатских рынков вела к исчезновению серебра. Оттого и монеты были такими тяжелыми и большими: этакую громадину не сунешь в потайной карман, не унесешь тайно.

Именным указом Геннину от 30 декабря 1726 года «О приготовлении в Екатеринбурге пятикопеечных кружков и прекращении выделки квадратной монеты» было выдано предписание приступить на Екатеринбургском заводе к производству полуфабрикатов медной пятикопеечной монеты (уже круглой). С 1727 года начался выпуск медных кружков для пятаков. Окончательная обработка их производилась на Московском монетном дворе.

Екатеринбургский монетный двор действовал вплоть до 1876 года. А когда перестали чеканить монеты, появилось другое дело — камнерезно-гранильное, обработка поделочного цветного камня, коим издревле славился седой Урал.

Екатеринбургская гранильная фабрика дала много бесценных произведений искусства, бережно сохраняемых сейчас в крупнейших музеях и художественных галереях мира.

Неграмотные самоучки — гранильщики и камнерезы явили миру чудо. В тридцатых годах XIX столетия французский ученый-путешественник географ д'Эйрие, побывав в Екатеринбурге, пишет в своей книге: «Единственное * зрелище

* В смысле невиданное более нигде, неповторимое.

представляют казенные шлифовальные фабрики на берегу Исети. Приготовляемые здесь колонны, капители и вазы превосходят чистотою отделки все, что древность оставила нам в этом роде самого изящного...»

В 1924 году, вскоре после смерти В. И Ленина, по постановлению 1-го областного съезда горнорабочих Урала здесь было сделано яшмовое знамя как память о великом вожде, знамя горняков — самобытное, истинно уральское творение. Оно было высечено в шестипудовом монолите редкой по раскраске и рисунку сургучной яшмы, с окантовкой из белого агата. В левом верхнем углу была врезана пятиконечная звезда, тоже из агата, внизу буквы — РКП(б), а с правой стороны слова: «Бессмертному вождю». Изготовили знамя за две недели камнерезы братья А. и Г. Татауровы, В. Семенов, А. Шубин, А. Платонов под руководством профессора В. Матлина и студента Уральского университета С. Падерина. Ныне это знамя хранится в Центральном музее В. И. Ленина в Москве. Здесь гранились рубиновые звезды для Московского Кремля, изготовлялась из цветных камней карта СССР для Всемирной выставки. Повторяем, несть числа удивительным по красоте и оригинальности творениям, которые создавались в этих толстых каменных стенах, напоминавших средневековые замки, в тесных каморках-кельях с узкими оконцами, скупо пропускавшими лучи солнечного света, искусными шершавыми руками уральских умельцев, единственным, по сути, орудием труда которых был наждачный круг...

Здесь же, на этом укрытом от сторонних глаз каменным четырехугольником стен тесном «пятачке», плавили металл, отливались и сверлились пушки, ковались якоря и другое воинское оснащение во славу мощи русской державы.

С ходом времени металлургический завод превратился в механический, затем в железнодорожные мастерские, которые в 1929—1930 годах назвали заводом имени В. С. Воеводина. То же название получил заводской переулок за плотиной. Василий Савватеевич Воеводин был котельщиком вагонного цеха. После Октябрьской революции он, рабочий-большевик, становится активным красногвардейцем, заместителем начальника штаба Пятого района города. В. С. Воеводин пал смертью храбрых в ожесточенном бою с белогвардейцами и интервентами под Сылвенским заводом в 1918 году.

На совесть послужил завод в Великую Отечественную, работая на оборону, для фронта, для победы.

Улица (переулок) Воеводина — самая короткая в городе: на ней всего шесть зданий. Но, кажется, даже сам воздух ее пропитан историей. Например, при входе во двор многоквартирного дома виден кусочек старого фасада, вроде ничем не примечательного... Но все ли знают, что он достался нам от прошлого века, когда тут было помещение артиллерийского арсенала? После размещались музей и научно-краеведческая библиотека. С докладами и научными сообщениями здесь выступали Д. И. Менделеев, А. П. Карпинский, Д. Н. Анучин, А. Е. Ферсман, В. Л. Комаров, В. А. Обручев...

Если покопаться, найдешь и другие признаки старины, характерные для стоявших здесь зданий: большемерный кирпич, бутовая кладка, то есть бутовый камень в фундаменте и т. д. К числу этих зданий относится и бывшая богадельня с ее массивными стенами, сводчатой аркой и вообще всем характерным наружным обликом.

Многие души грела «Монетка». Одни дивились простоте и продуманности ее форм, другие — люди с техническим складом мышления — особенностям строительной техники, долговекости сооружений. Хитрые загадки загадывала «Монетка» строителям. «Анализ кладки показал,— восторгался кандидат технических наук П. Я. Сорокин,— что крепость выше 50-го номера кирпича...»

Гранильная фабрика была в прошлом веке оформлена М. П. Малаховым, это увеличивало ее ценность как памятника уральского промышленного зодчества.

«Монетка» — визитная карточка города и таковою ей оставаться всегда, было единодушное мнение абсолютного большинства свердловчан, и не только свердловчан.

Писательница Ольга Маркова вспоминала беседу с Бажовым. Павел Петрович в ту пору болел. «...Я пришла навестить его в больнице. Я уже знала, что он болен смертельно, и шла в больницу с тяжелым чувством: вдруг эта встреча будет последней. Так и случилось: отсюда его увезли в Москву, где он и умер. Шла я медленно мимо сада, огороженного литой чугунной оградой с оригинальным рисунком: вверху бутоны нераспустившихся цветов, но, кажется, вот-вот они распустятся. В центре решеток — звезды в ромбах. (Речь идет о решетке сада у горбольницы № 2.— **Б. Р.**)

Вид Бажова меня поразил: лицо пожелтело, глаза ввалились.

— Садись, Оленька,— устало пригласил он.

Разговор не вязался. Думаю: «Устал... Не до меня ему. Нас много, а он один...» Присела напротив и сказала невпопад от смущения:

— Какая ограда у больничного сада великолепная! — взглянув на больного, удивилась: лицо его оживилось, глаза повеселели.

— А знаешь, когда она отлита? В том веке! А ты часто по городу ходишь, Оленька?

— Не приходится... Все некогда, Павел Петрович...

— Да... вот... некогда нам все... А ведь город-то наш — живой музей. Ограды... Чугунные решетки, кованое металлическое крыльцо, лестничные ограждения... А Дворец-то пионеров наш (купца Харитонова дом) неужто не разглядела?

Я кивнула. Дворец пионеров я, конечно, разглядела. Хорош! И не раз поражалась я необычному слиянию ионических, коринфских и дорических колонн с решетками, воротами, оградами, которые кажутся легкими, воздушными, несмотря на то, что отлиты из чугуна. Но кивнула, соглашаясь: не разглядела! Лишь бы говорил... говорил этот мудрый человек! Лишь бы так же вдохновенно блестели его глаза! Лишь бы он жил!

Павел Петрович укорял меня и всех, кто так не любопытен:

— Простора-то сколько вы не заметили! Спокойствия в рисунке... А ритма-то сколько! Поэма! Город наш — музей! А мастера-то... Уходят мастера... Упало искусство художественного литья... Беречь бы его надо!

Я боялась: утомился. Как бы не ухудшилось его состояние, упрекала мысленно себя, что затеяла этот разговор, но остановить его было невозможно. Он продолжал:

— Походи-ка по городу, Оленька, просто так походи... Не торопись только, как в музее походи. По улице Куйбышева есть дом... Церковь, где сейчас краеведческий музей! А каменная стена монетного двора... Видала, какой ажур ее держит? Все разгляди: балконы старые, кронштейны к ним, решетки на кровле и в окнах... Воздушность какую создавали! Чудо!»

Многим памятно: когда приезжал кто-нибудь из почетных гостей в Свердловск, Павел Петрович первым делом

вел его на плотину, сопровождая показ своим комментарием о ее строителе, крепостном мастере Злобине, и его творении: «Вот,— с торжеством, с гордостью за рабочего человека говорил он,— больше двухсот лет стоит. И будет стоять». А пуще всего он любил и выделял барельеф на углу стены «Монетки»: «Вот он, кто город поставил, безымянный труженик... Имя-то не сохранилось. Да и не надо, наверное. Много их было. Не один ведь строил...»

«Монетка» — мемориальное место, считал Бажов. Вся — памятник работному люду. Всю и беречь.

Когда решилась судьба «Монетки», теперь, пожалуй, точно уж не установить.

Давно шел разговор, что заводу не место в центре города, тем более — вагоноремонтному, который и коптит, и тащит сюда всякий хлам, надо его «вывести». И это было, безусловно, правильно. Но как это сделать, что оставить, об этом следовало крепко подумать, прежде чем дать команду сверлить шпуры для закладки взрывчатки в стенах зданий, простоявших не один век и давно ставших своеобразным символом долголетия и прочности. Да чтоб снести «Монетку» — и корпус гранильной, и цехи бывшего металлургического, все, все без остатка, о том вроде и мыслей не было, по крайней мере вслух...

Стена, архитектурно оформленная, с решеткой — «бегущими кольцами» поверху (такой решеткой-ограждением был окаймлен весь пруд; такая же решетка есть в Ленинграде, эта деталь лишний раз сближает город на Исети с городом на Неве), которой был обнесен завод, служила не просто обычной оградой. Та часть ее, что тянулась по плотине, имела еще и другое (функциональное, как скажут современные деятели архитектуры) назначение: вставая преградой на пути ветров, дувших вдоль поймы Исети, она в известной мере регулировала микроклимат этого места. Под ее прикрытием уютнее было заводу. В старину учитывалось все.

Кстати, стена вызывала, пожалуй, больше всего нареканий: суживает плотину, мешает движению. Комиссия, приезжавшая из Москвы, считала возможным ее передвинуть. Остроумное решение предлагал архитектор А. Б. Фишзон. По его замыслу, стена оставалась на месте, но тротуар переносится по другую сторону от нее; таким образом, про-

езжая часть расширяется, выигрывает и пешеход — стена отделяет его от проносящихся автомашин, трамваев.

Стена состояла из пилястров — колонн, заправленных в стену, а между ними — «зеркала», то есть заполнение между колоннами; если их вынуть (что, по мысли Фишзона, не составляло особого труда и не меняло общего облика сооружения), стена станет «прозрачной» и одновременно будет границей тротуара.

Между прочим, плотина стояла двести с лишним лет, не вызывая особой заботы: предки строили надежно, на века. После того как ее отремонтировали, после взрыва «Монетки», отремонтировали по всем правилам современной техники, с применением современных материалов, появились протечки. Архитектурное оформление подчинило себе инженерную часть, и вышло не совсем ладно. Починили еще раз, плотина перестала течь.

Собственно, разрушение ансамбля «Монетки» началось с того, что сняли старую решетку с обрамления плотины, несмотря на то, что на ней была мраморная доска с надписью «Охраняется законом», и решетку с набережной Городского пруда и заменили их, скажем прямо, далеко не самыми оригинальными *, а по плотине протянули скучное бетонное корыто (уже вскоре покрывшееся трещинами), которое девять месяцев в году служит копителем окурков и мусора и лишь три в нем цветут цветы. Снесли решетку, которая простояла сто лет и еще столько же простояла бы (новая уже требует ремонта) **.

---

* На юге такие решетки тянутся на десятки километров — вдоль дорог, перила бесчисленных мостиков и т. д. Стандартная, неплохая, но достаточно примелькавшаяся продукция литейного производства. Оригинальные убираются, стандартные на их месте водружаются (?!). «Поставили решетку, оскорбляющую чувства всякого металлурга, уральских литейщиков»,— такие реплики слышались повсюду. Только настоятельные требования общественности заставили отлить новую решетку с прежним рисунком (старую всю отправили в лом) и установить на части отремонтированной плотины... Оказалось, возможно!

** По этому поводу один старый житель Свердловска, но отнюдь еще не старик, краевед и вообще знаток Урала, влюбленный в город и свой край, возмущенно говорил:

— Я мечтаю, чтобы была восстановлена решетка на плотине... когда-нибудь это обязательно сделают! А на ней доска с надписью: «Решетка была сделана уральскими рабочими в таком-то году. Уничтожена при главном архитек-

Примерно около того же времени исчез барельеф, память о строителе города. Сперва его забелили известью, так он стал частью кирпичной кладки, почти слился с ней, потом загородили доской с объявлениями, а вскоре его совсем не стало. Пытались искать, но — тщетно. Очевидно, как и многое другое, его свалили в кучу металлолома и отправили на переплавку. Не кощунство ли? Потрясающий факт невежества и неуважения к прошлому. Ныне в Историческом сквере воспроизведена его бледная копия.

В этой связи газета «Уральский рабочий» писала: «Удивительные находки попадаются верхисетцам в стальном ломе, металлической шихте, поступающей для переплавки в мартены. Нередко рабочие вылавливают из груза художественное литье, чугунные и железные решетки, статуэтки, барельефы и корпуса метеорологических ракет. Недавно коллекция необычных сувениров пополнилась якорем дедушки русского ледокольного флота — «Ермака».

А вот и последняя находка — миниатюрная копия всемирно известного царь-колокола. Она отлита из цветного металла так искусно, что ясно виден причудливый орнамент, фигуры, текст изречений. И так же, как на настоящем кремлевском чуде, на колоколе есть трещина, выломлен кусок корпуса *.

торе, имя рек, в таком-то году. Восстановлена уральскими рабочими по сохранившимся рисункам тогда-то...» (В скобках заметим: «Монетка» была разрушена при главном архитекторе В. А. Пискунове.)

Возмущались многие.

* Газета еще раз возвратилась к истории с пропажей барельефа, украшавшего стену «Монетки», при этом выяснились новые любопытные, мало кому известные подробности его создания.

В заметке «Человек с барельефа» В. Машкова сообщала: «Недавно в «Уральском рабочем» была опубликована реплика краеведа Р. Рабиновича «Пропавший барельеф», в которой автор рассказывал о памятнике строителю города. Барельеф был установлен в 1923 году, в день 200-летия Екатеринбурга, и посвящен рабочим и крестьянам, чьими руками был заложен и построен крупнейший город Урала. К сожалению, сейчас барельеф не украшает уже плотину городского пруда — он был снесен.

Среди откликов на выступление Р. Рабиновича один был особенно интересным — из конверта выпала пожелтевшая фотография. Та же поза, что на барельефе, та же одежда: худая рубаха, лапти, та же «коза» (приспособление для переноски тяжестей) за плечами. Только лицо другое — молодое, широкоскулое. А на барельефе изображен

Верхисетцы таким путем создали у себя целую экспозицию старинных художественных изделий, поглядишь — удивишься...

Вспоминается также, как в годы войны из обкома партии позвонили в музей — посмотреть, поискать колокол в металлоломе (оттуда, из музея, и подали сигнал тревоги). Во время войны! Колокол оказался 1725 года (чуть ли не с Невьянской башни). Он сохранен и поныне. Много ли нужно: чуть-чуть заботы!

После барельефа настал черед стены и зданий.

Еще не было проекта Исторического сквера, а уже стали разрушать гранильную фабрику, стену. Это вызвало бурный протест жителей. Письма и заявления коллективные, отдельных граждан посыпались в Москву. Под одним из них стояло восемьдесят подписей виднейших деятелей культуры Среднего Урала — ученых, писателей, художников, педагогов, врачей, артистов.

«В стенах «Монетки»...— говорилось в письме,— зарождались и крепли революционные традиции русского пролетариата. Не фигурально, а в подлинном смысле слова земля там пропитана кровью, слезами и потом многих поколений рабочих...

Что же происходит сейчас с «Монеткой»? Несколько лет общественность города обсуждала проекты реконструкции плотины и создания Исторического парка на месте завода. Менялись варианты проектов, менялись главные архитекторы города и авторы проектов, но никто не подумал о необходимости охраны заводских корпусов.

...На полностью очищенной территории завода предполагается разбить Исторический сквер (что же в нем будет исторического?), сохранив только о д н о здание, в котором расположится... ресторан (?!)».

немолодой уже человек, с бородкой...» Оказалось, на фотографии — тот, с кого лепился барельеф, крестьянский парень, житель деревни Колташи Режевского района, Алексей Горохов. В 1922 году он пришел в Свердловск. Жизнь в городе начинал с истопника в художественном училище, проявились способности в рисовании и лепке, и так вышло, что скульптор И. Шерлаимов пригласил его позировать для барельефа. Сходство лица Алексея Горохова и черт человека-работника с барельефа было несомненным...

Алексей Сергеевич Горохов, в войну капитан Советской Армии, погиб в 1943 году в бою с фашистами.

Не будем сейчас обсуждать этот вопрос, осуществляемый без ведома общественности, не будем говорить о том, что в нем явно видим ограниченность и неуважение к рабочему классу Урала, беспринципность и бесхозяйственность и пр., и пр.

Надо срочно, сейчас же остановить разрушение «Монетки»...

Из Москвы приехала представительная комиссия в составе трех человек: один — из Министерства культуры РСФСР, другой — из научно-методического Совета по охране памятников при Министерстве культуры СССР, третий — представитель Госстроя СССР. Созвали представителей общественности.

Рекомендовано было от взрыва воздержаться, продумать все возможные варианты, сохранив главный корпус и ряд других. Впрочем, решение было не единодушным. Иной была позиция представителя Госстроя: взрывать! И «Монетку» взорвали. Буквально на следующий же день после отъезда комиссии.

Рябинин. Что вы скажете насчет всего этого?

Белянкин. Скажу, что теперь уже поздно. Все свершилось. А выводы — о них поговорим потом.

Спор с общественностью города дошел до высоких нот. С одной стороны — представители архитектурных кругов, с другой — все остальные. Страсти накалились до того, что впору охлаждающий душ. «Избавьте нас от критиканства»,— заявил один из тогдашних руководителей Союза архитекторов. «Нам надо общество без критиков!» — прозвучало на городской конференции молодого Общества охраны памятников истории и культуры. «А я считаю, что именно критика-то породила наше Общество»,— возразил с трибуны конференции коммунист с дореволюционным стажем, участник революции и гражданской войны А. Парамонов.

Архитекторы говорят теперь, что они «не знали». Что ж, возможно, но... Краевед Д. Владимирский в одном из печатных выступлений перечислил целый ряд сооружений и зданий, о которых упоминается в истории. Не читали? Пеняйте на себя. Популярная лекция историка А. Козлова, которая должна была состояться в Союзе архитекторов, так и не состоялась...

Горьким укором прозвучало замечание А. И. Медведева,

борца за Советскую власть, старожила города: «Плотинку причесывали, причесывали, в конце концов волос не осталось...»

Разрушение «Монетки» вызвало резонанс далеко от Свердловска и Урала. «Неделя» возмущенно писала (20—26 февраля 1966 г.):

«Жилые дома, дворцы и церкви, памятники историческим событиям и выдающимся деятелям, дошедшие до нас от прошлых веков,— огромное богатство историко-материальной культуры, достижение и гордость народа... Многие заводские цехи, плотины, мосты и другие сооружения имеют огромное историко-революционное и художественное значение.

Однако до сего времени еще ни разу не поднимался вопрос об охране сооружений промышленного зодчества.

Особенно вопиющим примером пренебрежения к подобного рода постройкам можно считать уничтожение крупного промышленного ансамбля в Свердловске...

...Заложенный по приказу Петра I в безлюдном районе, завод был построен в течение одного года и пущен в 1723 году. Это было уникальное предприятие, стоящее на уровне и даже превосходящее подобные производства европейских государств. Здесь сосредоточилось до тридцати фабрик! ...Получили всемирную известность художественные изделия гранильной фабрики, работавшей с 1726 года. А кто не знает изумительные произведения искусства — огромные малахитовые вазы, украшающие залы Ленинградского Эрмитажа, выполненные замечательными камнерезами гранильной фабрики! Рабочий коллектив завода вписал славные страницы в революционную историю, начиная с Пугачевского восстания.

Корпуса «Монетки» представляют собой замечательный ансамбль промышленного зодчества эпохи русского классицизма. Дошедшие до наших дней здания и сооружения приобрели окончательный вид в первой половине XIX века. Они построены и реконструированы под руководством и по личным проектам известных уральских зодчих И. И. Свиязова и М. П. Малахова.

Исключительное впечатление производит заводская плотина, облицованная в 1751 году гранитными блоками... По своим архитектурным достоинствам плотина может стоять в одном ряду с римскими акведуками. В гидротехническом отношении сооружение стояло выше уровня лучших образ-

цов Европы. Два с половиной века вода Исетского пруда вращала десятки водяных колес, приводивших в движение сотни станков и агрегатов завода. Теперь плотина, как часть главной магистрали города — улицы Ленина, стала излюбленным местом для прогулок горожан...

Поражает удивительная легкость, с которой обрекли на уничтожение крупнейший исторический комплекс, высокохудожественный ансамбль промышленной архитектуры, гордость русского зодчества. Это наносит невосполнимый урон культуре нашего народа, и в первую очередь Свердловску.

Разрушение «Монетки» вызвало огромное возмущение широкой общественности города. В газетах «Уральский рабочий», «Вечерний Свердловск» были напечатаны взволнованные статьи с протестами против этого варварства. Общественность Свердловска настаивает на том, чтобы в Историческом сквере сохранить все корпуса завода и гранитную заводскую плотину.

Как использовать сохраненные здания и сооружения? Старейший уральский краевед профессор М. Клер, инженер П. Сорокин, проректор Уральского политехнического института профессор С. Кузнецов, директор Института металлургии член-корреспондент Академии наук СССР Г. Чуфаров, директор Уральского института черных металлов Н. Дубров, директор Уралгипромеза П. Рудницкий и многие другие предлагают в зданиях «Монетки» создать музей горнозаводского дела Урала. В одном из корпусов можно разместить Уральский Дом техники, в другом — клуб юных краеведов.

В музее необходимо собрать многочисленные экспонаты, пишут в своем письме семьдесят деятелей науки, техники и искусства, образцы заводской техники и ее продукции, орудия производства от петровских времен до наших дней... (Как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать: как это впечатляло бы, помогало не отрываться от истории родного народа, особенно молодежи, представителям нового поколения!..) Следует напомнить, что в этих зданиях в 1887 году была развернута и превосходно работала первая Сибирско-Уральская промышленная выставка.

...Удивляет, что руководители, зная нужду города в зданиях общественного назначения, позволяют уничтожать ценные исторические памятники, удобные для подобного использования. Это противоречит хозяйственному смыслу, не

говоря даже о том вреде, который наносится истории и культуре города» *.

Спустя годы к истории с «Монеткой» возвращается газета «Советская Россия»:

«Наш век открыл красоту памятников промышленной деятельности человека, которые стали осмысляться как часть культурного достояния народа,— размышляла газета.— Совершенно очевидно, что нужен заповедник, в котором с возможной полнотой были бы собраны вещественные свидетельства жизни и деятельности трудящихся старого Урала...

Немногим более десяти лет назад в самом центре Свердловска находился большой комплекс промышленных сооружений XVIII—XIX веков — двенадцать зданий бывшего монетного двора. В столице Урала существовала готовая база для создания заповедника старой промышленной архитектуры, причем это были наиболее совершенные ее образцы... Теперь в центре Свердловска — так называемый Исторический сквер, главные достопримечательности которого — стена старого цеха и «сад камней» — дюжина рудных глыб, свезенных с разных месторождений. И как дополнение ко всему этому многочисленные гранитные ступени, уложенные без особой практической надобности, стилизованные чугунные штакетники и фонари вокруг уцелевших заводских цехов. Словом, безвкусное смешение чуждых нашей культурной традиции «красивостей».

Свердловску вообще не везет с зодчими... Главный проектант перестроек города — институт Сведловскгражданпроект, много лет возглавляемый И. Д. Штучкиным. Более года назад отделение Общества охраны памятников обратилось в институт с предложением разработать охранные зоны вокруг памятников истории и архитектуры. Но ничего так и не сделано. Такую же косную позицию занимает отдел строительства горисполкома. Самые свежие факты: в ответ на предложение отделения Общества охраны памятников взять под охрану дом, в котором помещался штаб 28-й дивизии, горисполком распорядился снести это единственное на Урале

---

* Ковалев А. И цветы, и памятники зодчества. Автор статьи — кандидат архитектуры, руководитель сектора Научно-исследовательского института теории, истории перспективных проблем советской архитектуры. Как видим, архитекторы тоже бывают разные и по-разному относятся к сбережению старины.

здание, связанное с памятью легендарного полководца гражданской войны В. М. Азина. Теперь идет спор из-за горного госпиталя в Историческом сквере — старейшего здания Свердловска...» *

А теперь об Историческом сквере.

«Исторический парк на прахе исторических памятников»,— язвительно отозвался о нем наш знакомец П. Я. Сорокин.

Уже при рождении его возникло много споров. Краевед Д. Владимирский свидетельствует:

«Пожалуй, ни один объект в нашем городе не вызывал столько споров и разговоров, как Исторический сквер. Вот и на недавнем заседании городского совета Общества охраны памятников истории и культуры с участием архитектурной общественности Свердловска обсуждался проект мемориальной части Исторического сквера.

Были высказаны три точки зрения. Первая, не встретившая поддержки собрания, предлагала убрать все старое, чтобы дать простор для архитектурного творчества: устройства газонов, обелисков, стел т. д. Вторая, нашедшая многих сторонников и предложенная группой кафедры архитектуры политехнического института, предусматривает сохранение бывших цеховых построек для использования их под музей и выставки. Все здания намечено объединить в один комплекс путем устройства соединительной галереи из современных облегченных материалов. Третья группа высказалась за сохранение прошлого без всяких исправлений и дополнений. И даже кое-где обнажить его, то есть восстановить тропинки, дороги, по которым горнорабочие возили сырье и готовую продукцию, установить на Исети водобойное колесо... Чтобы сквер заговорил языком подлинной истории... открыть музей горнозаводской техники, истории застройки города и в дополнение — выставку художественных промыслов Урала. Найти материалы и экспонаты для этих музеев — задача и историков, и краеведов.

Необходимо изучить природные особенности. Исетская вода в течение 150 лет приводила в действие многочисленные заводские устройства. Как не использовать ее теперь для фонтанов, действующих самотечно. Следует вспомнить,

---

* Продолжение темы: памятники Отечества. Плеханов С. История в камне.— «Советская Россия», 1979, 6 февр.

что еще в 1887 году на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке такие фонтаны действовали...»

Далее Д. Владимирский напоминает (в который раз!): сохранить, сохранить все, пока это возможно, с горечью отмечая — валяется без призора у дома № 3 на Генеральской улице чугунная доска с эмблемами Екатеринбургских железнодорожных мастерских, бесследно исчезла замечательная чугунная витая лестница, стоявшая у здания бывшей чертежной.

«Прежде всего — подлинники!» — напоминал он в другой раз. По его мнению, в сквере должно найтись место для бюста Петра I, как основателя горнозаводского дела на Урале. Бронзовый бюст Петра прекрасной итальянской работы, как и бюст Екатерины I, был установлен в 1886 году на мраморных колоннах в сквере на городской плотине, но в апреле семнадцатого года оба были сброшены в воду и покоятся там до сих пор. Извлечь и поставить! В подтверждение правильности своего предложения он ссылался на пример Ленинграда, где памятники государственным деятелям прошлого сохраняются в должном порядке. Одну из аллей Исторического сквера он предлагал назвать Аллеей замечательных людей Урала и там установить бюсты и барельефы механика И. И. Ползунова и первооткрывателя золота Е. С. Маркова, гидротехника К. Д. Фролова, создателей первого паровоза Е. А. и М. Е. Черепановых и других. Д. Владимирский вспоминал слова Виктора Гюго: «Кто умеет видеть, тот даже по ручке дверного молотка сможет восстановить дух века».

Экспонаты сами лезли в руки. Когда начали приводить в порядок территорию бывшей «Монетки», нашли плахи — лиственные 6 на 12 метров, были уложены в грунт — так укреплялась местность под металлургический завод. Сохранить бы. Хотя бы часть. Распилили на дрова. Раскопать бы остатки старого города — еще не то найдется... Все под бульдозер и асфальт! На совете краеведения отмечалось: оставили мало из того, что надо бы. И то, что не обязательно бы сохранять: водонапорная башня, более позднее сооружение, из тех, что встретишь повсюду. И это называется заботой об истории?!

Оставили «фрагменты»...

Старая истина: разрушить и взорвать — просто, создать вновь — значительно труднее. Это было тем более обидно, что в восстановлении уцелевших сооружений и благоустрой-

стве «Монетки» принимали участие тысячи горожан — трудящиеся заводов Уралмаш, Уралхиммаш, Уралэлектротяжмаш и другие.

Сделали попытку создать минералогический музей под открытым небом. Привезли глыбы: родонит — весом более семи тонн, кварцит из Бакальского месторождения на Южном Урале — 25 тонн, поделочные мраморы — красный, розовый, голубой, минералы — хризолит, вермикулит. Разбили этакий «каменный цветник», где постоянно бывают туристы, прибывающие в Свердловск из других краев и республик. Первый родонит, камень цвета утренней звезды, открытый геологами в 1933 году у села Сидельниково, пошел на памятник Анри Барбюсу, вторая такая глыба лежала в земле, пока не дошел ее черед. Удивительный камень вермикулит, не пропускает ни звука, ни тепла, и если его нагреть, расширяется и плавает в воде... Интересная экспозиция; однако ж где уральская металлургия, заводская техника, где то, что было здесь допрежь?

И вот уже «Вечерний Свердловск» публикует заметку «Сквер без истории». Диссонансом звучит заявление Н. С. Алферова для печати. «Хочется начать с того,— говорит он,— что архитектура, особенно в синтезе со скульптурой, имеет большие возможности влиять на чувства человеческие. Она может пробудить в вас радость или печаль, восторг или гнев и еще массу самых различных переживаний...»

Высокие слова! Очевидно, желая успокоить общественность, доктор архитектуры — руководитель проекта — заверял: тревожиться нет причин, дайте срок, скоро встанут на берегах Исети монументы, которые поведают ненасытным любознаям, жаждущим приобщиться к славным событиям истории Отечества нашего, о великих и неоценимых делах Урала и Екатеринбурга-Свердловска, возникнет целый комплекс сооружений, который завершится музеем трудовой и боевой славы города (по сообщениям вездесущих и всеведущих репортеров, он будет размещен в отреставрированном и реконструированном здании бывшего горного госпиталя — в переулке Воеводина, дом 5; газеты сообщали также, что многие уникальные экспонаты уральской техники, найденные на старых заводах и шахтах области, перевезены в Свердловск, чтобы занять достойное место в этом музее). И все это будет венчать величественный монумент в честь труженика-уральца, патриота Родины...

Да, а как же с госпиталем (богадельней), досточтимый

Николай Семенович? Ведь вы же против его сохранения...

Кстати, об этом здании. В разные периоды в нем размещались: госпиталь, гауптвахта, тюрьма, богадельня. В нем содержались под арестом борцы за свободу, в частности руководитель Кыштымского восстания Косолапов. В годы Великой Отечественной войны здесь работали на оборону. Заслуженное здание.

Рябинин. Да, хочется задать такой вопрос: как дальше — будем также ломать, выкидывать на свалку, а потом на прахе истории и создавать «исторические скверы» или все-таки возьмемся за ум и начнем действовать по-иному? «Монетка» чему-то научила?

Хочу высказать свое отношение к Историческому скверу. На мой взгляд, в нем мало зелени (тени нет совершенно) и слишком много бетона. Можно подумать, что там будут устраиваться танковые парады. А между прочим, сквер предполагает прежде всего зелень, растительность — кусты, деревья. Сквер — это сад...

Видел я фотографии макета сквера и сам макет — там нет и тех остатков зданий, которые еще уцелели... Что это — выдает намерения архитекторов?

Белянкин. Здесь в свое время не смогли примирить новых тенденций генерального плана с уже ставшими историческими традициями. Лично я считаю, как у нас говорят, что раскрытие пространства между прудом и поймой ниже плотины — правильное решение; правилен сам принцип. Это нужно и, безусловно, важно. Создание такой площади, условно называемой Историческим сквером, которая входит в систему треугольника центра города, состоящего из трех градостроительных элементов: площадь Исторический сквер, как я его называю, площадь 1905 года и площадь Труда,— необходимая часть, я бы даже сказал, основа для формирования целого района. Она создает ощущение простора и одновременно связывает нас с прошлым города...

Рябинин. Бросается в глаза нелогичность поведения планировщиков: один завод, находившийся ниже плотины, вывели из центра города и правильно сделали, и... тут же вселили другой — чуть выше

плотины. Он «вылез» на набережную и испортил все. А ведь здесь был задуман ансамбль: библиотека имени Белинского, перед нею — сквер, все — распахнуто, широко, в духе нашего города. В перспективе выход к дому Мамина-Сибиряка, тут же дом Решетникова, а выше — дом Харитоновых, нынешний Дворец пионеров... получался единый историко-архитектурный ансамбль. Накануне войны здание Центральной библиотеки уже строилось, в войну туда вселился эвакуированный завод, временно, да так и остался, а потом принялся строиться, расширяться. Теперь все зажато, стиснуто. Где логика? Если кто-то сосвоевольничал, не худо бы напомнить порядок, существовавший в древней Вавилонии, наказание архитектору: если он нарушил условие и вылез со своей стройкой за границу дозволенной линии, его сажали на кол на крыше собственного дома...

Нет, мы не за такие крайние меры, но помнить о том, что ты делаешь, надо. Кому-кому, а строителю городов ошибаться и действовать необдуманно непростительно.

Так же, кстати, и со стариной. Сколько невозвратимых потерь! Кому-то помешали столбы Сибирской заставы... разве нельзя было их отодвинуть, вместо того чтобы превращать в груду щебня. Станция декабристов — почему было не взять ее в нишу, как я видел, делают в Тбилиси.

Очень расстроило меня такое письмо: «Мы все знаем, что по улице Толмачева г. Свердловска была в далекие времена станция почтовая, в которой останавливались когда-то, следуя в Сибирь на каторгу, декабристы. Старый Екатеринбург сохранил ее и передал Свердловску как памятник...» Вы помните повесть Пушкина «Станционный смотритель»? Рождение ее связывают с селом Выра на большом почтовом тракте, где не раз останавливался великий поэт, чтоб сменить лошадей. Там открыт первый музей пушкинских литературных героев, здание «Домик станционного смотрителя» восстановлено колхозом имени Ленина Гатчинского района (село недалеко от Ленинграда). И теперь, еще издали, подъезжая к нему, как бы переносишься

в начало XIX века, видишь полосатые верстовые столбы, одноэтажные домики, выкрашенные в розовый цвет, на внутреннем дворике — конюшня, колодец, амбар; в домике тесные сенки, а за ними главное помещение, у стен диваны для приезжающих, сундуки, дорожные шкатулки, чемоданы, вся обстановка, на окнах горшки с бальзамином... Это на территории колхоза. А мы? Убрали старый костел напротив Центральной гостиницы, это можно понять. Но зачем уничтожили геодезический знак, заложенный в прошлом веке, который там был? Здесь ведь проходит меридиан.

Какой-то разрушительский зуд! Снесли стену и ворота сада имени Вайнера, хорошую крепкую стену и ворота с кассами, обнажили при этом неприглядное нутро ближних жилых домов — дровяники, веревки с бельем. Это лучше?

Белянкин. Есть еще у нас. Лишка сносим, торопимся.

Рябинин. Покушались же на 1-й Дом Союзов! А ведь любопытнейшее здание. Иллюстрация нравов! Савостьянов, бывший владелец его, богатей, хотел позолотить крышу своего дома. Царь сказал, лучше пусть позолотит крышу Екатерининского собора. Тот отказался. Царь повелел ходить ему к обедне в чугунных калошах...

Белянкин. И ходил?

Рябинин. История умалчивает... Можно добавить, что в этом здании в 1918 году находился первый в стране Уральский комиссариат труда, а также, что вместе с зданием, где нынче помещается общество «Знание», и Домом учителя, по другую сторону, он составляет единый ансамбль... *

Когда ломали «дом Фамусова» в Москве (около «Известий»), пришли проститься актеры МХАТа, самые видные и заслуженные, с ними был Ираклий Андроников... А помните историю с Триумфальной аркой, памятником Отечественной войны

---

* Еще один штрих биографии здания. Старый большевик А. И. Парамонов, входя в этот дом, проронил: «Для меня это тоже историческое здание — здесь меня в 1915 году приговорили к двум годам крепости...»

1812 года? Ее снесли, а после восстановили, рядом с Панорамой Бородинского сражения, на Кутузовском проспекте, при въезде в столицу. Не пришлось бы нам также восстанавливать...

В Москве создали специальную комиссию... Моссовет создал! Куда вошли виднейшие ученые, и только они решают, что можно снести.

Помню возмущение одного старого архитектора. Он говорил своему ученику: «Ты поставил свою гостиницу (проект) так, чтобы снести памятник культуры. Зачем?!» Мне кажется, наши, свердловские, архитекторы не ищут, не делают никаких попыток, а если и делают, то очень слабые, к тому, чтобы использовать наследие отцов — архитектурные памятники прошлого, обогатить свои же, нынешние замыслы.

Белянкин. Думаем мы не всегда, что верно, то верно.

Рябинин. Эту фразу я уже слышал однажды из уст одного из руководителей Свердловскгражданпроекта. Важное признание!

...Нередки презрительные замечания «купеческий дом», «купеческий вкус» — о домах, со стороны архитекторов; а они — отличные постройки, архитектурные памятники.

Строили-то не купцы, а народные мастера-умельцы! Изуродованы пристроями дома Рязановых. «Ничьи» мосты через Исеть — кто о них позаботится? Про Нижнюю Салду я слышал: «Ленинград, привезенный в Свердловскую область». Здание — дорический орден, а в нем — гараж... С 1971 года решают — брать ли под охрану? Колокольню уже взорвали.

Неудовлетворительное состояние (содержание) памятников еще не самая большая беда: куда страшнее активное стремление иных товарищей уничтожить эти памятники. И если правда, как утверждает старинная пословица, что архитектура — зримая совесть народа, то у некоторой части архитекторов совесть сведена к... кг-гм. Не будем уточнять. Явно господствует стремление утвердить, ценить только свое, а все остальное — ничто, убрать и забыть, только мешает. Вспоминаю барское вы-

ступление одного вашего товарища на конференции Общества охраны памятников, вроде того, что-де вы возитесь со старьем, делать нечего. Ну, ему там дали отпор. Думаю, что это просто недостаток культуры, культурности, вернее. И еще, по-моему, они не любопытны. Архитекторов почти не увидишь на пленумах Общества охраны памятников. Не видал я и вас там, Геннадий Иванович...

Тут, говоря вашими словами, действительно встает вопрос, настолько ли высоко мы (вы!) стоим сегодня политически, нравственно и профессионально для того, чтобы иметь право навязывать свой вкус, свои взгляды, разъяснять людям суть своей позиции.

Взять те же столбы Сибирской заставы. Когда-то эти столбы символизировали многое. За ними начиналась далекая, таинственная, богатая и одновременно страшная Сибирь. Сибирь — страна каторги и ссылки. Да, да, вот здесь, на пересечении улиц Декабристов и Восточной, кончалась матушка-Русь, Европа и начиналось нечто неведомое... Сейчас, конечно, это звучит анахронизмом. Город вырос, раздвинулся. Совершенно изменились наши взгляды на Сибирь. Но! Если кто-нибудь в будущем захочет узнать, где была прежняя черта города, пожалуй, не найдет.

Сибирский тракт... «Дорога длиною в двести лет». Год рождения — 1763-й. Самый большой из всех почтовых трактов старой России, как говорят о нем справочники. Его построили, обсадили березами... Сколько людей полегло во время его прокладки! Кости их по сей день лежат в сырой земле. России требовался короткий удобный путь из центра страны, от Москвы, к Каменному Поясу — Уралу и к богатствам Сибири. Железной дороги тогда не было, основной вид транспорта — кибитка, русский возок, телега. Да и они-то были не для каждого. Во времена царизма Сибирский тракт был дорогой на каторгу для борцов за свободу и счастье народное. Ежегодно по нему перевозилось или перегонялось в кандалах до 18 тысяч осужденных, арестантов. Перевозилось до 50 тысяч тонн грузов, 20 тысяч пассажиров и — 18 тысяч в сопровождении конвоя. Ступая тяжело,

медленно, звеня кандалами, долго — иногда по нескольку месяцев — шли ссыльные каторжные...

В августе 1826 года прошла через Екатеринбург первая партия ссыльных участников декабрьского восстания на Сенатской площади — декабристов. А потом денно и нощно мчались почтовые тройки — «особо опасных» везли «с почетом». Мимо этих столбов проследовала на перекладных А. Г. Муравьева — жена одного из приговоренных, везшая декабристам послание А. С. Пушкина — стихотворение «В Сибирь». А потом потянулись своим ходом опять тысячи и тысячи ссыльных. У этих столбов, останавливаясь, они окидывали последним взглядом оставшуюся позади, уходящую родину и, понукаемые, снова шагали надрывно, тяжко...

Мимо этих столбов проезжали: Радищев — 7 декабря ввечеру, 17... года, декабристы — Пущин, Бестужев, Муравьев-Апостол, поэт Жуковский — XIX век, писатели Решетников, Мамин-Сибиряк, Чехов (1890), в наше время — Демьян Бедный (1926), Аркадий Гайдар (1927), Маяковский (1928), Серафимович, Ляшко, Новиков-Прибой (1941)... Реликвии эти столбы. Святые реликвии. Почтовая станция, где останавливались декабристы. Сказать откровенно, мне до сих пор жаль этот домик, живой след изумительной истории нашей. Будь моя воля, я эту ветхую постройку накрыл бы второй крышей, устроил что-то вроде колпака, подлатал, и стой она, потомкам в назидание. Можно было сделать так, что она обогатила бы улицу и отлично вписалась в новый городской пейзаж.

Белянкин. У нас свои претензии. Какую историко-архитектурную информацию получают проектировщики относительно намечаемого к реконструкции города? В лучшем случае сведения о десятке находящихся под государственной охраной памятников. О рядовой же застройке, которая, собственно, определяет колорит и неповторимость города, им, как правило, ничего не известно. А кто виноват?

Рябинин. Тоже верно. Вероятно, Обществу охраны памятников не помешает быть активнее. Сейчас в городе (это сведения с недавно прошедшей отчетно-выборной конференции) более ста тысяч

индивидуальных членов, 268 предприятий и учреждений являются коллективными членами. Это большая сила! Чтоб память жила, надо поддерживать ее коллективными усилиями. Но и архитекторам учиться не помешает. Вон в Туринск едут московские студенты выполнять дипломные работы «по декабристам». Туринцы хотят иметь музей декабриста В. П. Ивашева. Интересно, что до недавнего времени Свердловская область была едва ли не самая отсталая по количеству членов Общества охраны памятников, а по посещаемости (памятников) — на уровне самых посещаемых центральных областей, как Владимир, Ярославль. Большой поток туристов едет в Туринск, Верхотурье.

Белянкин. Современная городская среда представляет собой сложное образование, в котором участвуют различные социально-экономические, культурно-исторические и архитектурно-художественные факторы. За последние годы в нашей и зарубежной специальной литературе все чаще утверждается старое, но вечно новое слово — ансамбль, определяющее собой высшую и совершенную форму художественного выражения идеологических и эстетических задач формирования пространства. Мы сейчас все чаще обращаем внимание, все глубже постигаем то, что каждый город должен отличаться своими художественными особенностями...

Наш город много потерял в этом плане. Разнообразный и богатый силуэт, которым когда-то восхищались Мамин-Сибиряк, Менделеев и другие, во многом утерян. Но опыт работы по реконструкции Исторического сквера убеждает, что и в том немногом, что осталось от старой архитектуры (и промышленной тоже), таятся большие резервы для создания самобытности и неповторимости современного города. Произведения архитектора М. П. Малахова, которые еще сохранились,— образцы настоящей классики XIX века, требуют самого пристального внимания и кропотливой работы, как научно-исследовательской, так и практической, реставрационной.

Особое внимание должно быть обращено на сохранение памятников деревянной архитектуры. Со-

хранились еще здания, насчитывающие более сотни лет и представляющие собой если не выдающиеся произведения архитектуры, то очень интересные творения столярного и плотничного мастерства. Литые и кованые решетки, навесы, ворота, крыльца — неисчерпаемый кладезь фантазии и выдумки, кузнечного мастерства — разбросаны сегодня по многим уголкам старой части города. Все это нужно сохранить именно сейчас, когда мы вплотную подошли к реконструкции центра, в границы которого входит весь старый город.

Трудностей здесь более чем достаточно, и не только технических, материальных, организационных, но главным образом — в выработке сознания проектировщиков, архитекторов, в том числе и ведущего института Свердловскгражданпроект. Сколько стоило, например, трудов заставить найти композиционную возможность для того, чтобы сохранить здание, в котором помещался штаб Красной гвардии, на улице Антона Валека! Еще не смирилась группа проектантов мастерской генерального плана, настаивающая на том, чтобы проложить магистраль проспекта Ленина через места захоронения героев революции и гражданской войны на площади Коммунаров...

Рябинин. Передо мной список памятников истории, утраченных за последние годы. Здесь: улица Малышева, 62, бывший дом Полякова, где в 1905 году была первая конспиративная квартира Я. М. Свердлова; бывший магазин Куренщикова, по проспекту Ленина, 38, тоже явочная квартира товарища Андрея, там же некоторое время работала К. Т. Новгородцева-Свердлова; улица Горького, 11, дом, где в годы первой русской революции размещался штаб екатеринбургских боевых дружин; проспект Ленина, 42 (бывший телеграф), 15 июля 1919 года здесь был поднят красный флаг в знак освобождения Екатеринбурга от белых; утрачена усадьба Д. Н. Мамина-Сибиряка из-за застройки территории; здание на углу улицы Карла Либкнехта и проспекта Ленина (бывший кинотеатр «Лоранж»), здесь утрачена памятная плита с барельефом Карла Либкнехта в связи с перестройкой зда-

ния Музыкальной комедии... Всего сорок наименований.

И список памятников, попадающих под снос в связи с реализацией генерального плана развития Свердловска: дом по улице Февральской революции, 5, где некогда размещалась гостиница «Берлин», в которой в августе 1909 года жили А. И. Елизарова-Ульянова и М. Т. Елизаров, видные деятели партии, профессиональные революционеры, родственники В. И. Ленина; магазин «Нолитическая книга», проспект Ленина, 26, здание, в котором работал нотариусом А. А. Ардашев, двоюродный брат В. И. Ленина... здание в архитектурном отношении превосходное... Всего пятнадцать объектов. Так как же все-таки вы намерены поступать в дальнейшем?

Вы называли некоторых товарищей, с которыми вам приходится сталкиваться, от которых порой зависит судьба того или иного памятника. Что ими руководит: злой умысел? Нет, конечно. Я думал над этим и пришел к выводу — многое идет от ложного понимания своих обязанностей, ошибочного представления, что́ главное, а что́ неглавное. Что важнее — гараж или старая часовня? Скажем, жилища нужны в первую очередь. Но почему Ленин в самое трудное время — в кольце фронтов гражданской войны, в условиях ужасающей нищеты, доставшейся от старого режима, когда не хватало буквально всего самого насущного,— на заре советского государства находил возможным и правильным заниматься и заповедниками, и спасением старины — церквей, исторических зданий, книг, художественных произведений.

Тут не мешает вспомнить и знаменитое воззвание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов огненных ноябрьских дней 1917 года: «Граждане, не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, здания, старые вещи, документы — все это наша история, наша гордость».

Иногда слышишь, говорят: нам сейчас не до этого. А когда будет до того? Не думаю, чтоб нам сейчас было труднее, чем В. И. Ленину и Совету народных комиссаров тогда.

Мне кажется, тут действует и некий психологический фактор. Поначалу мы упивались: мы — строим, строим, строим. Долой все старое, дряхлое, отжившее. Все символизирующее старый быт, старые порядки. В. И. Ленин как раз предупреждал об этом: не терять чувства меры и поступать не по шаблону, понимать истинную цену вещей и явлений, видеть далеко, объемно.

«Литературная газета» отмечала: «Весьма трудно провести грань между проблемами нравственными, этическими и чисто производственными, народнохозяйственными». Вероятно, в этом сложность. Ну и, конечно, неосведомленность. Архитектор и вообще градостроитель, градоуправитель, как врач, не имеет права быть узким специалистом. Когда люди будут более любопытны, они станут меньше делать ошибок.

...Да! и еще одно: пореже переименовывайте! Название — тоже история, но говорит иногда больше, чем сам памятник. Помню, в Киеве спрашиваю встречного: «Где улица Коцюбинского?» Задумался. «А, это Пироговская!» — «Да нет, Коцюбинского...» — «Нет, Пироговская, ее переименовали недавно». Обидный смысл. Привыкли к переименованиям. А у нас ведь есть улицы, которые носят уже по третьему, четвертому названию: все переименовываем, переименовываем, никак не можем найти нужного имени... А может, не надо было и искать! Мне кажется, прав мой коллега Игорь Тарабукин, писавший: вполне возможно, что когда-то могут шокировать неблагозвучные названия улиц — Глухая, Оседлая, Обиходная, переулок Крапивный и другие в том же роде. Но ведь и эти названия стали родными, и прежде всего для тех, кто живет, может быть, родился там. А что сказать о настоящих исторических названиях! Правы те, кто требует, чтоб все названия городов, сел, улиц, площадей, переулков должны быть учтены особой комиссией и охраняемы особым законом, как берутся под охрану памятники материальной культуры...

Белянкин. Это вообще борьба двух мнений. Мы сейчас рассматриваем идеи — в районе Дворца пионеров, сохраняя ряд зданий, создать своеобразный

литературный мемориальный музей. Тут здания, связанные с деятельностью Мамина-Сибиряка, Решетникова, Бажова, художника Денисова-Уральского. Если сохранить дом (он уже находится под охраной), где были написаны «Приваловские миллионы», дом, где родился Решетников, где жили родители Решетникова, дом, примечательный тем, что в нем останавливались в 1826—1827 годах декабристы... получился бы настоящий заповедник. Кстати, историки вносят коррективы: декабристы могли останавливаться в доме по улице Пролетарской. Проектом предусматривается сохранение около десятка зданий, которые могут составить основу исторического комплекса.

Рябинин. Опять «фрагменты»? Ох, эти мне фрагменты! Удобное слово, можно спрятать за него что хочешь. А не окажутся там эти здания сиротами, после того, как вы уберете все остальное? Каждое само по себе... Окружение ведь тоже имеет важное значение, рождая, если угодно, определенную атмосферу времени.

Мне кажется, в этом смысле сильно не повезло дому Бажова. То, что ныне в нем музей, хорошо. Но, наверное, нужен и «фон», какое-то обрамление, чтобы он не казался уцелевшим случайно, лучше смотрелся среди выросших вокруг него многоэтажных зданий. Только не переносите его — я слышал (не вы ли говорили?), было предложение — переставить его на другое место, «лучшее», в другой конец города, чуть ли не туда, где и дом Мамина-Сибиряка. Создать писательское подворье, что ли? А история? верность правде?

Белянкин. Мы хотели перенести в район Пролетарской ряд зданий, которые где-то сносятся в силу тех или иных причин. Пока это не сделано, но какие-то элементы благоустройства, элементы старых малых форм можно и даже необходимо перевезти сюда.

Нам кажется правильным оставить в нетронутом виде часть улицы 8 Марта, квартал от улицы Радищева до улицы Малышева. Сложность в том, что не умещается магистраль в нормативных размерах. Думаю, это преодолимо. Хочется создать улицу ста-

рого Екатеринбурга, разместить там магазинчики, сделать книжные лавки, кафе и т. д. Сейчас разрабатывается задание на проект охранных зон, хотя в наших условиях, при нехватке нужных специалистов, все это непросто, но будем пытаться.

Показательный пример. Предполагалось к сносу здание монастырской гостиницы — памятника XVIII—XIX веков. При внимательном анализе места проектанты нашли возможным не только сохранить его, но и обогатить архитектурное решение всего планировочного узла.

Рябинин. Почему хотели снести?

Белянкин. Здесь построили здание партшколы, а рядом бывшая монастырская гостиница. Некоторым показалось, что эти два объекта идеологически несовместимы. Но вроде отстояли. Умелое сочетание нового и старого — сегодня одна из самых сложных проблем, что стоят передо мной как перед главным архитектором и как перед гражданином и просто жителем города.

Рябинин. Недавно в печати промелькнуло сообщение: заповедным становится Арбат, один из любимых москвичами районов столицы. Градостроительный совет Москвы рассмотрел и одобрил благоустройство и оформление участка заповедной зоны «Арбат». Здесь размещаются уютные кафе, закусочные, магазинчики, рестораны «Арбатский подвальчик», «Старый Арбат». Улица расстанется с асфальтом, ее замостят камнем, как в старину, высадят деревья, поставят уличную мебель, светильники, тоже под старину... (Кстати, Арбат станет первой улицей центра Москвы, целиком отданной пешеходам, въезд машинам там будет категорически запрещен.) Отличный пример! Вот так и Свердловск будущего видится обязательно с такими островками старины!

Белянкин. Анализируя внимательно застройку старого города, мы видим, что еще не все потеряно...

Рябинин. В нашем районе много деревянных домов с резьбой. Вспоминаю, как однажды мы с С. В. Образцовым шли поздно вечером по улице Мамина-Сибиряка. Сергей Владимирович приезжал

на гастроли в Свердловск со своим театром, был у меня. Мы провожали его до гостиницы «Большой Урал». Светила полная луна. Он шел и восхищался. Останавливался чуть ли не перед каждым домом. Остановится и восклицает, глядя на резные наличники, карнизы: «Это же все в музей надо! Такая красота! Чтоб не пропала!» Помнится, вы же говорили, был замысел сохранить такую уличку...

Белянкин. Ценные здания еще есть. Например, на углу улиц Малышева и Мамина-Сибиряка стоит прекрасный дом с резьбой ручной работы, но он попадает на дорогу. Я договорился с одним заводом, они хотят его перевезти к себе, сделать там кафе, возможно, с названием «Екатеринбург».

Рябинин. Повезут — все рассыплется...

Белянкин. Опасность такая есть. Заменить придется отдельные венцы сруба и изготовить по образцам новые детали и собрать снова. А как, вы думали, собирают строения деревянной архитектуры в Кижах, Суздале? Так же.

Рябинин. Кафе «Екатеринбург»? Неплохо. В Венгрии, помню, новый город Дунайуварош, и тут же рядом рыбацкий ресторанчик, так сказать, живой свидетель истории. И как славно посидеть тут с друзьями! А в Праге оформили ресторан в стиле флоризма: над головой высохшая крона старого дерева в виде живописного шатра. Чтоб попасть туда, люди неделями ждут своей очереди! Венгры пишут: обычаи умирают и рождаются, но обычай уважения к старине должен сохраняться вечно.

Кстати, у венгров же: кто найдет в блюде красную кукурузу, имеет право поцеловать приглянувшуюся девушку... Мило!

Да! А как с особняком на углу улиц Мамина-Сибиряка и Энгельса, где хотели разместить геологическую коллекцию одного нашего известного собирателя-энтузиаста? Он, по-моему, давно ждет этот дом, чтоб передать собранное в дар городу...

Белянкин. Дом сохраняется.

Стало потребностью времени устраивать заповедники старины. Вести об этом идут буквально со всего света. Архитектурным и историческим заповедником стал центр че-

хословацкой столицы, включающий такие районы Праги, как Старе Место, Йозефов, Мала Страна, Вышеград. Там запрещено что-либо строить без специального на то разрешения правительства; на содержание и реставрацию этих мест ежегодно выделяются крупные суммы.

В Польше под охрану государства взяты... ветряные мельницы. В Колецком воеводстве эти мельницы — настоящий памятник мастерства польских плотников и ремесленников. Многим из них по 80—100 лет. В одной из мельниц размещается этнографический музей.

Впрочем, почему брать только иностранные примеры?

Древний Рязанский кремль, в котором сосредоточено более десятка выдающихся памятников русского зодчества — соборы Успенский и Архангельский постройки XVII века, соборная колокольня, «дворец Олега», земляной оборонительный вал, возведенный еще в XI веке от набегов степных кочевников,— давно уже стал одним из интереснейших историко-архитектурных заповедников.

Ну а Кижи, Кижи, пленительная деревянная сказка среди онежских вод, чудо плотницкого искусства, где, по образному выражению, «одним топором врубили во всемирную историю архитектуры яркий и самобытный памятник»! Превосходно сказал поэт:

Коль помянуть кого хотим
мы не добром,
Честим его дела:
топорная работа!
Но есть в Кижах собор,
Он срублен топором,
Но меркнет перед ним
любая позолота.

Вот так-то.

Очень хорошо выразился кто-то: в камень врезанный след. А может быть, и в дерево врезанный след... От Кижей в Карелии до Закарпатья, от Прибалтики до Тихого океана, как сообщали газеты, создается в нашей стране огромный музей под открытым небом. Под опеку советского государства за недолгое время были взяты десятки тысяч шедевров, оставленных нам предками, и охранные списки непрерывно пополняются, восстановлением памятников занимаются 43 научные организации. Учитывается опыт работы в Польше, Венгрии, Болгарии, Чехословакии.

Старинные строения путешествуют. Не одну сотню лет простояла на правом приподнятом берегу студеной Индигирки, там, где ее пересекает 68-я параллель, изящно срубленная, устремленная ввысь деревянная церковь, единственный в своем роде на огромной территории от Архангельска до Магадана памятник древнего русского зодчества — все, что осталось от города Зашиверска, который заложил, как предполагают, в 1636 году мангазейский служилый человек Иван Ребров. Чтобы сохранить драгоценный памятник истории освоения Сибири и старинной русской культуры, решено было Спасс-Зашиверскую церковь перевезти из безлюдной якутской тайги в Новосибирск, в создаваемый в Академгородке музей русского деревянного зодчества. Для этого церковь разобрали с величайшей осторожностью. Восьмигранную башню с главкой и крестом, венчавшую алтарь, сняли с помощью вертолета, все детали пронумеровали, обработали специальным составом против гниения и порчи, и — лети, голубушка. Церковь полетела на самолете.

Улицу-музей задумали создать северяне в Архангельске для того, чтобы сохранить для потомков облик старого поморского селения. Тоже перевезут сюда устоявшие перед разрушительным влиянием времени старые дома, среди них здание, в котором в 1918 году была провозглашена на Севере Советская власть. Способ перевозки и реставрации разработали в Москве.

«Уральские Кижи» создаются в красивом месте правобережья Камы около Перми. Здесь, близ старинной деревеньки Хохловки, можно видеть пугачевскую сторожевую башню, колокольню 35-метровой высоты из села Сыры Суксунского района, курную избу из Коми-Пермяцкого автономного округа. Архитектурно-этнографический музей... Возраст экспонатов: колокольне — 200 лет, курной избе — 250. Значительную часть музея составляет так называемая промышленная зона, знакомящая с историей освоения природных богатств Урала.

«Бревенчатые избушки, разбросанные по просторам Урала,— писал краевед В. Синцов,— много повидали на своем веку. В селе Русские Корши на потемневшем от времени доме топором вырублена отметка «1813». По преданию, дом построил участник Бородинского сражения Абай Батыров. Отслужив в армии пятнадцать лет, он пешком добрался до родных мест и одним из первых поселился у речки Каршинки.

В Уральских деревнях, около заводов, сохранились избушки... на пушках. Когда в середине прошлого века на смену гладкоствольной артиллерии пришли пушки с нарезными стволами, большое количество старых орудий стало ненужным. Перевозка по бездорожью до чугунолитейных заводов на переплавку обходилась дорого, пушки просто бросали, а крестьяне приспособили их для глинобитных фундаментов сельских изб».

Интересно! Небось не все слыхали про такое — теперь будут знать.

Здания-старожилы, старейшины среди строений, они еще стоят и ждут, когда проявят заботу о сохранении их, заинтересуются ими. К примеру, стоит в деревне Северной, что на Тагильском тракте, изба — даже самые старые жители не помнят ее новой. Предполагают, что построена она в конце XVII века. За все это время на ней менялась только крыша.

В селе Коптелово алапаевские краеведы обнаружили деревянный дом, построенный в середине XVII века, сейчас в нем народный музей. По переписи селений 1680 года, он значится в числе 14 других домов Коптелова. Дом построен без применения пилы, крыша на нем была из бересты. Внутри сохранились предметы трехсотлетней давности: лавки и подлавки из колотого и обтесанного леса, печь глинобитная, комнаты украшены старинными бордюрами. Об избе этой общественный корреспондент «Известий» П. Кондратенко поведал миру.

Прочно строили, как не скажешь еще раз,— на века. В Нижних Сергах совсем недавно сломали последний старинный фундамент (заводские корпуса простояли на этом фундаменте двести лет с лишком), и глубоко в земле под кладкой обнаружили свежую хвою и неперепревший навоз. Удивились, конечно. Старик нижнесергинец, удовлетворяя интерес любопытствующих, разъяснил: «Для крепости!..» Вот вам и секреты строителей — пращуров наших.

Жаль, не сохранился дом Шамшуриных. Говорят, это был один из первых домов Екатеринбурга. Убирали его еще совсем крепким. Он стоял около того места, где сейчас Дендрологический парк и новое здание завода «Русские самоцветы», близко от Исети.

За создание в городе Свердловске «исторических зон» высказывался на собрании архитекторов А. И. Вилесов. Создать музейный городок на территории бывшего женского

монастыря, скрытого за надежной каменной стеной (создан был в 1799 году), предлагал краевед П. Луговых. Есть основания думать, что в сооружении монастырского ансамбля участвовал М. П. Малахов. В монастыре работали художественные мастерские, руководили ими видные художники, в частности И. М. Плюснин. Сохранились кельи, сохранилось помещение трапезной. Безусловно, заслуживает внимания как памятник архитектуры собор Александра Невского. В корпусах с кельями Луговых предлагал устроить гостиницу для экскурсантов, а в бывшей трапезной организовать столовую с русской кухней.

Не раз раздавались голоса — превратить улицу Розы Люксембург в музей под открытым небом, ибо на ней «что ни дом — то история, что ни дом — то нестандартность фасадов». В частности, энергично высказалась за эту мысль, в рубрике «За город высокой культуры», газета «Вечерний Свердловск».

Поддержание памятников истории в должном порядке в значительной степени зависит от реставраторов. К сожалению, эта служба в Свердловске до самого последнего времени оставляла желать много лучшего.

Без потерь! — говорит общественность, люди самых разных профессий и разного уровня знаний. Они требуют выпуска книг, щедро иллюстрированных фотографиями, которые знакомили бы читателей с богатством и разнообразием национальной культуры, скажем, с разделами «Деревянные резные украшения», «Металлические детали оформления домов (флюгера, карнизы, трубы, решетки)», «Особняки старого города» и т. д., книг, которые пробуждали бы острое желание хранить, беречь ее, эту культуру.

— Только не надо медлить,— говорят они.— Прошлое хрупко. И невозвратимо. Примеры, как это принято писать, налицо. А без прошлого не бывает настоящего, не может быть будущего!..

Рябинин. Надеюсь, вы не в претензии, что столько внимания мы уделили прошлому, проблеме сохранения памятников старины. Понимаю, что я надоел своими расспросами и даже, может быть, доставил вам несколько неприятных минут. По моим репликам может составиться впечатление, что я не люблю наш город. Именно потому, что любишь, и огорчаешься, переживаешь. В. И. Ленин часто

повторял слова Некрасова: кто не знает печали и гнева, тот не любит Отчизны своей. В этих строчках огромный смысл.

Обидно, что город наш — ровесник Ленинграда, большой трудовой город, но, в отличие от Ленинграда, утрачивает черты, присущие только ему, выветривается дух прошлых поколений.

Конечно, он стал красивее за последние десятилетия, вырос заметно, раздвинулся. Сделано много. Однако это не значит, что мы не должны видеть его изъяны. Знаете поговорку: хорошее о себе не кричит, зато плохое бросается в глаза...

Свердловск — город культуры, театров, вузов, гигантских прославленных на всю страну предприятий,— а строится? Прямо скажем, ниже своих возможностей, или, если угодно, не вровень со своим значением. Для совершенствования же нет пределов!

Хочется доброе слово сказать о наших предшественниках, тех, кто строил город. Малахов — что известно о нем? Зодчим екатеринбургских проспектов нарекла его стоустая молва. Кстати, спасибо вам большое за дом Малахова...

Краткие биографические сведения дает Д. Владимирский:

«Бывший дом Малахова на Васенцовской улице (ныне Луначарского) выделяется своими коринфскими колоннами и бельведерами, схожими с таким же на Харитоновском доме (Дворец пионеров). На окраине города, какой в то время была Васенцовская улица, такое здание в стиле ампир и с куполом бельведера, конечно, было необычным.

Кто же был сам зодчий? К сожалению, о Малахове знают меньше, чем о его постройках.

В столетнюю годовщину Екатеринбурга Михаилу Павловичу Малахову исполнился 41 год. Он был уже зрелым мастером. Перед нами его служебный формуляр, хранящийся в Свердловском областном государственном архиве. По социальному положению Малахов — помещик Черниговской губернии, но в его владении нет поместья. Уже с 15 лет он начал служить в канцелярии, зарабатывать себе на пропитание. Сначала был «студентом» в Черниговском поветовом суде, потом в Малороссийском почтамте канцеляристом.

В начале XIX века Малахов находился на первой ступени чиновничества, став коллежским регистратором. Служба в канцелярии явно не прельщала молодого человека. И он поступил «для усовершенствования себя в архитекторской науке в Петербургскую академию трех значительнейших художеств». В 1801 году он назначается уже архитекторским помощником в одном из департаментов Министерства внутренних дел.

В 1805 году наступил переломный момент в жизни Михаила Павловича. Проведя успешную работу на строительстве зданий Петербургской медико-хирургической академии и Казанского собора, он получил «за отличие, усердие и присмотр за строением» премию и назначение на самостоятельную работу.

Начинается его многолетняя и плодотворная творческая деятельность на Урале.

Сначала Малахов в Оренбурге. Он — архитектор разных казенных строений. Сухой язык формуляра дальше говорит: в январе 1815 года «за окончанием строительства в Оренбурге остался свободным и по объявлении желания с 1 февраля того же года определен в ведомство Екатеринбургских заводов архитектором». Значит, Михаил Павлович сам пожелал остаться на Урале и избрал себе работу в самом центре горнозаводской промышленности Среднего Урала — в Екатеринбурге.

Здесь он проработал до самой своей смерти, последовавшей в 1842 году. Только в 1821 году у него была длительная отлучка из нашего города: девятимесячная служебная командировка в Златоуст. Там он занимался, как видно из формуляра, «рассмотрением смет и планов и поверкою материалов и работ в Златоустовских оружейных и заводских строениях».

В январе 1822 года Малахов снова в Екатеринбурге, на прежней должности главного архитектора екатеринбургских заводов. На многих строительных планах по городу стоит его подпись. Популярность главного архитектора растет. К нему обращаются золотопромышленники и купцы с просьбами украсить их дворцы и парки. Пермский архиепископ и известные купцы Рязановы просили начальника заводов хребта Уральского генерала Глинку поручить Малахову проектирование так называемой рязановской единоверческой церкви. Этот памятник архитектуры, правда в переделанном виде, сохранился и сейчас.

Архитектурный почерк Малахова, как свидетельствуют исследователи, заметен на Харитоновском доме, на доме Главного горного начальника, здании Горного правления, Верх-Исетского госпиталя и многих других сооружениях. Безусловно, самым интересным из них в архитектурном и строительном отношениях является собственный дом архитектора.

Малаховский дом внешне кажется каменным, на самом деле он деревянный. Оно и понятно: при своем жалованье, хотя и приличном — сто рублей в месяц, Михаил Павлович не мог построить такого дворца, как Расторгуев, Харитонов или Рязановы. Но архитектор нашел выход из положения. Учитывая суровость уральского климата, он применил оригинальную конструкцию стен: по горизонталям бревен были наложены вертикальные пластины, и все оштукатурено...»

Мог ли архитектор предполагать, что его дом станет каменным?! Да, да. Малаховский дом сильно пострадал в наше время. При прокладке трамвая на улице Луначарского пришлось убрать колонны фасада, да и весь дом изрядно обветшал. Ныне он воссоздан в первоначальном виде, восстановлены колонны, все архитектурные детали, и на сей раз все исполнено в камне. Дом рожден заново! Он отодвинулся от лицевой линии улицы, открыт для обзора, и это позволяет полнее насладиться его видом, лучше понять и вобрать в себя характерные черты уральского ампира...

Белянкин. Помогли добрые люди, руководители треста Электроуралмонтаж.

Рябинин. Спасибо и им.

...Вы были близки с К. Т. Бабыкиным. Мне тоже доводилось встречаться с ним, бывать у него в доме по улице Решетникова. Он был представителем старой школы, человек в высшей степени интеллигентный. Как представляется вам связь имен? Вы его ученик, Геннадий Иванович, как будто вы даже жили у них...

Белянкин. Было дело. Последние три года, когда мы поженились. Это были моей жены и ее родственников близкие друзья. Константин Трофимович дал нам комнату в деревянном доме. Об этом доме у меня сохранились самые теплые воспоминания, во

всех смыслах. До сих пор помню стены из обструганных бревен, пожелтевшие от времени. Вдоль стен стояла роскошная ампирная мебель, кресла уникальной работы, висели картины в золоченых рамах. Помню его знаменитый камин, печи.

Рябинин. Дом не сохранился?

Белянкин. Сломали. Сейчас я бы любой ценой его сохранил.

Рябинин. Вам как архитектору что-то дало это общение?

Белянкин. Константин Трофимович был человеком очень эрудированным, любил свою специальность. Я-то пришел к нему, когда ему было уже под семьдесят. У всех он вызывал великое уважение за свою необыкновенную преданность делу, преданность бескорыстную, до последнего грана его сознания. Может быть, не всегда его лекции (он занимался и преподавательской деятельностью) отличались четкостью изложения, но само понимание предмета, отношение будило у нас, его учеников, ответное уважение. Он прекрасно знал живопись, музыку, литературу. В доме у него часто бывали интересные люди, такие, как художник Грабарь...

Рябинин. А не сохранилось ли что-нибудь у вас из его трудов — каких-то мыслей, наметок о будущем Свердловска?

Белянкин. Нет. Об этом, наверное, лучше расскажут его коллеги по архитектурному институту. Свою богатую коллекцию картин он завещал нашей картинной галерее, мебель тоже: она представляла большую ценность. Многие картины экспонируются в нашей галерее. Часть библиотеки передана в архитектурный институт, другая часть находится у родственников. Там было много интересного. Сохранился кусок его рукописи по истории города.

Он был блестящим рассказчиком. До конца жизни имел прекрасную память. Много знал совершенно необыкновенных историй, связанных с Екатеринбургом, помнил, например, о том времени, когда Чехов посетил наш город, немало интересного знал о знаменитых людях Екатеринбурга, рассказывал, конечно, и о том, как создавались отдельные здания и сооружения. Частенько смешил... Любил

вспоминать об открытии оперного театра: полным-полно было народа, пустили слух, что балкон сделан без колонн специально врагами-архитекторами... Или: когда в здании театра происходило провозглашение Советской власти, его подняли с постели, привезли чуть ли не под конвоем и допрашивали — почему там убрали колонны? Ну, это уже из области анекдотов...

Рябинин. А родом он откуда?

Белянкин. Окончил институт железнодорожного транспорта в Омске. По специальности — гражданский инженер. Была такая специальность, ныне ушедшая в прошлое.

Рябинин. Какие здания им построены?

Белянкин. Управление дороги, филармония, оперный театр... хотя автором конкурсного проекта считается Семенов, но Константин Трофимович этот проект полностью переработал, сделал чертежи внутреннего убранства; по существу, он и руководил строительными работами. Здание политехнического института тоже было сделано под руководством Бабыкина, хотя и там автором значится другой... В старом здании библиотеки Белинского портики — тоже его.

Рябинин. Какую должность он занимал?

Белянкин. Работал архитектором на железной дороге. Управление дороги было построено в 1928 году, потом он преподавал в архитектурном техникуме, а после работал в УПИ и стоял у истоков создания школы архитектурного дела на Урале. Это его заслуга в первую очередь, что у нас в Свердловске была организована сначала группа, готовящая архитекторов, потом создали факультет.

Рябинин. Так что, можно считать, что Константин Трофимович Бабыкин подготовил первоначальную базу для будущего архитектурного института?

Белянкин. Да.

Национальное творчество, архитектурная старина всегда были предметом пристального внимания мыслителей, передовых людей своего времени. Приводим некоторые высказывания, наверное, в этом есть смысл.

Н. В. Гоголь писал: «Архитектура — летопись мира: она

говорит и тогда, когда уже молчат и песни, и предания, и когда уже ничто не говорит о погибшем народе».

«Народ обречен на умирание, если он не знает свою историю». (Шарль де Костер, автор романа «Тиль Уленшпигель».)

В. И. Ключевский (много размышлявший о соотношении прошлого и настоящего): «Изучая дедов, узнаем внуков, то есть, изучая предков, узнаем самих себя. Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем пришли в мир, как и для чего мы живем, как и к чему должны стремиться...»

А. В. Луначарский однажды сказал: «Кто думает, что сегодняшний день только продолжение вчерашнего, тот не видит больших перспектив будущего. А ведь вчерашнее и сегодняшнее, как реки, вливаются в море будущего, ради которого мы все в сущности трудимся».

Очень трудно было отстаивать идею «наследства» в первые годы после революции, когда еще очень сильна была ненависть к деспотизму, копившаяся веками. В эту пору А. В. Луначарский пишет целую серию статей с выразительными названиями: «Почему мы сохраняем дворцы Романовых?», «Почему нам дорог Бетховен?» В 1928 году на пленуме Московского Совета в речи, посвященной возвращению Горького из Италии, он говорит шутливо, но с оттенком горькой иронии: «...меня обвиняют все в том, что я музейные ценности берегу».

(Отсюда, к слову, хозяйственное, культурное и большое воспитательное значение краеведения как науки о родной стороне.)

«Ленин часто говорил,— свидетельствует архитектор И. В. Жолтовский,— о необходимости при реконструкции столицы сохранять памятники древнего зодчества, все ценное, что создано художественным гением русского народа».

«Ломайте поменьше!» — наказывал Ильич»,— вспоминает М. Н. Покровский, заместитель народного комиссара просвещения.

Отношение к истории — категория нравственная.

«Все истинно красивое, созданное руками человека,— пишет Константин Симонов,— перекликается и будет перекликаться между собою через века, подает и будет подавать руку друг другу».

«В памятниках старины раскрывается внутренний мир ушедших поколений. Справедливо говорят, что понимание

его — это результат возросшего богатства внутреннего мира современников, особенно молодых. Раньше старину любили старики. Она напоминала им молодость. Утверждая ценность старины и свое место в ней, они утверждали себя. Теперь старину любят молодые. Что же, они думают о своей предстоящей старости? Едва ли». («ЛГ»)

Современный крупнейший архитектор Л. Е. Кербель вспоминал однажды слова Виктора Гюго о том, что памятники вызывают желание учиться. «Статуя как бы одергивает невежество,— говорил он.— Воздвигать памятники полезно для народов и справедливо по отношению к нации».

Памятники обладают способностью изменять сознание людей на долгое время, говорил создатель памятника жертвам фашизма в Бухенвальде.

Конечно, судим по большому счету, должна быть Архитектура с большой буквы. Скидок не должно быть и не надо. Скидки — урон делу, признак неудовольствия и слабости.

«Можно утверждать, что... одна из важнейших причин удивительной монотонности казалось бы весьма разнообразных форм современной «технологической архитектуры» состоит именно в том, что в них нет историзма...» (Олег Швидковский, секретарь правления Союза архитекторов СССР, доктор исторических наук) *.

Ну и немного иронии.

«Для вас, туристы! Кто не знает этого древнего города! Горсовет принял решение достойно встретить в предстоящем сезоне возрастающий поток отечественных и зарубежных туристов. На месте одного из монастырей выстроен 24-этажный отель, на месте другого — подземный мотель. На месте третьего гости увидят красивый сквер, уютное кафе и недорогую столовую. К сожалению, в городе нет четвертого монастыря, поэтому возникли трудности с размещением кинотеатра на 2 тыс. мест». («ЛГ». «Рога и копыта».)

Карикатура из журнала «Цайт» (Гамбург) — Париж 1985 года: дремучая чаща однообразных упирающихся в небо прямоугольников-зданий, среди которых чуть видна, затерялась где-то внизу махонькая-махонькая Эйфелева башня...

Наверное, хватит?

---

* «Сотворение красоты».— «Известия», 1978, 21 дек. Сказано с весьма высокой трибуны. Имеющие уши да слышат!

Новые черты — в чем они?

Беседа продолжается.

Рябинин. Современный город немыслим без транспорта и вообще хорошо организованного движения. Вероятно, нет человека, которого в той или иной степени не волновала бы эта проблема. Бесконечные переезды — бич нашего времени...

Вы, кажется, отводите важную роль личному автомобилю. Если хотите знать мою точку зрения, то она, видимо, будет расходиться с вашей. В мире уже идут разговоры, что этот вид передвижения далеко не так совершенен и безупречен, как казалось вначале. Уже есть страны, в которых ограничено пользование личным транспортом. Например, на Цейлоне вы не имеете права ездить каждый день на своей машине, если соседи с машинами, по очереди возите друг друга: сегодня вы меня и еще кого-то, завтра — я вас... Не может до бесконечности расти личный транспорт, а он растет с катастрофической быстротой. Правда, мы в Советском Союзе еще не дошли до критической точки, но надо думать заранее. Америка махнула рукой на это, пустила на самотек, а теперь пожинает плоды своей недальновидности...

Белянкин. Личный транспорт занимает у нас в жизни пока не очень значительное место. Ежегодно растут грузовые автомобильные перевозки. Их заменить нечем. Все зависит от разумной организации этого процесса. Мне довелось недавно побывать в Ванкувере, и я был поражен необыкновенной культурой пользования личным автомобилем, и не только личным, а просто автомобилем. Там по линии Организации Объединенных Наций созывалась конференция под названием «Хабитат» (расшифровывается так: условия существования, условия жизни жилища).

Конференция посвящалась серьезной проблеме. К концу века ожидается рост населения до 6—7 миллиардов, то есть почти вдвое, а еще сегодня больше половины человечества живет плохо, в частности, не обеспечена сносным жильем, особенно в слаборазвитых странах. Как же быть?

Хочется обратить внимание на то, как организована жизнь в городе, где проходила конференция.

Во-первых, в значительной части он одноэтажный, это город-сад, практически все живут в садах, больше половины населения — в особняках или небольших, скромных домах, но с полной инженерной оснащенностью. Прекраснейшие дороги позволяют легко и быстро попасть в любую часть города, хорошо организован и общественный транспорт: автобусные и трамвайные линии. Что характерно? Там отношение к автомобилю совершенно иное.

Рябинин. А именно?

Белянкин. При наличии многочисленного быстроходного транспорта в этом городе чувствуешь себя спокойно. У нас ни разу не возникало опасений при переходе улицы. Стоит хоть одному человеку ступить на проезжую часть в местах отмеченных переходов, и весь транспорт, сколь многочислен бы он ни был, останавливается, как по автоматически заведенному секундомеру.

Рябинин. Такое уважительное отношение к пешеходу я наблюдал в Болгарии. Но даже при самой идеальной организации движения и самом великолепном отношении к пешеходам тревожит такое положение: ведь количество машин не может расти до бесконечности, им нужна территория, где они должны размещаться, им нужна проезжая часть... Западная печать уже бьет тревогу. Пешком дойдешь быстрее, потому что непрерывные заторы — пробки!

И второе: чем больше автотранспорта, тем хуже воздух. Уже сейчас мы наблюдаем роковые последствия этого. Как же быть? В частности, как будет дальше у нас в Свердловске?

Белянкин. Боюсь быть необъективным. Я сам заядлый автомобилист, даже служебную машину часто вожу сам. Для меня это такая же потребность,

как и работа. Когда сижу за рулем, чувствую себя как всадник на коне. На своей машине я объехал расстояние, равное двум экваторам!

Рябинин. Все это прекрасно, но я бы хотел, чтобы вы рассуждали не как автомобилист, а как архитектор.

Белянкин. Хочу обратиться еще к примерам из сферы «автомобиль и природа». В Ванкувере есть замечательный парк. Он омывается океаном, и по самой набережной идет автодорога. Машины движутся здесь с небольшой скоростью, порядка двенадцати миль в час. Переходит дорогу утка с выводком — все автомобили останавливаются и ждут.

Рябинин. Тут постовой не регулирует?

Белянкин. Автомобилист едет здесь со скоростью почти пешехода. Вы можете идти по дороге, не опасаясь, что наедет автомобиль. Пешеход знает, он уверен, что за рулем сидит человек, уважающий его, пешехода.

И еще насчет отношения к природе. Что такое зоопарк в условиях того же Стенли-парка. Все открыто, никаких ограждений ни днем, ни ночью. Ограждения сделаны лишь в пределах безопасности для самих животных. Вот фламинго, и здесь такая ограда, что через нее можно птицу потрогать. Меня это поразило, как ответ самой природы на человечность в отношении к ней. Ничего подобного я нигде не видел. Это одно из доказательств, что природа и цивилизация совместимы.

Рябинин. Приятно слышать. Так должны рассуждать все люди. Но вернемся к автомобилю.

Белянкин. Вернемся. Почему нельзя считать нормальным, что при растущем благосостоянии семья может иметь даже не одну, а две машины? Муж водит, жена водит...

Рябинин. Это нормально?

Белянкин. Конечно, нормально.

Рябинин. Это же расточительство, если рассуждать по-государственному.

Белянкин. Почему? Себестоимость машины не такая уж большая (будет еще меньше), а металл идет под штамп и снова становится полноценным металлом для изготовления новых машин...

Рябинин. Сейчас вы рассуждаете как автомобилист, а я бы хотел, чтобы вы посмотрели на эту проблему с более высокой точки. Даже лесу чем-то дышать надо, а заводов сколько прибывает?.. Автомобиль уже заслужил прозвище «зловредного микроба» XX века. И в самом деле, смотрите, что происходит: по его милости непрерывно растет смертность на дорогах, перекраиваются, уродуются города ради того, чтоб ему было где разгуляться, выделяются места для стоянок; по его милости мы дышим черт знает чем...

«Самое поразительное,— отмечают зарубежные авторы,— что из любви к этому механическому творению человек без колебаний уродует красивейшие пейзажи и разрушает города» (Мишель Рагон). И недаром ученые-прогнозисты единодушно сходятся на мнении, что в будущем человечество найдет более совершенный вид транспорта, и в частности для личных нужд. Убежден, что автомобиль как престижная вещь должен исчезнуть.

Белянкин. Думаю, человечество решит проблему дыхания и сумеет в скором будущем перевести двигатели машин на другой вид энергии.

Рябинин. Пока решит, мы успеем задохнуться. В некоторых странах уже собираются переносить города на другое место. В ФРГ, например. Испорчено все — земля, воздух, вода...

...Пока мы с вами дискутировали, в «Литературной газете» появилась целая полоса, посвященная коварному другу-автомобилю, проблеме «мотора и улицы». Вот гляньте, что пишут.

«Сколько машин нужно городу?..» (Точно, о чем спорим и мы с вами!) Начиная эту тему, я сознаю, сколько недругов рискую приобрести сразу... (Что верно, то верно!) Действительно, многие мои коллеги, соседи, родственники уже сегодня пользуются благами самоходных карет, а другие планируют их приобрести.

Но давайте отложим на несколько минут личную заинтересованность каждого сегодняшнего и завтрашнего автовладельца и попробуем себе представить, скажем, Москву или Ленинград, когда число машин там будет уже измеряться не сотнями тысяч,

а одним-двумя миллионами. Помимо указанных выше проблем, остается еще одна — дороги. Потребуется расширить многие из них и устроить много эстакад и транспортных развязок (даже при частичном переводе главных направлений под землю). Жертвой всего этого строительства станет опять же в первую очередь зелень.

Пример Лос-Анджелеса, жертвы развитого автомобилизма, где почти половина всей территории оказалась занятой улицами, эстакадами и стоянками, не может не настораживать нас. Возникает вопрос: а нужно ли вообще при широко развитом общественном транспорте столько личных автомашин?

Чем их будет больше, тем труднее станет на них ездить. Чем их больше, тем медленнее будут двигаться автобусы и троллейбусы, а ведь один автобус, занимая на дороге чуть больше места, нежели легковая машина, перевозит в 50—100 раз больше людей. На работу почти всегда окажется быстрее и безопаснее доехать метрополитеном! Конечно, остаются еще поездки за город, на отдых, но они носят не повседневный, эпизодический характер. Может быть, стоит еще раз вернуться к попыткам более широко практиковать для этих нужд прокат машин? Не случайно в Москве и некоторых крупнейших городах уже начинают принимать меры, призванные приостановить чрезмерное насыщение личными автомобилями.

А меры такие уже сейчас надо готовить и постепенно вводить, если мы не хотим отказаться от концепции социалистического города как места полноценного, здорового проживания людей, стало быть, и города зеленого. Иначе нас ждет невеселая перспектива превращения их в «сверхурбанизированные» гиганты, насыщенные до предела машинами, которые вытеснят людей.

Хочется привести некоторые данные об «автомобильных тревогах» Америки, о которых сообщает «ЛГ»: от отравления автомобильными выхлопами там ежегодно происходит четыре тысячи преждевременных смертей; четыре миллиона человекодней теряется на производстве из-за болезней, вы-

зываемых этим отравлением; 5—6 миллиардов долларов расходуется на мероприятия, которые должны уменьшить загрязнение воздуха...

А такую молитву вы слыхали — она приобретает все большее распространение в странах Азии: «О великий Будда, сделай так, чтоб сегодня в семье никто не заболел и не попал под машину»? Недурно, уже дошло до Будды, машина как чума...

Не являются ли для некоторых людей «Волга», «Жигули» и т. д. дорогостоящей игрушкой?

Белянкин. Я согласен с вами: конечно, автомобильная проблема чем дальше, тем больше будет нас ставить в тупик, и никакими благими пожеланиями на протяжении ближайших тридцати лет ее не разрешить. Мы говорим, пишем, а жизнь тем временем движется своим закономерным путем.

Что должны делать мы? Исправить что-то градостроительными средствами и направить процесс в определенное русло. Развязать пешеходов и транспорт, создать на магистралях зеленые защитные зоны, транспортные развязки, которые исключают транспортные пробки. Ведь эти пробки, помимо того, что порождают технологические неудобства, способствуют в районе затора колоссальному скоплению выхлопных газов. Гляньте, в районе Привокзальной площади, под путепроводом на проспекте Космонавтов,— там стоят сотни машин, а будь две-три параллельных развязки, этого бы не было.

Громадной важности дело — вывести из города главную грузовую магистраль. Это сложно, дорого, но другого пути нет. Если мы можем как-то ограничить легковой транспорт, то грузовые перевозки необходимы для нормальной жизни города.

Сегодня одна из главных задач — создание шумозащитных домов. Такие проекты есть, кафедра общественных зданий архитектурного института этим занимается, мы предполагаем иметь один такой дом в районе мельницы на Привокзальной площади. Вот построим и посмотрим, что он будет нам давать положительного.

Рябинин. Тем не менее грустно: это значит, что в ближайшие десять лет человеку предстоит жить в шуме, и если раньше жители любили посмотреть

в окошко, видеть, что творится на улице, то теперь они должны быть отделены от этой улицы.

Броня от шума. Интересное в этом отношении сообщение поступило из Киева. Там уже построены первые такие дома. Они обращают на себя внимание необычной облицовкой окон: вокруг стекол устроены дугообразные козырьки... Оказывается, они поглощают (или отражают) значительную часть транспортного шума. Однако — немаловажная деталь! — украинские архитекторы считают, что главное все же — расширение территории, лежащей между магистралями, удаление домов от транспортных артерий и... ограничение прав автомобиля. Въезд туда разрешается только машинам «скорой помощи», такси да еще уборочной технике.

В прошлом веке один физиолог сказал: когда-нибудь с шумом придется воевать, как с чумой. Смотрел вперед человек.

Дом, квартира — убежище (в хорошем смысле) от чрезмерного динамизма современной жизни...

Белянкин. Если говорить о проблеме целиком, то суть заключается в том, что вообще улица должна жить своей жизнью, а жилая ячейка, двор, микрокварталь — своей. Это идет еще от греческой архитектуры. Знаменитый дом Веттиея, который раскопали в Помпее,— вы знаете, что он представляет? Вовне не выходит ничего, жизнь вся обращена внутрь.

Рябинин. А как же сообразуется с этим стремление современных архитекторов делать окна во всю стену или стены из стекла, что делает всю жизнь обозреваемой со стороны? Я слышал, за границей отмечены случаи заболевания, вызываемого тем, что человек непрерывно чувствует себя под обстрелом чужих глаз, он беззащитен. Свет, солнце, между прочим, тоже надо дозировать.

Белянкин. Увлекаемся. Как во всяком деле. Не без этого. Многое делается ради экономии, упрощенчества.

Если на одну сторону выводить санузлы, кухни, а все остальное на другую, дом получится неэкономичным, на квадратный метр жилой площади больше расходуется материалов. А ведь нужно думать еще и об эстетике. Магомет сказал: «Если бы у меня

было три каравая, я бы один отдал, чтобы накормить людей, а два — чтобы вырастить гиацинты». А у нас одного-то каравая не всегда хватает. Теоретически мы знаем: если сегодня реализовать перспективу развития нашего города, то можно сделать очень многое. Однако запроектировать и построить шумозащитные дома, подземные трамваи, систему метро, организовать внутриквартальные пространства, которые не будут соприкасаться с раздражающими факторами города, выполнить систему очистки воздуха, воды, стоков, установить во всех помещениях кондиционеры и т. д.— все это стоит больших денег, и, конечно, разом всего не сделаешь. Ни сегодня, ни завтра.

Рябинин. И все-таки я хочу еще раз вернуться к автомобилю. Вы за то, чтобы частный транспорт расширялся, росло число машин. Я понимаю: автомобиль не роскошь, а средство передвижения. Но уже сейчас мы сталкиваемся с таким положением, когда вынуждены расширять улицы, сносить зелень, ухудшать воздушную среду. К слову, вы изменили свое мнение. Помнится, прежде вы были на стороне тех, кого я сейчас представляю, ревнителей природы.

В Лондоне в автобусах герметически закрываются окна, в них подается воздух кондиционерами; открыть окно нельзя — задохнешься. Вы не хотите, чтоб у нас было так же? А для этого надо ограничить количество автомобилей или, коль ничего не остается, произвести полную ревизию действующего автопарка...

Проблема сформулирована очень просто: о допустимых нагрузках на среду обитания. В этом смысле мне очень понравилась точка зрения председателя Ярославского горсовета, он считает — личный транспорт нужен для воскресного и летнего отдыха, а на работу, в гости, в театр люди могут ездить и на общественном транспорте.

Белянкин. Идеальный город — это только Пешеград, который мог бы быть создан на этапе первоначального зарождения человечества.

Рябинин. Новые города будем строить как Пешеграды?

Белянкин. Не будем так строить.

Рябинин. Вы уже сказали, что ученые будут искать новые моторы, новые двигатели, а об архитектурном и планировочном решении тоже ведь надо думать, и немедля.

Белянкин. Конечно.

Рябинин. Сколько в Свердловске можно видеть эти железные коробки — частные гаражи, которые портят вид улиц? Несмотря на постановления, запрещающие или хотя бы ограничивающие подобное гаражное строительство в черте города, число этих железных ящиков продолжает увеличиваться с необыкновенной быстротой. У нас во дворе освободилось помещение котельной, котельную закрыли, хотели устроить склад, пока спорили — выросли гаражи.

Белянкин. Это вопрос прежде всего экономики. Сто тысяч людей работают на заводе Тольятти. Они выпускают автомобили. Это не флаконы для духов. Выпускают машины, которые идут в продажу. Сегодня у людей достаточно денег, чтобы купить автомобиль. Повторяю, это вопрос экономики.

Рябинин. Вы все время вопросы уводите в другую сферу. А я хочу сказать: вот у вас хорошая зарплата, вы купили новый костюм, но для этого у вас должен быть шкаф, куда вы его повесите. Очевидно, для автомобиля тоже нужно иметь место, куда его поставить.

Белянкин. К сожалению, этот вопрос рассматривается пока так. Построили завод в Тольятти, выпускаем сотни тысяч автомобилей, которые идут в продажу. Ставим эти железные ящики. Мы понимаем, что они не украшают город. Возбуждали вопрос на самом высоком уровне — дайте возможность строить гаражи высотные, на началах кооперативного жилья.

Рябинин. Или подземные гаражи.

Белянкин. Можно строить, мы готовы это делать, есть земельные участки, но нам говорят планирующие органы — не пришло время, нет материальных ресурсов, чтобы строить гаражи, пусть пока стоят железные, делайте больше открытых стоянок. Но автомобили в нашем климате портятся при открытом

хранении. К слову, эта проблема имеет еще одну немаловажную сторону: нужно поберечь металл. Сколько уходит его на эти гаражи.

Рябинин. В печати неоднократно мелькало: кое-где начинают строить коллективно, на кооперативных началах, такие гаражи, чтобы не уродовать город.

Белянкин. Мы об этом думали. И ведем самую жесткую политику: любой ценой строить хотя бы 2—3-этажные гаражи, чтобы сокращать площади застройки. Но 3-этажные гаражи уже требуют высокопрочных стройматериалов. Когда мы собираем одноэтажные гаражи, можно делать из некондиционного сырья, когда второй этаж делаем, уже надо думать о безопасности того, кто находится на первом этаже.

Рябинин. Это небольшая строительная проблема.

Белянкин. При сегодняшнем дефиците на строительные ресурсы — большая.

Рябинин. В наш-то век?!

Белянкин. Да, не хватает ресурсов, нет в достаточном количестве бетона, цемента, металла, камня, красителей. Мы слишком много строим, никто столько не строит, промышленность строительных материалов не поспевает за потребностью.

Рябинин. Вот-вот. А вы все на свалку сваливаете. Между прочим, Вторчермету не хватает вторичного металла.

Гараж — это одно, а как быть с улицей? Автомобили прибывают, а улицы не резиновые, не растягиваются.

Белянкин. Надо делать развязки в двух-трех уровнях, развязки пешеходные и автомобильные, то есть подземные и наземные переходы. Но это не исключает и развития общественного транспорта, например, метро. Ведь Москва решила проблему потому, что пустила метро, хотя там и автомобилей много. А самое главное, чтобы не было этих проблем, нужно иметь город в пределах 300 тысяч населения. Но разве это возможно при интенсивно развивающейся промышленности? Вот говорят: не надо допускать дальнейшего разрастания Москвы, восемь миллионов — хватит: но ведь Москва «обречена» на

дальнейший рост, так как катастрофически «стареет». Сегодня человек живет до 70—75—80 лет, но не каждый может работать в этом возрасте. «Постарение» населения, удлинение сроков жизни — знамение нашего времени: научились побеждать многие болезни. Промышленность же должна жить и развиваться, значит, необходимо все время иметь приток новой рабочей силы, и город вынужден расти. И все это упирается опять в проблемы архитектуры, то есть мы должны все время искать возможности развития города.

Рябинин. Как-то мне пришлось беседовать с одним архитектором... Разговор шел о том, что каждый город имеет свое лицо; вот и у Свердловска было, есть и должно быть свое лицо. Он энергично поддерживал эту мысль. Мы дружно осудили тех, кто пытается изменить сложившийся образ родного города. Казалось, единодушие полное. Но дальше получилось нечто неожиданное.

Когда мы коснулись проблемы транспорта, даже не подразделяя на общественный и личный, и, в частности, того, как это может сказаться на проспекте Ленина — центральной и любимой свердловчанами магистрали города, он вдруг весь преобразился, схватил карандаш и принялся чертить. Да, конечно, проспект надо сохранить, все приезжающие обычно любуются им, эта прорезающая город линия чрезвычайно индивидуальна и, между прочим, сближает нас по планировке с городом на Неве. Но что необходимо: хотя бы по одной стороне переделать все дома, отодвинуть их, а нижние этажи перестроить, не нарушая архитектурного замысла, устроить там кафе, ресторанчики, разные увеселительные заведения и бары, а сквер, идущий по центральной оси проспекта... Нет, может быть, не сносить, нет, нет, но несколько сузить, дать проезд машинам. Вот те на. Начали во здравие, кончили за упокой!

Вспоминаю, как-то ехал по проспекту Ленина с работником ЦК партии. Нина Павловна Жильцова — человек, немало поездивший по белу свету, видела Париж, Лондон. Она сказала: «Как хороша эта линия!»

Я знаю, что на вашем генеральном плане проспект Ленина выглажен и выутюжен, вся растительность «сбрита», нет и признака зеленого бульвара, раздолье машинам... А людям? Как относятся к этому люди, вы интересовались? Уничтожить самое прекрасное в городе... и ради чего? Все ради чудовища-автомобиля?! Еще один Бродвей! И это называется забота о нашем городе?!

Почему вам город представляется как разграфленная в клеточку ученическая тетрадка? Город — это не чистый лист бумаги. Город — это город! Город — это живые люди, чувства, думы, взгляды, привычки, наконец. В городе — **живут.** Их, ваших коллег, завораживает эта широкая прямая пустая гладь. А нам — и большинству людей — признаться, хочется еще тепла, уюта...

А ведь сквер по проспекту Ленина, да и весь проспект, в послевоенные годы капитально реставрировали, прихорашивали, поставили новые узорные решетки, оформили архитектурно входы, подсадили деревья, замостили плитками дорожки, поставили скамейки. Чего-нибудь это стоит? Всегда увидишь в сквере: сидят, отдыхают люди, бабушки с детьми, парочки влюбленных...

Мы, общественность города, уже обсуждали раз эту проблему — будущее проспекта Ленина — в помещении клуба рабкоров, в Доме печати. Один из ваших коллег заявил: он был в Рио-де-Жанейро, там нет зелени в центре. На это ему возразили: а зачем Свердловску походить на Рио-де-Жанейро? Он никогда не будет Рио-де-Жанейро. И не надо. У него свое предназначение, своя славная история. Почему мы должны копировать то, как делается за рубежом?! Что, своего ума нет?

Белянкин. Да кто отдыхает-то: те, кто под мухой...

Рябинин. Уж так-таки одни пьяницы? Уберете сквер — пьяницы переместятся, будут сидеть у стен. Значит, вы хотите, чтоб они сидели у стен? Вероятно, надо убрать забулдыг, и тогда на скамейках будут сидеть другие — мамы с ребятами, пожилые женщины и мужчины. Согласитесь, что это не серьезно. Вы не можете доказать, что это плохо, и притягиваете первые попавшиеся на ум доказательства

вашей правоты, на деле никакие не доказательства. Нельзя же, в самом деле, делать планировку и убранство города, исходя из каких-то временных случайных причин. Да, признаться, я не видел там такого количества пьяниц, чтоб это вырастало в проблему.

Кстати, мы сталкиваемся с подобной позицией у работников милиции, точнее — ГАИ. Пьяные часто попадают под колеса машин. Ради сохранения их жизни с перекрестков убирают насаждения: больше обзор, есть надежда, что это поможет уберечь от беды лишнего «алкаша». Неужели мы эстетику и вообще облик города должны ставить в зависимость от потребления спиртных напитков и человеческой невоздержанности?! Может быть, убрать всю зелень, коли решили бороться за трезвость таким образом?

Белянкин. Вы шутите, Борис Степанович, а нам совсем не до шуток.

Рябинин. Я не шучу. Мне передавали, некто, чье мнение может иметь вес, будто бы сказал о проспекте Ленина: «Мы ничего ценного тут не видим». Боюсь, что товарищ этот не понял, о чем идет речь и как могут быть восприняты его слова.

Белянкин. В определенном плане это соответствует и моему мнению.

Рябинин. Значит, да здравствует личный автомобиль! Ради этого будем сносить скверы с хорошо разросшимися деревьями, уродовать сложившийся характер города. Прежние поколения архитекторов смотрели на эти вещи другими глазами.

Белянкин. Что такое зелень в системе города? Вот линия застройки, застроена она домами (рисует), здесь живут люди. Вы бы предпочли иметь посредине этот кусок зелени или перед жилыми домами? А транспорт, трамвайный или автомобильный транспорт? Вот — дома, вот — тротуар, а вот — газон... Я считаю, что зелень на такой магистрали должна быть приближена к жилью и охранять его от шума, копоти, должен быть удобный тротуар именно около жилья, чтобы можно было войти в общественное здание, в магазины, кинотеатры и т. д., а тротуарная часть должна отделяться более широким зеле-

ным массивом, как это сделано по проспекту Ленина после Восточной. Иными словами, дендрология города.

Рябинин. Разве кто-нибудь об этом спорит...

Белянкин. Скажу также о другом. Поставленный на возвышении в свое время памятник Я. М. Свердлову, конечно, предполагал его максимальное раскрытие со стороны плотины. Как ни парадоксально, но сегодня эта интересная художественная доминанта потеряна для города. Такие примеры можно приводить бесконечно.

Хочу, чтобы меня правильно поняли — количество зелени в городе нужно не уменьшать, а умножать, но здесь тоже должно быть взаимопроникновение архитектурных сооружений и зеленых насаждений. Не случайно есть специальность садовник, лесник — безусловно нужные и уважаемые профессии, но есть специальность и ландшафтный архитектор, и мне кажется, что многие недостатки и неблагополучия в ландшафтной архитектуре — это одна из причин неблагополучия с городской средой в целом.

Рябинин. Значит, «раскрыть». Расхожее словцо. Я слышал, что памятник Свердлову хотели «раскрыть» до того, что предлагали перенести его на другое место. А ведь он поставлен здесь, на центральной точке города, напротив театра имени Луначарского, в первые годы после революции как символ победы нового общественного строя, на средства, собранные трудящимися!.. «Раскрывать», конечно, можно, но тогда, когда надо. А зелень — союзник архитектора. Между тем создается впечатление, что об этом часто забывают.

Не потому ли вы хотите «прорубить» проспект Ленина дальше, в сторону Виза, с выходом к Верх-Исетскому пруду? Гигантомания, желание все вытянуть линеечкой. Кстати, это совсем не в традициях отечественной архитектуры. Он вам кажется мал. А Невский? Не так уж велик. А хорош!

Не придется ли сносить знаменитую Верх-Исетскую больницу, творение нашего известного уральского зодчего Малахова, целый ансамбль построек в стиле русского классицизма, имеющий художественное и историческое значение... Как пишут

В. Дышловой и В. Плехов, «конечно, старые города надо переделывать, но, с другой стороны, там найдено много такого, что современным архитекторам еще предстоит найти, и, реконструируя их, мы уничтожаем то, на чем могли бы учиться» *. Это замечание можно было бы поставить эпиграфом ко всему нашему разговору.

Белянкин. Тут вы, к сожалению, во многом правы.

Рябинин. Тоже благоустраивали площадь Коммунаров, вложили средства и силы. Теперь будем убирать стелы, зелень, переносить Вечный огонь... Вы сказали, стараетесь удержать своих коллег от этого. Помнится, проводился даже конкурс на лучший проект площади Коммунаров. Кто-то тогда предложил насыпать курган (в украинских традициях). Уже раз вырубили сад. А был хороший сад. Опять «спрямлять». Кому-кому, Свердловску не приходится жаловаться на планировку улиц. Надо ли еще прямее?! Вот также вознамерились спрямить улицу Свердлова. Пристрастие к линейке.

Не хватит ли «асфальтированных пустынь»? Вы говорили о необходимости устройства транспортных развязок. Свердловчане обижаются: Ростов за короткий срок построил двенадцать развязок, а мы?.. (Работники ГАИ не раз попрекали этим наших градостроителей и вполне заслуженно.) От вас же я слышал: в будущем предлагается снять трамвай с проспекта Ленина, не пускать в центр частный транспорт (грузовой уже давно не ходит). Это — выход, по крайней мере на ближайший период.

Все-таки вы удивляете меня. Вас восхищает отношение жителей Ванкувера к живой природе — белкам, птицам. А почему сами вы, вы — архитекторы, демонстрируете такое пренебрежение к зеленому другу — дереву. Наблюдая за действиями иных (увы, многих!) проектировщиков, градостроителей, приходишь к выводу, что срубить, свалить, да не одно дерево, а целую рощу, сад, аннулировать парк — обычное и даже желательное дело. Слиш-

---

* Дышловой В. Д., Плехов В. Н. Человек в городе. М., «Знание», 1978.

ком много асфальта, целые поля асфальта. За границей уже бытует выражение «асфальтовая корка»... А вы не допускаете, что часть автомобильного потока со временем спустится под землю или, наоборот, вознесется на «второй этаж», будет пущена по надземным магистралям, виадукам: мы беспощадно убираем зелень, вместо того, чтобы дать ей жить, одеть зеленью, а тем самым продлить и сроки собственного существования, подарить человеку здоровье.

Вы повидали одноэтажную Канаду и хвалите ее. Но я так и не понял, какой отсюда следует вывод, что дала эта поездка вам как главному архитектору? К чему тянется ваша душа? Не помню, кто, чуть ли не Мишель Рагон, французский архитектор, назвал величайшим лицемером того, кто строит многоэтажные каменные дома, всячески расхваливает их, а сам предпочитает жить в уединении и тиши одноэтажного деревянного дома в саду...

Белянкин. Человек всегда мечтал об этом.

Рябинин. За рубежом сейчас развертывается кампания — удалить автомобиль из центральных районов города, отдать улицу пешеходу. А мы с вами? Плетемся в хвосте событий. На Западе уже наступило отрезвление после безудержного разгула автомобильных страстей, фанатичного преклонения перед автомобилем. Очередь дойдет до нас. «Ядовитый микроб» должен быть укрощен.

Нас пока спасают наши просторы. Но вы уже готовы в угоду автомобилю уродовать наш город. Так нельзя.

Да вот, как раз к разговору, свежее сообщение из города Амурска: «Хозяева города — дети. Тихо стало на одной из улиц города дальневосточных лесохимиков — Центральной. По решению исполкома Амурского городского Совета народных депутатов здесь запрещено движение машин. Улица, выходящая на берег Амура, стала любимым местом прогулок родителей с детьми...»

«И станут улицы аллеями»...— сообщает печать.

...Почему выкопали акацию на проспекте Ленина, на улице Челюскинцев и в других местах? Она тоже шумо- и пылезащитное средство.

Белянкин. От акации сплошная грязь и трудность уборки территории всего сквера.

Рябинин. Какая?

Белянкин. Хорошо организованные газоны несут не только эстетическую красоту, но и пользу: по утверждению специалистов-дендрологов, они выделяют кислорода больше, чем кусты акаций...

Рябинин. Кислород на уровне ног! А дышать все-таки должны легкие. Замечу, что газоны требуют ухода ничуть не меньше, чем кустарники. Насчет газонов хорошо сказал Образцов. Помните, из его впечатлений об Англии. Он спросил садовника, как они добиваются таких хороших зеленых лужаек. Тот ответил: «Ничего особенного. Просто надо поливать и подстригать. И так триста лет...» Наш климат куда более сухой. Покажите мне хоть один по-настоящему хороший газон в Свердловске. Их нет. В итоге, у нас масса пылящих пространств, хотя все числятся как зеленые площади.

Вот опять свидетельство печати: «Сегодня,— пишет «Вечерний Свердловск»,— работники конторы садово-паркового хозяйства закончили сев овсяницы луговой на разделительной полосе улицы Карла Либкнехта (от проспекта Ленина до улицы Малышева). Это — начало восстановления и строительства газонов в центре нашего города...» Да, этим восстановлением мы занимаемся каждый год! И каждый год многообещающие заголовки в газетах: «Зелень — городу». Что скажете? Где тут кислород? Здесь уже претензии не только дендрологам. Но и вам тоже.

А вы знаете, по заключению ученых, одно дерево вырабатывает столько кислорода, сколько нужно для дыхания одному человеку. Акация тоже дает много. Это прекрасный, неприхотливый кустарник, и это — и кислород, и эстетика...

Белянкин. Я буду доказывать, что весь мир держится на разумном сочетании газона и дерева — начиная с Англии и кончая Америкой!

Рябинин. Наша беда в том, что совершенно перевелись специалисты-ландшафтники, специалисты-садоводы городского плана. У нас их днем с огнем не сыщешь, вот тут вы правы. Нужно готовить ин-

женеров-ландшафтников. Вымирающая специальность, а, между прочим, нужна — позарез. Недавно со страниц «ЛГ» донесся призыв: ни клочка пустующей земли! К городу это относится в полной мере. Хотелось, чтоб об этом помнили архитекторы.

Как представитель Общества охраны природы не могу не сказать: происходит систематическое, я бы сказал, организованное наступление на зеленого друга, на растительность. В тридцатых годах, перед войной, ее усиленно насаждали; теперь не менее усердно сносим — «облагораживаем». Достаточно познакомиться с проектными наметками, и убедитесь, что это не случайность, а вполне сознательная, последовательно осуществляемая линия. Площадь перед УЗТМ (новая проходная) — ни былинки зелени, памятник Орджоникидзе в полном одиночестве посредине каменной пустыни. Предпринимались попытки снести зелень на улице Пушкинской (клены сорокалетней посадки, жители не дали), у городка Чекистов, на улице Чапаева, хотя никакого нового строительства там не велось.

Согласен, что надо исправлять и улучшать старые посадки, но когда я слышу слово «облагородить», меня уже бросает в дрожь. Я этого слова стал бояться. Так же, как подрезки.

Белянкин. Тут столкнулись наши диаметрально противоположные точки зрения. Я не говорю, что акация плоха как дерево или кустарник, но в той степени, как она применяется у нас и загромождает наши улицы, оставлять ее нельзя. И обилие пыли, которая скапливается, и трудность уборки,— все против ее массового высаживания.

Вот сегодня, хотя вы и критикуете, что мы выдергиваем все кустарники, на площади Кирова мы видим, как красиво там стало летом, когда можно всю площадь убрать, под каждым деревом пройти, когда кустарники — отдельными группами, а не показными такими шпалерами, закрывающими всю пространственную перспективу. Да нигде в мире этого не делается, только в махрово провинциальном городе.

Рябинин. Не знал, что Тбилиси провинциальный город.

Белянкин. Тбилиси другое дело. Все должно иметь свои черты. Вот если те же акации на бульваре Ленина оставить, будет самый провинциальный бульвар, а сделав газоны, посадив кустарники куртинами, мы получим европейскую зелень, за которой можно ухаживать.

Рябинин. Вы хотите европейскую. А своя, уральская вам не нужна? Свой стиль, свой образ — они вас не греют? Наш климат предъявляет более сложные требования, и копировать что-то вслепую — только вредить. На Городском пруду сняли решетки, сделали бетонное «корыто». Но ведь оно безобразно, уже потрескалось от морозов, цветы там стоят два-три месяца в году, только.

Белянкин. Решетки мы поставили в другом месте. А здесь раскрыли. Мы не могли оставить такой провинциальный сквер городу на всю жизнь...

Рябинин. На эти «корыта» я каждый раз смотрю с возмущением.

Белянкин. «Корыта» сделали из бетона за неимением лучшего материала. Конечно, надо сейчас их убрать, заменить хорошим бордюрным гранитным камнем, сменить газон. Вы знаете, когда это было сделано? Тринадцать лет назад, когда мы предпринимали только робкие попытки хотя бы что-то сделать. Тут я с вами согласен, что надо заменить на лучшее.

Рябинин. Если вы уберете зелень на улице Ленина, многие жители города вам этого никогда не простят.

Некоторые сведения о влиянии автомобиля на городскую среду. Сведения эти были сообщены на совещании журналистов совместно с активом Общества охраны природы.

Каково состояние воздушного бассейна Свердловска?

К сожалению, Свердловск в этом отношении не может быть отнесен к числу наиболее благополучных городов. По данным гидрометеослужбы, замечается рост загрязнения атмосферы окисью углерода. Газовыброс автомобилей содержит 200 химических соединений. Неисправный автомобиль выделяет их в пять раз больше. 45 % загрязнения падает на автомобиль. Два мотоцикла — один автомобиль по выбросу вредных газов.

Больше всех заводов, фабрик, котельных (их остается совсем немного) отравляет воздух автомобиль. Он входит вплотную в контакт с человеком, а меж тем из двухсот составляющих его выбросы веществ только десять безвредны... (Сейчас, правда, появилось предположение, что наибольший вред приносят испарения горючего, но это еще требует основательной проверки.)

По мнению специалистов (на совещании присутствовали сотрудники УНЦ АН СССР), загрязнение огромно, и роль зеленых насаждений в этом случае столь велика, что заменить ничем нельзя. К сожалению, с этим не хотят считаться иные архитекторы. Так прямо и было сказано. Насаждения — «биологический фильтр», «зеленые легкие». В воздухе на озелененной улице содержится в сто (в сто!) раз меньше болезнетворных бактерий. А кислород? А фитонциды? Дискомфортные условия создаются летом, повинны асфальт, бетон, камень. Температура асфальта под деревом в жару снижается на 20—25 градусов; значит, надо больше деревьев. Половина площади в городе должна быть занята зелеными насаждениями. За рубежом уже давно пришли к выводу: необходимо закрыть зеленью игральные площадки для детей.

Затраты на озеленение Свердловска растут, а площади насаждений не увеличиваются, отстаем от передовых городов, таково общее мнение. Уничтожены живая изгородь в саду Вайнера, у «Пассажа», в детских садиках, у школ, в парке Павлика Морозова, по проспекту Ленина. И теперь туда беспрепятственно проникает грохот, шум, газы... Все вытоптано, куда угодно ведут дорожки. Почему? Началось с моды, с Запада. В прошлом был регулярный, классический стиль озеленения (аллеи и проч.); сейчас природный, или ландшафтный, стиль (приблизиться к природе, создать естественность; однако, оказывается, приблизиться не так-то просто), отсюда — сократилось количество деревьев, истреблен кустарник.

Мало людей — ухаживать за посадками некому... К примеру, в Омске все — от мала до велика, даже сам председатель горсовета, участвуют в озеленении города, а там климатические условия тяжелые, вокруг песчаная степь, без воды и — тем не менее! У омичей 180 квадратных метров зелени на душу, хотя лесопарков значительно меньше. Свердловску не угнаться (у нас — 160 квадратных метров), хотя вокруг природные сосновые леса.

Уничтожают растительность часто без всякого обоснования, и создается впечатление, что делается это не без согласования. Также подрезка... Голые деревья, без ветвей, с изуродованной кроной словно взывают о помощи. Красоты никакой, пользы тоже.

«Мы защитить не можем,— говорили специалисты Зеленстроя,— нужна помощь общественности». Неоправданно сняты и металлические изгороди. «Душа кровью обливается!» А цветы? Только летники. В Риге — 260 видов цветов; у нас — 15—16.

Сюда, пожалуй, хорошо подверстывается материал дискуссии «Мотор и окружающая среда» — «ЛГ», 1979, № 1. Здесь тоже есть над чем подумать.

Кое-кто предлагает создать добровольное общество «Пешеход», чтобы лучше противостоять организованной и моторизованной армии автовладельцев, и считает, что расселение людей нужно вести по тому принципу: Автограды и Пешеграды, то есть одни микрорайоны заселять автомобилистами, а другие — пешеходами. Пусть каждый получает то, к чему стремится!

Отметив довольно сильное разделение интересов внутри микрорайона (некоторые письма так и восклицают: «Берегись автомобиля», «Источник зла — внутри микрорайона!»), мы все-таки хотим заступиться за трудягу-автомобиль, который делает в нашей жизни так много доброго.

А может, вообще в крупных городах отказаться от личного транспорта и сосредоточить усилия на сооружении движущихся тротуаров, как это предлагает Л. Попов (г. Калинин)? Или прислушаться к мнению Л. Тимофеева, врача из Вильнюса, который считает, что в борьбе с малоподвижностью современного человека нужно создавать особые моторно-мышечные транспортные средства, где человек затрачивает мышечные усилия, равные по энергозатратам 2—3-часовой пешей ходьбе (на раскрутку маховика при подзарядке аккумулятора и т. д.).

Или попытаться осуществить предложение доктора архитектуры М. Бархина — развести пешехода и автомобиль по разным плоскостям: предоставить машинам поверхность земли, а человеку — уровень второго этажа в виде приподнятых тротуаров, галерей, мостков и т. д.

«Гипербола!» — скажет недоверчивый читатель. Но ведь во всякой новой идее есть нечто необычное, поражающее воображение не только в новогоднюю ночь...

Рябинин. Здесь, мне кажется, очень к месту высказывание одного знакомого нам товарища. Цитирую вас, Геннадий Иванович, из доклада на заседании городского Совета перед партийным и хозяйственным активом города: «Настало время на комплекс многих проблем взглянуть шире, и в частности на задачи ландшафтной архитектуры. И если мы согласимся, что целью архитектуры является не только формирование объемов зданий, а в равной степени и само пространство, создаваемое ими, является важным элементом жизненной среды и оно участвует в создании художественного образа,— то мы неизбежно придем к выводу, что должны очень тщательно проектировать ландшафтную архитектуру, используя ее богатые возможности. В этом отношении наши архитекторы и художники, специалисты лесопаркового хозяйства в большом долгу перед своим городом».

И еще: «К сфере ландшафтной архитектуры примыкает непосредственно и вопрос декоративного оводнения города. К сожалению, с этим у нас обстоит дело из рук вон плохо. За последние годы мы не только ничего не сделали в этом плане нового, но и погубили то, что было создано до нас. Гибнет пруд Дворца пионеров, заглохли фонтаны у зданий «Рубина», ЦУМа и «Большого Урала». Я уже не говорю о фонтанах в жилых районах. А ведь вода в любом виде не только украшает город, но и создает лучший микроклимат, и потому, являясь функциональным элементом, она способствует также и созданию своеобразного колорита города...» Все правильно сказал товарищ, вы согласны, Геннадий Иванович? Не отказываетесь от своих слов?

Я вспоминаю, какие поющие фонтаны видел в Пловдиве, в братской Болгарии. Чудо! И, простите, другое воспоминание: как мы, общественность, бились за то, чтоб спасти озеро в парке имени Маяковского. Нет, засыпали-таки друзья-планировщики, засыпали, разровняли катками и залили асфальтом.

Сейчас такая же судьба грозит водоему, который находится между станцией Керамик и селом Ели-

завет. Передаю вам просьбу жителей вмешаться, не дать его уничтожить.

Белянкин. Постараемся учесть эти пожелания. Мы сейчас хотим создать пешеходные магистрали. Первая и главная такая пешеходная магистраль — это пойма реки Исети, начиная от Исторического сквера и кончая парком культуры и отдыха имени Маяковского. Я смотрю на эту часть, как на широчайшую зеленую магистраль, куда практически въезда автотранспорта быть не должно, кроме, конечно, того, который необходим для технологического обслуживания. Говорю о той градостроительной политике, которую мы сегодня поддерживаем и которая на всех этапах развития центра города выступает как главная линия. Сегодня нельзя, к примеру, сделать улицу Малышева пешеходной магистралью, пока это единственная транспортная артерия, соединяющая западную и восточную части города. Проспект Ленина тоже транспортная магистраль, но преимущественно для легкового автотранспорта. Сейчас мы ставим задачу пространство между улицей 8-го Марта и улицами Пушкина и Гоголя, на всем протяжении до парка культуры, сделать многокилометровым парком — вот за это стоит бороться.

Рябинин. Одно только замечание — не замыкаться одной Исетью. Город-то большой.

Белянкин. Конечно. Если возьмем новые районы — там тоже намечена широкая зеленая магистраль, идущая из лесопарка через все кварталы Юго-Западного района до Зеленой рощи, затем она пройдет через улицы Большакова, Чапаева и в районе улицы Белинского сольется с поймой Исети.

Рябинин. Зеленой рощи уже нет.

Белянкин. Почему нет?

Рябинин. Ну, там Дворец спорта построен...

Белянкин. Там сделали большое зеленое пространство, идут посадки. Зеленую рощу нужно подсаживать лиственными деревьями, чтобы к моменту гибели сосны мог вырасти крепкий лиственный подлесок, чтобы через 20—25 лет получились березовые, кленовые, липовые рощи. Вот проблемой подсадки мы еще не занимаемся серьезно.

Рябинин. Отмечалось, что ряд городских садов либо снесен, либо влачит жалкое существование, как сад Вайнера.

Белянкин. Если говорить точно, то сад Вайнера остался в тех же границах. Больше того, он увеличился.

Рябинин. Почему же он имеет такой жалкий вид?

Белянкин. Видимо, и потому, что служба зеленого хозяйства работает еще плохо. Ссылки на построенное здание сельскохозяйственного института необоснованны — он создан на территории, где не было парка. Сейчас дело за дендрологами и благоустроителями. Сад Энгельса не сохранили полностью в связи со строительством юношеской спортивной школы, но ради той большой оздоровительной работы, которая там проводится с молодежью, стоит забрать небольшую часть сада.

Рябинин. На Востоке говорят: от хорошего человека на земле сады остаются. А что останется от нас, если действовать такими методами, как получилось с парком имени XXII съезда?

Белянкин. Вообще это недоразумение. Когда закладывался этот сквер (он примыкает к Дворцу молодежи), здесь была громадная свалка. У моего предшественника, Пискунова, была такая мысль: на месте свалки поставить небольшое здание (рисует) со сквозным проходом, с выходом в новый сад, где сейчас масса гаражей. Но за эти 5—9 лет, когда развивалось проектирование, жители этого района самовольно, из благородных побуждений, насадили громадное количество кустарников. Они поднялись.

Рябинин. Простите, но вы говорите что-то не то. Сад, вернее парк, заложен на месте бывшего ипподрома, именно заложен, а не возник самостийно. К слову сказать, мне до сих пор жаль, что ликвидировали ипподром: прекрасное эстетическое зрелище — кони! И воспитывает любовь к живым существам. Собака и лошадь — ближайшие друзья человека, еще Энгельс сказал в «Диалектике природы»...

Белянкин. Там было много нездорового азарта... держали пари, делали крупные ставки...

Рябинин. Надо пресекать нездоровый азарт, бо-

роться с нездоровыми наклонностями. Но при чем тут лошади?! *

Но мы заговорили о парке имени XXII съезда партии. Просто чудо, что он уцелел! Спасибо нашим гражданам, они остановили разрушение парка...

Белянкин. А при чем тут граждане? Никто не собирался уничтожать парк. И вообще ничего особенного не произошло, зря подняли шум. Хотели поставить Дом техники. На мой взгляд, все было сделано правильно, по плану. Это признала и комиссия Госстроя.

Рябинин. Простите. Мне известно другое.

О неприятности, грозящей парку, первыми узнали жители близстоящих домов. Нет, в первый момент никому даже в голову не могло прийти, что парк обречен, его хотят убрать, если не весь, то какую-то значительную часть. Давно ли, кажется, его посадили, разбили цветники и дорожки. Поставили скамейки, парк хорошо разросся. И вдруг — убрать?!

---

* Хотелось бы напомнить в связи с этим, что Московский ипподром, затихший на время в бурную эпоху, когда молодая Республика Советов напрягала все силы в борьбе с врагами, был открыт в 1922 году по прямому указанию Ленина, едва отгремели пушки гражданской войны. Закрытый с началом Великой Отечественной войны, он уже вскоре снова работал,— по этому поводу состоялось специальное решение Совета Министров, а все специалисты — опытные коневоды, наездники, конюхи — были поставлены на бронь. В разгаре войны!

Ликвидация Свердловского ипподрома вдвойне обидна и непонятна, если вспомнить, что на Урале давно существовал трест конных заводов с местонахождением в Свердловске, в военные годы Урал стал прибежищем для русской верховой (бывшей орлово-ростопчинской) породы, за которой специально охотились гитлеровцы, имея намерение вывезти ее в Германию. На ипподроме в дни бегов и скачек постоянно бывали артисты, художники, многие известные люди города. Безусловно, деревянное здание ипподрома, построенное еще до революции, пришло в ветхость, требовалось построить другой, более современный и вместительный ипподром. Если не хотели, чтоб ипподром находился здесь, можно было найти для него другое место. (Хотя Московский ипподром — как был на Беговой улице, в одном из центральных районов столицы, так по сей день остается там.)

Приведу официальную справку о трудовых и материальных затратах, вложенных в парк при его закладке:

«По данным записей учетных книг при создании парка имени XXII партсъезда сделаны газоны на площади 12,3 га; посажено крупных деревьев (в возрасте от 6 до 18 лет) — 1,5 тыс. штук; посажено кустарников — 2,5 тыс. штук. Насыпан слой растительной земли по всей площади (перегной, земля с огородов и др.) от 20 до 80 см. Всего затрачено 3600 рабочих дней.

Затрачено на озеленение 210 тыс. рублей.

Затрачено на устройство дорожек 86,4 тыс. рублей.

Затрачено на разработку проекта 3,6 тыс. руб. (архитектор Хрущев). Всего 300 тыс. руб. (без последующих уходов).

Парк начали закладывать в августе 1961 года.

На протяжении 1961—1976 гг. проводились систематические уходы (подрезка деревьев и кустарников, борьба с вредителями и болезнями, скашивание газонов, посадка взамен сломанных и стоптанных деревьев и кустарников и др.).

Бывший техник-озеленитель,
выполнявшая все работы в парке,
Н. М. СОКОЛОВА»

Но когда в парке появились рабочие Горзеленстроя с автокраном и начали выкапывать деревья, чуть-чуть не разыгралась баталия, возмущение жителей прорвалось в открытый протест. Сбежались мужчины, женщины, дети, принялись стыдить зеленстроевцев:

— Да вы сажать должны, а вы!..

— Мы ни при чем, спрашивайте не с нас,— оправдывались те.— У нас у самих сердце кровью обливается. Приказано...

Выяснилось также, что по поводу парка уже происходили крупные дебаты: группа жителей жаловалась на своевольство администрации Дворца молодежи, которая, вопреки воле домоуправления, поставила рядом гараж (тут же помойка!), а теперь тянет туда тепловую линию.

«Мы живем в прекрасном районе г. Свердловска,— говорилось в одном из писем,— рядом большой парк и Дворец молодежи. Много лет тому назад на месте парка была свалка промышленных отходов, потом ее ликвидировали и разби-

ли парк. Парк благоустраивали, сажали деревья, есть в нем Центральная аллея, есть аллея Советско-чехословацкой дружбы и много уютных уголков, где так приятно посидеть с детьми или друзьями. Мы гордимся, что в нашем районе такой чудесный парк, сюда приходят отдыхать и гулять люди самых разных возрастов не только нашего Верх-Исетского района, но и из других районов города.

И вдруг городские власти решили строить в нашем парке двенадцатиэтажный дом и Дом техники... Объясните нам, во имя чего это делается? Разве мало в Свердловске бараков и деревянных домов под снос, разве больше нет места под строительство?

Мы знаем, что в нашей стране все делается во имя блага человека. Почему же главный архитектор г. Свердловска и городские власти допускают подобное незаконное строительство?»

Под письмом стояли подписи 180 человек.

История с парком XXII съезда взметнула волну критики, в письмах отмечалось: «Новую Привокзальную площадь обсадили липами, затем, взрослыми, их убрали. Бестолковщина. Зуд переделок. Докуда может продолжаться эта вакханалия устройств и переустройств, эта неразбериха, лихорадящая наш большой заслуженный город и влетающая народу в несчитанную копеечку?!»

«Заметим, что тенденция, точнее — рецидивы ее, наблюдается время от времени и сейчас. Все «правильно», а деревья сносят кварталами, вакханалии переделок. И это — «план»? Богатый народ — свердловчане, деньги бросают на ветер, не считая».

«Творческая беспомощность, отсутствие настоящей плановости и деловитости,— писали другие,— проявляется в том, что без конца ковыряются на одних и тех же местах, делают да переделывают уже сделанное,— как будто больше нечего делать, в городе не осталось неблагоустроенных, требующих приложения энергии и выдумки мест. Шей да пори, не будет простой поры. А во что это обходится государству?»

«Какой же это генеральный план, если сегодня мы закладываем парк, вколачиваем в него массу труда и сотни тысяч рублей, а завтра сносим. Это типичная бесхозяйственность и, конечно, полная бесплановость». И попутно: «Только отсутствием вкуса и безответственностью можно объяснить, что наши архитекторы вознамерились снести всю зелень по центральной оси проспекта Ленина. Сейчас это

объясняют перегрузкой проспекта автотранспортом (глупости!), но осмелимся напомнить, что еще 20 лет назад, когда движение в городе было намного меньше, был этот план, и «Вечернему Свердловску» уже пришлось спасать эту красивейшую магистраль от слишком усердных переустроителей...»

Высказывания достаточно суровые, а главное — все в точку.

«Мне довелось защищать памятники истории Вашего города,— писал москвич, побывавший в Свердловске. И задавал ехидный вопрос: — Случайно ли в этом же городе борются с зеленью?»

В газете «Вечерний Свердловск» появилась статья. Кое-кто выразил неудовольствие появлением этой статьи. «Вечерке» пришлось замолчать. Тогда выступил «Уральский рабочий» — областной партийный орган. Ой, многим пришлась не по вкусу «Корчевка... по генплану» (автор А. Шарапов). Это было еще не все. Вскоре появилась реплика в «Известиях», в которой также осуждалось уничтожение парка. Письма свердловчан теперь уже шли в Москву, в высокие столичные инстанции.

Тем временем расформирование парка продолжалось, уже убрали около пятисот кустов и деревьев. И тут поступил приказ — стоп! прекратить! Из Москвы приехала комиссия Госстроя РСФСР *.

Комиссия ознакомилась со всем на месте, рассмотрела чертежи и планы и признала: во-первых, что проект Дома техники из рук вон плох, составлялся он давно и безнадежно устарел, не успев воплотиться в камень и стекло; во-вторых, и это самое главное, сажать Дом техники на это место и вообще портить парк совершенно неразумно. Более того, комиссия задала естественный вопрос: почему надо обязательно губить посаженное однажды и взращенное, выдирать краном кусты жимолости, тополя и клены, когда рядом противоположный берег Исети — тоже ждет хозяйского внимания. Проектировать надо сразу весь район, и, конечно, не портя уже сделанного.

Было рекомендовано также Дом техники поставить ближе к жилым массивам, к примеру, строить в Юго-Западном

* В комиссию входили ответственные сотрудники Госстроя С. Ю. Марковский, зам. начальника Главного управления планировки и застройки городов и поселков городского типа Госстроя РСФСР, Н. Н. Нерсесянц и другие.

районе: проект Дома, разумеется, коренным образом переработать.

Комиссия отбыла в Москву. Вскоре одна из писавших получила письмо с официальным штемпелем — ответ на жалобу (таких писем, видимо, тоже было разослано немало с целью успокоить общественное мнение):

«Гр-ке Дмитренко Е. Н.

Свердловск, ул. Шейнкмана, 19, кв. 62

В результате изучения вопроса на месте и обмена мнениями в исполкоме и с жителями Верх-Исетского р-на было решено отказаться от строительства Дома техники на отведенном в 1974 г. земельном участке в парке XXII съезда КПСС, так как его размещение, размеры, объемно-пространственная композиция и архитектурное решение не увязаны с существующей окружающей застройкой и с общим перспективным градостроительным решением всего архитектурного ансамбля этого района города, а также и учитывая просьбы жителей о сохранении в целостности парка.

Было принято решение о разработке проектных предложений по формированию указанного градостроительного ансамбля с проработкой варианта размещения Дома техники на будущей набережной р. Исети, а также проекта планировки, благоустройства и озеленения парка и набережной.

П/п зам. нач-ка Главного управления планировки и застройки городов и поселков городского типа
С. Ю. МАРКОВСКИЙ. 05.07.77»

Вот так и закончилась эпопея с парком XXII съезда. Эпопея весьма поучительная.

А ведь всей этой обидной истории могло и не быть, если бы повнимательнее прислушивались к голосу рассудка. Дворец молодежи, новое прекрасное здание в современных формах (автор — архитектор Г. И. Белянкин), как бы зачинает этот район, которому бесспорно уготовано большое будущее. Лицом (фасадом) он обращен к площади Коммунаров, туда, где пылает неугасимый Вечный огонь славы и бессмертия, а сзади сразу начинается парк, зеленая природа — тоже символ Прекрасного и Жизни...

Следует задуматься над отношением некоторых товарищей. Достойно сожаления, что для некоторых

это все лишь «эмоция», отсюда недовольство выступлениями печати и даже попытка продолжать делать свое вопреки очевидности. Права-то все-таки оказалась общественность, жители*. (Наглядный пример того, что лучшего результата можно достичь совокупно, в содружестве всех сил, профессиональных, общественных.)

Наверное, надо подумать и о проектировании: кому нужны такие проекты, которые уже через несколько лет морально устаревают, ни функционально, ни эстетически не отвечая запросам нашего быстро текущего времени. Смотреть дальше, видеть больше! (Вот оно, бажовское «широкоглазие» применительно к конкретным — в данном случае к градостроительным — требованиям.)

Конечно, всякий проект стоит денег; но можно ли только на основании этого давать жизнь слабому творению, тем самым усугубляя ошибку, делая ее неисправимой?

История имела продолжение. «Вечерний Свердловск» собрал «круглый стол», посвященный проблемам застройки Свердловска, и тут Г. И. Белянкин обронил неосторожную фразу: Татищев, когда строил Екатеринбург, тоже рубил лес. Сказано было, видимо, сгоряча и выдавало раздражение, владевшее главным архитектором после всех событий, разыгравшихся вокруг парка XXII съезда. В итоге в «Правде» появилась статья собкора В. Данилова «Ссылаясь на Татищева», в которой задавался недоуменный вопрос: жители недовольны, что вырубаются деревья в городских рощах... а при чем же здесь девственный лес?! Ссылка явно неудачная...

В этом свете интересен обмен мнениями, который произошел между нашими знакомцами.

---

* В «Уральском рабочем» по этому поводу также было напечатано: «Редакция получила ответ первого заместителя председателя Свердловского горисполкома В. П. Букина. В нем сообщается, что исполком горсовета, рассмотрев выступление газеты, принял решение приостановить все работы по строительству Дома техники в западной части парка им. XXII партсъезда. Кроме того, горисполком предложил заказчику — облсовпрофу вызвать авторов проекта из Ленинградского института Гипротеатр для решения вопроса по сдвижке Дома техники в сторону реки Исети с целью сохранения зеленых насаждений, примыкающих к запроектированному Дому техники» («Уральский рабочий», 1977, 5 июня).

Рябинин. Я думаю, Геннадий Иванович, к Татищеву за помощью вы обращались зря. Вы, конечно, понимаете, о чем речь, и умышленно пытаетесь перевести разговор в другое русло.

Белянкин. Кто же заставил на этом месте посадить деревья, когда совсем другие предложения должны быть по генеральному плану! Дом техники должны были тут ставить, здесь бы под это здание снесли все гаражи и сделали бы вторую часть парка, а сейчас и Дома техники нет, и гаражи будут стоять очень долго.

Рябинин. Вы напрасно упрямитесь. Неужели все органы печати ошибались, даже «Правда»?

Белянкин. Нельзя же все время отбиваться. Когда проектировали Дом техники, на этом месте была свалка. Ну если говорить объективно, то, когда вырос парк, Дом ставить уже было нельзя, но были затрачены большие деньги на проектирование... А то, что отбросили строительство на пять лет, это мало кого волнует. А зря. Дом техники тут мог быть! Все места, которые по генплану предназначены для строительства, нельзя засаживать деревьями, пусть там будет пустырь...

Рябинин. Это был уже не пустырь. Это был парк имени XXII партсъезда, официальное название...

Но прекратим спорить. С фактами не спорят.

Заслуживает внимания диалог, который нашел место на страницах «Вечерки» с симптоматичным названием «К «зеленому другу» — по-дружески». Некоторые высказывания:

Г. И. Белянкин. Горожане не скупятся на критику в наш адрес. К ней мы прислушивались и будем прислушиваться. Но у нас тоже есть претензии к горожанам. Легче всего написать «у нас не посадили во дворе деревья» или «у нас не поливают газоны». А что лично вы, дорогие свердловчане, сделали для того, чтобы у вас на улице, в вашем дворе было больше зелени?

Ю. Н. Инишев (начальник отдела зеленого строительства горисполкома). К сожалению, объем сноса никто не определяет. Мы не знаем, где, например, будут проходить коммуникации. Заказчик указывает одно место, а подрядчик на своем проекте — другое. В эту борьбу между заказчиком и подрядчиком вступаем мы, озеленители... Хочу сказать о содержании парков, скверов. Наша общественность мало делает по уходу за ними. По мощности зеленого строитель-

ства наш город идёт с Омском на равных, но у них много помогают предприятия, организации, сами омичи...

С. А. Мамаев (профессор, директор Ботанического сада УНЦ, председатель комиссии по охране природы УНЦ АН СССР). Спору нет, пока еще гибнет часть зелени... Но я хочу подчеркнуть вот какой момент. Речь шла о сотнях писем, которые свердловчане шлют в разные инстанции по поводу отношения к зеленым насаждениям. Хорошо это или плохо? «Нельзя срубить дерево,— жалуются специалисты по озеленению,— даже когда это нужно».

В свое время на это жаловался и известный ботаник, директор Московского Ботанического сада академик Н. В. Цицин: нельзя спокойно спилить ни одного дерева внутри Ботанического сада.

Однако академик жаловался на это, скорее, с удовольствием: ему, профессиональному ботанику, импонировала человеческая любовь к природе, заинтересованность в ее сохранении, готовность ее защищать... Некоторые неудобства в работе с лихвой возмещались чем-то неизмеримо более значительным и ценным: переменами в сознании человека, его отношением к природе. Наверное, и письма свердловчан — явление того же рода. Письма эти заставляют задуматься, взвесить все еще раз, все время чувствовать ту огромную ответственность за природу, которая ложится на плечи работников зеленого хозяйства.

При Уральском научном центре существует комиссия по охране природы. Кстати сказать, в ее составе есть и архитекторы. Но хотелось бы, чтобы и архитектурное руководство города не забывало нас. Такие контакты принесут только пользу.

Рябинин. Есть еще одна проблема, о которой приходится говорить: строители, серьезные претензии к ним. В документах Общества охраны природы черным по белому официально записано, к сожалению: строители, которые создают великолепные ценности, стали врагом номер один зелени. Строят — и тут же рядом крушат, ломают. Если сооружается здание, обязательно все ближние кусты, деревья забираются внутрь строительной площадки...

Белянкин. Мы сегодня заставляем огораживать все ценные деревья, хотя это получается плохо, часто заборы, которые стоят на строительных пло-

щадках, ломаются, отодвигаются, а вместе с ними ломаются и деревья. Но кое-что строители все же делают. Мы подобную практику ведем везде.

Строится общежитие партийной школы на 8-го Марта, стоит вековая лиственница, не раз сказано — огородите! Огородили. Приезжаю несколько дней назад, снова разгорожено, и дерево находится под угрозой. На Тверитина новый район. Смотрим проект: на месте, где роща из 30 лиственниц, поставлены дома. Вы что, говорю? Заставил переделать. Но сам факт безответственного отношения к зеленым насаждениям показателен.

Рябинин. Делали переход на Восточной, снесли сквер — полквартала. Почему с таким неуважением относятся к ценностям и достоинству города? Почему вы не вмешаетесь в это? Когда я беседовал по этому вопросу в Госстрое в Москве, там прямо сказали: это — неумение. Типичное неумение. Учиться надо!

Товарищи из Уральского научного центра жаловались мне: Ботанический сад УНЦ хотят разрезать на две части, проложить через него какую-то магистраль. Посягают и на него! А проблема климата? Архитектура может влиять на климат городов. Вспомним висячие сады Семирамиды. Уже тогда, в IX веке до нашей эры, не жалели усилий ради того, чтоб создать Зеленую Красу. И создали одно из семи чудес света.

Белянкин. Ботанический сад вырос на этом месте стихийно, задолго до того, как создавался генеральный план города. Там действительно должна пройти транспортная магистраль. Что теперь прикажете делать? Конечно, никто не думал, что произойдет такой быстрый рост города после войны. Город вошел в войну с 400 000 жителей, а вышел из войны, имея миллион с лишним. Не будь войны, мы имели бы сейчас 600—700 тысяч, не нужны были бы новые громадные районы и такие магистрали.

Рябинин. Вы знаете, о чем я сейчас подумал: а не подаем ли мы сами пример дурного обращения с зеленью? Мы — все жители, а также вы — архитекторы, безжалостно корчуя, истребляя выращенное до нас? Дурной пример заразителен... И более

того, не только по отношению к растительному миру, а в целом небрежения к матери-земле и ее производным? Право...

Белянкин. Все-таки, несмотря ни на что, тут вы правы, культура нашего рядового архитектора еще недостаточна и оставляет желать лучшего. Сказывается и большая его загруженность в институте, ему не остается времени на раздумья. С другой стороны, архитектор поставлен в более тяжелые условия по сравнению с художниками, а требования к архитектуре сегодня неизмеримо возросли. Картина, в конце концов, повисела на выставке, и ее сняли и спрятали, а архитектор входит в жизнь вместе с теми сооружениями, которые он проектирует и строит. Есть чудесное высказывание Гете...

Рябинин. ...Можно совершить ошибку в жизни, но нельзя допустить ошибку в строительстве...

Белянкин. Точно. Райкин говорил, картину можно убрать, книгу можно не читать, если они неудачны, а как может перекрыть свою ошибку архитектор? Только посадить густые деревья.

Рябинин. Сейчас стремятся открыть.

Белянкин. Не всегда получается, как хочешь, потому что посадить красиво в сочетании с архитектурой здания какое-то дерево, создать зеленое убранство — это не так просто. Зеленое убранство должно отвечать замыслу архитектора, надо иметь вкус, дендрологические знания, как это будет сочетаться с архитектурными формами. Есть специальная наука — дендрология, которая занимается этим, а мы не всегда владеем этой наукой.

Рябинин. Вы говорили о климате, о создании искусственной среды в том смысле, что все должно быть рассчитано — и насаждения, и асфальтирование. А когда я иду по городу своему родному, я не могу отделаться от мысли, что мы слишком закрываемся асфальтом. Преклонение перед мощью бульдозера. Все понимаю и тем не менее не могу отделаться от ощущения: мы убиваем землю. Мы лишка заковываем ее в бетонную броню. Убиваем часть червей в земле, а ведь они тоже важная часть биосферы... Тот же Исторический сквер, мы уже говорили. Территория вокруг кинотеатра «Космос». Для

чего такая пустая, скучная площадь с задней стороны? Там площадка для машин, но впечатление такое, что там плац.

Больше, больше зеленых пространств. По современным требованиям не менее 50 % городской территории должны занимать зеленые пространства. Город из одних железобетонных чудовищных коробок, весь закованный в бетоно-асфальтовую броню, как Нью-Йорк, Чикаго,— это уродство, нынешний Молох, калечащий нашу жизнь и уродующий людские души.

Белянкин. Если вы бывали на совещаниях областного масштаба, которые там проводятся, то могли убедиться, что стоянки уже не хватает. Она вся забита машинами. А вы знаете, перед сеансом сколько тут бывает народа? Это здание, которое рассчитано на 3—3,5 тысячи человек, и когда все собираются...

Рябинин. И в то же время масса пустых пространств.

Белянкин. Существует какое-то соотношение к зелени, какие-то нормы применительно к масштабу города... Почему на Красной площади нет ни одного дерева, казалось бы, тоже можно засадить, а там чистая площадь...

Рябинин. Там же проходят парады. И кстати, у ГУМа деревья есть, липы, которые прелестно цветут каждую весну. А у Кремлевской стены — голубые ели.

Белянкин. Я согласен, что этот камень, бетон должны быть обогащены более зелеными и цветовыми пятнами: должны стоять большие вазоны с цветами или — рисунок на газоне. Посмотрите, в том же Екатерининском дворце в Пушкине, когда смотришь сверху, на живой ковер убранства, как это красиво...

Рябинин. Маленькое замечание. Сейчас повсеместно — снимать ограждения, штакетники, решетки. Где-то это правильно. Но не везде. У больницы, у школы они просто необходимы. И не только там. Иной раз даже низенькая загородочка, ничуть не уродуя городского пейзажа, воздействуя психологически, предохраняет зелень от вытаптывания, направляя пешеходный поток по дорожкам. А то ведь

случается и так: уберем хорошие ажурные решетки, а потом по требованию автоинспекции водружаем примитивные грубые ограждения из труб, чтоб какой-нибудь бедолага-прохожий, не ровен час, не выскочил на проезжую часть.

Мы ругаем жителей за вытаптывание газонов; но очень часто в этом виноваты благоустроители. В сквере по улице Белинского дорожки давно осели, утрамбовались, в них стоит вода, естественно, люди ходят рядом, вытаптывают газон.

Приятный сквер создали у Центрального почтамта с памятником Попову, фонтанами (к сожалению, не работающими), однако и там в сырую погоду стоят лужи грязи.

Почему я останавливаюсь на этих мелочах? Во-первых, я не считаю это мелочами. Во-вторых, я подписал открытое письмо свердловчанам «Город твой — твоя забота» и, конечно, испытываю чувство ответственности, которое заставляет быть строгим в оценке фактов и явлений.

Белянкин. Эксплуатация города включает многое. Тут и борьба за чистоту улиц, своевременная уборка мусора, поливка, чтоб не было пыли; конечно, сюда входит и забота о сохранении насаждений. Требуется уход — подсаживать, формовать кроны. Растения любят руку, но только не ту руку, которая безжалостно кромсает и уродует их... Мы боремся за город высокой культуры. Отсюда, быть может, особая строгость оценок, строгость к себе. Требовательность повышается, и это правильно. Тем более, что нам еще многого не хватает, надо учиться и учиться. Безусловно, известные сложности создает быстрый рост города.

Города создаются на протяжении сотен лет. Характерно для Свердловска, что он рос как-то рывками, какими-то взлетами, и, как правило, на благоустроительные дела отводилось и средств, и времени, и возможностей далеко не столько, сколько хотелось бы. Поэтому, если вы посмотрите на наш город, исключая главную магистраль, посмотрите внимательнее на то, что лежит на поверхности — деревья, первые этажи, цоколи,— это в моем воображении, увы, далеко от идеала.

Рябинин. Журнал «Архитектура СССР» посвятил почти целиком номер Свердловску (№ 10, 1973). Там высказано немало верных суждений о планировке нашего города, застройке центра, перспективах и т. д. Но как так получается, что на практике все это часто выглядит совсем иначе?

Вы хорошо сказали, Геннадий Иванович, что город у нас компактный. Мне больше по вкусу, когда он не растягивается, но разбросанность строительства все же наблюдается. Из-за этого у нас нет ансамблей, ленинградцы правы...

Белянкин. Доля истины здесь есть, потому что до прошлого года такая ведомственная разбросанность была: разные заказчики, и каждый желает иметь дома где-то под боком. В ряде районов плохо с инженерными коммуникациями (тепло, вода, канализация), и часто приходится ставить дома, не учитывая ансамбля, а исходя из реальных средств. Сегодня от этого мы начинаем отходить, поскольку создан практически единый заказчик — УКС горисполкома. Мы оставили самостоятельными заказчиками только крупные предприятия — Уралмаш, Химмаш, завод имени Калинина, которые имеют достаточный опыт, силы и средства, чтобы строить самостоятельно.

Промышленность является главным градообразующим фактором. Архитектура ныне — это серия объектов, которые создают искусственную среду... Если проанализировать генеральный план и все наши разработки пятилетних планов, то нельзя не заметить, что красной линией проходит идея удаления жилых комплексов от промышленных предприятий, максимальное сохранение лесов, строительство новых жилых районов, как правило, будет на заболоченных территориях, торфяных выработках...

Рябинин. То, что называется «неудобные земли»?

Белянкин. Да, если посмотреть разработки генерального плана на все расчетные сроки, мы видим, что Юго-Запад весь построен на болоте, строительство правобережного ВИЗа, которое сейчас ведем, на сносе ветхого старого жилья — оно тоже стоит на болоте. Будущие районы на территориях Широ-

кореченского торфяника, Комсомольский район во Втузгородке также на мелколесье и заболоченных территориях. Это главная тенденция. Эти территории, как правило, примыкают к лесным массивам и дают прекрасные условия для жизни. Почему всем нравится жить в Юго-Западном районе? Да потому, что рядом стеной стоит сосновый бор. Не нравится только одно, что трудно добираться до работы и обратно. Пока. Если бы мы сегодня могли решить вопросы транспорта, вопросы коммуникационной связи, то мы бы с вами могли примирить две диаметральных крайности — природу и крупный индустриальный город. Вы представляете, что значит жить в 10—12 километрах от центра города, почти в лесу, и иметь возможность недалеко от квартиры спуститься в метро? В будущем человек так и будет жить. Если мы решим проблему транспорта, мы решим все.

Рябинин. Я знаю москвичей, которые поменяли центр Москвы на такой район потому, что хотят жить приближенно к природе, держать собаку, кошку, выращивать цветы.

Белянкин. Уже в этой пятилетке мы будем строить новое жилье за улицами Амундсена, Бардина, которые вплотную примыкают к лесу. Роскошный в природном отношении район, сосновый бор, десять минут — и становись на лыжи, ты в лесу. Разве это не условия идеального проживания! Но... вопрос транспорта: там кому хорошо жить? Пенсионерам, людям, которым не надо ездить каждый день на работу или в городской центр к определенному времени. Но мы не можем создать города для пенсионеров, рядом идет молодая поросль. Все это сложно. Пройдет несколько лет, сделаем благоустройство, и там будет хорошо.

К новым районам большие претензии. Мы руководству исполкома и городского комитета партии докладываем и ставим перед ними эти вопросы — о наших прорухах с благоустройством, о недостатках, которые систематически допускают строители. Сейчас мы ведем борьбу за создание в новых жилых районах образцового благоустройства, уголков отдыха и т. д., но мы забываем, что те районы, кото-

рые сегодня являются новыми, завтра-то будут уже вчерашним днем, и там снова это незаконченное благоустройство перекладывается на плечи трудящихся.

Чем сильна Прибалтика? Там умеют все доводить до последнего гвоздя, не только дают озеленение, газоны, садят с определенным художественным замыслом кустарники, деревья, даже по цвету подбирают — летом, осенью, весной, когда природа начинает работать своими красками. Они насаждают здесь же малые формы, ставят памятники, создавая целостную среду условий жизни человека.

Мы этого пока не делаем не потому, что не хотим. Уровень строительной базы не позволяет. Не поспевает за нашими темпами. Нет должной культуры. К этому добавляются разные неурядицы, которых могло и не быть, которые, право, совсем нам не к лицу...

Рябинин. Похвальная самокритичность.

Белянкин. ...И это всегда становится контрастным и болезненно переживается, когда человек попадает в настоящую культурную среду. Я испытал это на себе.

...За последне время, по чести, сделано много, нет, в самом деле, даже очень много, быть может, больше, чем за предыдущие двести пятьдесят лет существования Екатеринбурга-Свердловска, но тем не менее работы непочатый край. У меня, например, создается впечатление: чем больше делаешь, тем больше надо, тем больше остается! Если мы посмотрим на любой проект застройки жилого района, то увидим полный комплекс благоустройства. И подпорные стенки, и площадки высокорастущих деревьев... Но! Десять лет мы застраиваем Юго-Западный район, а полностью комплекса озеленения и благоустройства в достаточной степени не имеем. Нам кажется, не все еще делается в части авторского надзора, часто отсутствует настоящий контроль за выполнением работ, хотя есть ряд постановлений, нацеливающих нас на это.

Большой, серьезный разговор о задачах советского зодчества шел на VI съезде архитекторов. Мы уже не представляем себе жилища вне связи с объ-

ектами торгового, культурно-бытового и общественного назначения, вне единства с элементами благоустройства и озеленения. Можно утверждать, что все наши успехи — а они бесспорно весьма значительны — рождены совместными усилиями всех участников сложного процесса созидания.

...Еще о культуре города. Она складывается не только из элементов осязаемых, то есть того, что можно пощупать, так сказать. Мы иной раз забываем, что город живет и днем и ночью, что освещение тоже «лепит» образ города. Оно у нас находится пока на очень низком уровне. А декоративно-художественное освещение, оно тоже многое говорит о городе, как бы создает его характер, который впитывается человеком, становясь частью его существа; это великое дело! Пройдите по Невскому, где богатое архитектурное подсвечивание, вы увидите все великолепие архитектуры.

В Лондоне вы видите готику, классику других эпох, видите освещенные памятники и это сделано настолько выразительно, что приводит в восхищение, создает определенный психологический настрой.

Рябинин. Сейчас в ходу функциональная архитектура. Когда я смотрю на современные дома, думаю, что мы допускаем грубые ошибки, когда строим. Взять эти стеклянные двери, вращающиеся в обе стороны, зимой мы отапливаем улицу, а недалеко время, когда надо будет беречь энергетические, топливные ресурсы. Как тут быть в нашем климате?

Белянкин. Архитектура должна быть функциональной...

Рябинин. А двери должны быть теплыми.

Белянкин. Сейчас мы уже не делаем таких дверей. Но в магазинах иначе нельзя, двери должны ходить спокойно, иначе их выбьют. Везде так. Нужны двери автоматически открывающиеся, как делают в аэропортах, в отелях, все это мы знаем, автоматику мы закладываем в проект, но у нас она не всегда работает, потому что нет специалистов, которые могли бы эту автоматику обслуживать, в результате деньги часто выбрасываются на ветер.

Рябинин. Это же расточительно. Повторяю, мы

отапливаем улицу. Не это ли имел в виду сказавший, что архитектура создает климат? Бережливость — черта коммунистическая, а современные архитекторы любят говорить о рационализме и рациональности (страшно, если все люди будут рационалистами!), функциональной целесообразности. Что вы скажете об этом: «Подсчитано... затраты на отопление с чрезмерно остекленной поверхностью в сравнении с зданиями традиционных конструкций увеличиваются от двух до шести раз. Нечего и говорить, что в Сибири и Заполярье трудности эксплуатации подобных сооружений еще более возрастают». Это газета «Правда». Последнее время она уделяет этому много внимания.

Белянкин. Время идет вперед, все меняется быстро. Как-то разговаривал с Лапиным — оператором киностудии — о Дворце молодежи: та кабельная разводка, которая была, уже не подходит, техника телевизионная изменилась. А перестроиться быстро не можем, еще не хватает порой материальных возможностей. Сегодня мы пытаемся поставить перед собой такие задачи.

Главное — хотелось бы заставить всех горожан, вплоть до школьников, посмотреть на город под другим углом. Необходимо всколыхнуть общественное мнение, направить его на улучшение благоустройства, сделав это дело общественным, всенародным. И чем скорее мы этого добьемся, тем будет лучше.

Что надо сегодня?

Надо максимально концентрировать усилия на главных направлениях. Второе. Коль что-то начинаем — доводить до конца. Третья задача — научиться делать проектные разработки на самом высоком уровне. Тут мы, бывает, страдаем дилетантством. Надо все ввести в рамки профессионализма.

Далее — борьба за качество. Сейчас на уголки отдыха мы стараемся выделить хорошие материалы, гранит, мрамор, бетон, пытаемся озеленять, устраивать световое оформление, изыскиваем материальные возможности по цветам. Привлекательный вид новым жилым кварталам придают не только нарядные фасады домов, но и умелое, продуманное благоустройство. Скамейки, столики, грибки для ребят,

теневые навесы, лесенки и городки на детских площадках — все это должно делаться со вкусом и тщанием, так же, как элементы витрин, вывесок, всего того, что меняется в зависимости от времени и моды, вкусов и потребностей. Вчера эти формы были такие, сегодня — другие, требования меняются, меняется и оформление. Сегодня одни светотехнические возможности, завтра появились другие, и мы, естественно, двигаемся вперед вместе с проблемами, привнесенными временем, в соответствии с изменениями, которые отвечают нашим вкусам и интересам.

Мы не умеем эксплуатировать. Посмотрите около городского Совета. Здесь все было хорошо благоустроено, уложены каменные плиты. Каждый год бульдозер сдвигает эти плиты.

Давно ли открылся мемориал Широкореченского кладбища, проехал бульдозер, задел и сбил часть метровых букв из бронзы.

Рябинин. В Риге, например, появилось ироническое выражение «бритье фасадов». Был фасад с лепными украшениями, с ходом времени они стали разрушаться, пришли ремонтные рабочие, и вместо того, чтобы привести их в должный порядок, уничтожили. А это приносит невосполнимый ущерб архитектурным памятникам. За это надо наказывать.

Белянкин. Облечь в форму внутреннего закона для горожан.

Рябинин. Много неряшества. Разведем грязь, а потом ходим и смотрим на нее... Я бы предложил своего рода летучие бригады по ремонту и уходу: увидели, тотчас немедленно заделали, исправили. Как человеку нужны срочные ремонтные мастерские — залатать костюм, прибить подметки, выгладить рубашку и брюки, так и городу нужна быстрая и квалифицированная обслуга. А то вон около Дворца пионеров сломали решетку, починить бы сразу, нет, она будет валяться, пока ее не доломают окончательно. Поменьше всяких временных заплат. Всякие времянки удивительно живучи, это уже доказано опытом. Очевидно, давно пора отказаться от возведения временных сооружений. Как сказал один мой знакомый, фанерка простоит века...

...Кстати, а как вы относитесь к такому вопросу. Мы беседовали насчет градостроительных проблем с одним архитектором, и он вдруг, как бы отмахнувшись, сказал: все равно город перестраивается заново каждые сто лет. Отсюда вывод: строй как попало. Все равно снесут. Очевидно, он считал, его творения лучшей участи не заслуживают. Вы согласны с этим?

Белянкин. Трудно сказать... Город, каким его заложили, таким и будет. Главные артерии города остаются. А что между этими артериями будет построено через сто лет, это вопрос дискуссионный... Центр города мы во многом сейчас перестраиваем, но какие-то основные, кардинальные точки, заложенные сегодня,— парки, свободные пространства — они останутся надолго. Стоит же Дворец пионеров вторую сотню лет. Почему стоит? Потому что удачно найдено место по своим характерным особенностям. Думаю, что и «Космос» будет стоять не 50, а 100 лет, он может быть перестроен, достроен, но функциональное местоположение останется.

Рябинин. Сколько еще мы будем строить однообразные коробки?

Белянкин. Видимо, еще продолжительное время. В центральной печати отмечалось, что у нас еще «есть города, где строительная база способна предложить зодчему лишь один-два типа жилых домов и один-два типа общественных зданий» (журнал «Архитектура и строительство Москвы»). К сожалению, это во многом относится к Свердловску.

Рябинин. За последний период в наш повседневный обиход вошло понятие «малометражная квартира», «малометражка». Однако значит ли это, что мы собираемся строить одни малометражные квартиры? Малометражные квартиры были призваны сыграть важную роль в разрядке жилищного кризиса, в улучшении бытовых условий трудящихся. Однако если вы почитаете журнал «Коммунист» за 1962 год, то найдете в нем статьи, в которых говорится, что пройдет еще несколько лет, и одновременно со строительством малометражных квартир начнется строительство жилья с большой кубатурой и большой площадью. И это естественно, ибо социа-

лизм, а тем более — коммунизм, подразумевают максимальное удовлетворение запросов трудящихся. Тем не менее, если послушать некоторых теоретиков от архитектуры, ознакомиться с их концепциями, то может создаться впечатление, что лучше миниатюрных квартир с совмещенными санузлами, с низкими потолками ничего и быть не может...

Белянкин. Мы попытались разработать жилой район в центре города, на берегу Городского пруда, где строится Дом Советов, и там в наших условиях выйти за рамки, которые регламентированы нашими государственными стандартами, чуть-чуть улучшили квартиры, чуть-чуть улучшили обслуживание, благоустройство, сделали совершенно другие детский садик, школу, несколько приблизили к тем направлениям, которые мы преподносим в школе, институте, говоря об архитектуре как искусстве, как об одном из высших созданий человеческого разума и техники, и... вышли сразу за цифру стоимости одного квадратного метра, утвержденную для Свердловска. Лучше строить — необходимо больше тратить. Вот вам ответ на этот вопрос. До сего времени потребность в жилье — одна из самых острых, и те деньги, которые нам отпускает государство, обеспечивают ввод жилья только интенсивнейшим поточным способом, а это вызывает стандарт, который влечет за собой однообразие. Мы хотим, чтобы каждый получил благоустроенную квартиру, и как можно скорее. Сейчас появилась возможность разнообразить застройку, но полностью ввести наше градостроительство в ранг высшего материального искусства пока еще удается плохо. Вот мы говорим о новой серии жилых домов. Говорим уже пять лет и только-только начинаем на нее переходить, и тем не менее эта серия еще далеко не удовлетворяет в полной мере утилитарные и эстетические потребности современного человека, который будет жить не только завтра, но и послезавтра в этом типе дома. Конечно, новые районы будут значительно лучше тех, которые мы строили вчера. Но это еще далеко не то, что нам хотелось бы.

Рябинин. И что же, получается безвыходное положение? Стало быть, нельзя рассчитывать на улуч-

шение архитектурного облика города? Мне кажется, что не совсем так. Разве новый Юго-Западный район хуже старого Екатеринбурга?

Белянкин. Мы только вчера снесли бараки, еще есть сотни тысяч квадратных метров аварийного жилья, где нет канализации, воды, централизованного тепла. Как быть, если надо дать возможность выехать из подвалов и заехать, может быть, не в слишком хорошее, не в роскошное, но вполне благоустроенное жилье?

Это не значит, что мы ничего не делаем в части улучшения. Делаем, конечно. Сегодня мы строим дома лучше, чем десять лет тому назад. Можем проехать по Юго-Западному району, и вы сами убедитесь, увидите эту разницу, и притом значительную.

Рябинин. Значит, все-таки идет совершенствование?

Белянкин. Да, но этот процесс идет непропорционально тем запросам, которые у населения и которые растут день ото дня. Очевидно, мы до 2000 года застроим весь город, не улучшив кардинально проблему художественного образа, не создав архитектурных, в массовом порядке, произведений на уровне большого искусства.

Рябинин. Мишель Рагон пишет, что архитектура перестала быть искусством.

Белянкин. Я не могу с этим согласиться. Как понимать, что такое искусство архитектуры? Мы даже наскальные рисунки называем искусством человека на определенном этапе его развития, но мы же их не сравниваем с произведениями Рафаэля, Врубеля, Репина. Мы говорим о них как об определенном отражении социального и культурного уровня развития цивилизации.

Рябинин. Хотите сказать, что дома, которые строим, они... на уровне каменного века? так?

Белянкин. Нет, я этого не хотел сказать, но, говоря честно, мы пока еще многое строим плохо. Я недавно столкнулся с этой проблемой. К нам пришла коллективная жалоба. Был принят дом с оценкой «четыре» в Пионерском поселке, а жильцы написали коллективную жалобу. Я поехал сам проверить,

как ответственные люди поставили такую оценку, и ужаснулся. Въехали люди, а все отваливается, не закрываются окна, двери. Дом еще не вступил в строй, а уже требует ремонта.

Рябинин. Точно как в одном анекдоте. Строителя спрашивают, как дела. Он отвечает: «Все нормально. Пятый этаж достраиваем, первый ремонтируем». Почему приняли дом на «четыре»?

Белянкин. Можно было поставить «три», это означало бы, что дом принят, но строители не получили бы премии...

Рябинин. Строже принимать, лучше будут строить.

Белянкин. Если я буду принимать по инструкции, мы ни одного дома в эксплуатацию не сдадим.

Рябинин. А если взять да за целый год оставить всех строителей без премии? Может быть, тогда возьмутся за ум?

Белянкин. Об этом поговорим в другой раз, в другом месте. Бывает, когда одним запретом ничего не добьешься. Нужно смотреть глубже. Еще слаба строительная база, не хватает мощностей, мало материалов, дефицит рабочей силы.

А в общем-то при всех недостатках и упущениях, наши строители делают великое дело.

Рябинин. В заключение разговора: каким вам видится будущий Свердловск?

Белянкин. Красив наш город, необыкновенно зеленый, богатый разнообразными и ландшафтными перспективами, и крупными, интересными зданиями, самобытный, не похожий на другие города. Если бы удалось сделать то, что задумано...

Но тут же надо говорить о генеральном плане, о центре города, о тенденциях развития, о структуре новых застроек и памятниках архитектуры.

Старая архитектура и новая. Борьба двух тенденций — что сохранить и что сломать? И как это вписать в новую структуру города?

Город и природа — об этом тоже много говорим и спорим.

А вопросы комплексного благоустройства наших районов, проблема озеленения и ландшафтных зон в этих районах. Проблема реконструкции

и благоустройства? Вот такие важные сегодня встают проблемы.

Образ города создавался десятки, сотни лет. Что-то из него уходило, что-то возникало...

Безусловно, в любом городском организме есть элементы, которые подлежат изменению в соответствии с нашими вкусами, интересами, с нашими требованиями и наметками. Это вопрос нулевых отметок (на земле и то, что находится на высоте наших глаз). Это благоустройство, мелкие формы, элементы освещения, элементы декоративных форм, монументальные формы.

Я полагаю, что те знаменитые старые формулировки, в том числе великого Гюго, что архитектура — это книга, которая пишется под диктовку господствующих идей эпохи, и по сегодняшний день остаются в силе. Любое искусство писалось под диктовку определенных идей эпохи, революционных — в этом плане я понимаю искусство как книгу. Новый город, НАШ город — «это город, где общественное производство растет высокими темпами... Это город с выразительным, оригинальным и, несомненно, запоминающимся архитектурным обликом, с высоким уровнем благоустройства и четко отлаженным бытовым обслуживанием» *. Написавшие эти строки В. Дышловой и В. Плехов здесь безусловно правы...

Конечно, я считаю, на сегодня в целом культура народа стала выше, люди более образованные, много видят, много читают, много ездят, много думают, и то, что иногда у некоторых архитекторов вызывает определенную обиду, что горожане вмешиваются в работы, связанные с архитектурой,— это не совсем правильно. Дальше, конечно, больше будет таких вмешательств. Это не значит, что мы должны все выполнять, все делать так, как нам говорят, но в любом случае должны преломить через свое профессиональное сознание.

Есть такая мудрость: выслушай всех и сделай по-своему.

В этом отношении я убежден, что архитектура, та,

---

* Дышловой В., Плехов В. Человек в городе. М., «Знание», 1978.

какой она была во времена Древней Греции, несет на себе народное влияние. Вспомните гениальных творцов прошлого. Архитектура была всегда делом народа. Я считаю, что всенародное вмешательство не только не умаляет, а увеличивает значимость архитектуры и как искусства, и как идеологии. Я все-таки оставлю за собой право думать именно так, независимо от того даже, что мы создавали на протяжении последних десяти лет в отдельных случаях плохие сооружения. Думаю, что это было следствием определенного влияния, воззрений на архитектуру не как на искусство, а как на один из видов человеческой материальной практики. И если архитектура — это действительно книга, которая пишется под диктовку господствующих идей, если этот афоризм верен,— а он безусловно верен! — то книга архитектуры социалистического Свердловска может быть написана только коллективом единомышленников.

Рябинин. Значит, будем союзниками и впредь сообща станем отстаивать наши убеждения!

Белянкин. Разумеется.

Рябинин. Очень рад. Спасибо...

...Всякие бывают праздники. Бывают дни рождения, именины, дни бракосочетаний — свадьбы, когда соединяются любящие, чтоб прожить вместе долгую счастливую жизнь, серебряный, золотой (бывает и бриллиантовый) юбилей...

Есть праздники, которые отмечает вся страна, весь народ, а есть — свои, местные, но дорогие, близкие сердцу.

День города — совсем особый праздник. У него свои приметы. Он — и день рождения, и день подведения итогов культурной, хозяйственной и всякой прочей деятельности.

Город Свердловск ныне, отмечал в этот день, 18 ноября 1978 года — это был первый День города — председатель горсовета в интервью корреспондентам, это — 1200 улиц, площадей и переулков, более 30 000 жилых и общественных зданий. Его жилой фонд — 15 миллионов квадратных метров. Надо ли говорить, что львиная доля имеющегося создана в советское время.

Ко Дню города во Дворце молодежи открылась выставка, отображающая историю Екатеринбурга-Свердловска, под названием «История в реликвиях». На выставке были представ-

лены экспонаты из фондов краеведческого музея. Общее внимание привлекала Книга почета, выразительная деталь советского периода.

За годы Советской власти необычайно вырос и окреп рабочий класс, вобравший в себя лучшие традиции мастерового люда старого Урала. Большим уважением в городе пользуются трудовые династии, а их в Свердловске насчитывается более двух тысяч. Не династии царей, а династии умельцев — золотые руки теперь в почете! Общий трудовой стаж у некоторых из них насчитывает по двести лет и более. Среди них Лоцмановы и Полянины с Верх-Исетского завода, Бондаревы, Дурнышевы, Корниенко, Подпанковы с Уралмаша, Бычковы с машиностроительного завода имени М. И. Калинина, Самылкины — с инструментального, Решетниковы — со Свердловской железной дороги. Десятки свердловчан носят высокое звание Героя Социалистического Труда. И, конечно, это прежде всего их заслуга, что только за три последних года объем промышленной продукции города возрос почти на 13 %. За три года жилая площадь увеличилась более чем на полтора миллиона квадратных метров, выросли новые школы, способные принять более 13 тысяч школьников, больницы на 2410 коек, поликлиники, детские учреждения. Город обрастает цветочными оранжереями, предприятиями бытового обслуживания.

Праздники принято встречать подарками... Во Дворце молодежи состоялось торжественное собрание, и там городу было вручено переходящее Красное знамя Совета Министров РСФСР и ВЦСПС, присужденное Свердловску, завоевавшему первое место в соревновании среди городов Российской Федерации. Переходящее Красное знамя городского комитета КПСС и исполкома горсовета вручили представителям Кировского района — он завоевал первенство в движении за звание «Район высокой культуры и образцового общественного порядка». Ведь это был их девиз, кировчан, «Чтоб каждой улицей гордиться!» Они и первые.

Конечно, у Свердловска, как у каждого большого, развивающегося города, много проблем. В этот день строители дали слово: к 18 ноября — Дню города — ввести в строй цирк, уникальное, видное издалека здание, выросшее на берегу Исети,— сооружение, которому, по всем признакам, суждено стать архитектурной достопримечательностью города.

О начале праздника возвестил гудок, донесшийся со стороны старого и заслуженного Верх-Исетского металлургического завода, строителя пятилеток, внесшего неоценимый вклад в ленинскую электрификацию страны. Да, да, заводской гудок, который уже не слышали давно, а многие из молодых вообще не слышали. А ведь когда-то он был традиционным на каждом предприятии, сзывал людей на работу.

Гудок — примета заводской огненной работы, неутомимости человеческого труда. Было решено, что отныне он будет звучать ежедневно в 12 часов пополудни, как в Москве разносится перезвон курантов со Спасской башни, а в Ленинграде бьет пушка в Петропавловской крепости. Оказалось, правда, что устройство, установленное на трубе старой котельной ВИЗа, которое действовало еще до революции, недостаточно голосисто, звучит не слишком громко. Сделать новое! Выяснилось, увы, что чертежи и рецепт сплава металла, из которого делали заводские гудки, безвозвратно утеряны... Да разве это препятствие! Одолевали и не такие технические трудности! Будет более мощный гудок. Место ему — в наивысшей точке, на трубе новой теплоэлектроцентрали ВИЗа. Там ему и звучать. Это будет голос города...

Много строить — не значит плохо строить

За столом Б. С. Рябинин и архитектор А. Б. Фишзон.

Рябинин. Вы — член градостроительного совета города...

Фишзон (кивает). Точно так. У нас есть градостроительный совет и два подсовета, технический и художественный. Чего-чего, советов у нас хватает. К сожалению, они не всегда оправдывают себя. Ну, конечно, сейчас речь не о том, в данном случае это к делу отношения не имеет.

Рябинин. ...И вы, Абрам Борисович, представитель старшего поколения уральских архитекторов. Кстати, вы коренной уралец или «пришлый», как у нас принято говорить? Пусть вас это не обижает: Урал во все времена, на протяжении всей своей истории заселялся выходцами из других краев. Помните роман Мамина-Сибиряка «Три конца», это как свидетельство того, что в городе (Нижнем Тагиле, хотя тогда он еще не считался городом) разные районы имели разное по происхождению население: кержацкое, выходцы с Украины и прочие. А вы откуда? Давно ли на Урале? Где получили архитектурное образование?

Фишзон. Пожалуйста, пожалуйста. Спрашивайте. Считаю, что я коренной, уральский, живу здесь уже 37 лет. Окончил Одесский институт. Некоторое время работал на Украине, потом эвакуировались учреждения, и война меня забросила сюда. Как мой внук говорит: если бы не Гитлер, мы были бы одесситами.

Город знаю хорошо, строил много.

Рябинин. Я не случайно упомянул о том, что вы представитель старшего поколения архитекторов. Чем, на ваш взгляд, зодчество прошлого отличается от нынешней архитектуры?

Фишзон. Условия работы и жизни другие. Раньше не было таких широких возможностей, какие имеются сегодня.

Рябинин. Так что в этом смысле современное поколение имеет преимущества?

Фишзон. Безусловно. Ведь когда-то для мастеров сделать хороший дом было большой честью, которая далеко не всем предоставлялась. Поскольку мастеров было мало и строилось относительно мало, то и нужно было распределить эту работу по самым лучшим мастерам, и сделать хороший дом — это было событие для архитектора. Например, некоторые наши великие зодчие России — Щусев, Щуко, Фомин, они были известны всего несколькими зданиями, а сейчас молодой человек имеет возможность и проектирует целые микрорайоны, города... Крупные жилые образования и общественные здания. Сейчас не хватает квалифицированных (по-настоящему) архитекторов.

Рябинин. В этом есть плюсы, но в этом есть, наверное, и минусы?

Фишзон. Квалификация мастеров архитектуры раньше была выше, чем сегодня. Приходится это признать. Конечно, некоторые зодчие и сегодня достигают высокой квалификации благодаря своему упорству, таланту, благодаря тому, что жизнь заставляет объять такие огромные задачи, именно так проектировать и строить такое, что не представлялось раньше никому ни по объему задачи, ни по идейному содержанию. Но многие не поднялись выше привязки домов. Раньше не было задачи привязки домов, каждый дом делался индивидуально, и их не так много делалось. А сейчас это массовый социальный заказ. Надо выполнить задачу по обеспечению жильем, культурными учреждениями, детскими учреждениями, их делают часто малоквалифицированные люди, и, увы, на очень невысоком уровне.

Рябинин. И отсюда, конечно, много бед?

Фишзон. Да, потому что сейчас архитектурное проектирование начинать надо не с вопросов технических и не с вопросов эстетических, а с вопросов социальных. Если вы не разобрались в социальных задачах, то вы ничего хорошего не сделаете. Какой-

нибудь отдельный дом, может быть, даже красивый, но он будет незначительным вкладом в застройку города и в архитектуру вообще. Вот в чем отличие условий творчества старшего поколения от сегодняшнего.

Рябинин. То есть?

Фишзон. Сейчас есть возможности для решения больших задач, дают средства для облицовки и ценные материалы. Иногда. Правда, добиваться их трудно, потому что огромный объем строительства и нет возможности снабдить всех строителей красивыми материалами. Но есть такие счастливцы, которым в силу значения зданий даются большие возможности. Но они часто думают, что только облицовкой зданий, скажем, мрамором или какими-то скульптурными фрагментами или чеканкой добьются большого художественного эффекта, а на самом деле это украшательство, это не настоящая архитектура.

Вот, образно говоря, возьмем любой из наших типовых четырех-пятиэтажных домов, облицуйте его листами чистого золота (я, конечно, преувеличиваю), станет хорошим этот дом?

Рябинин. По-моему, нет.

Фишзон. По-моему, тоже нет. А когда в здание вложена большая мысль, в первую очередь композиционная, функциональная и художественная мысль, даже в простом материале можно получить нужный эффект и создать настоящую архитектуру.

Рябинин. Мне кажется, так же, как люди могут одеться богато, в одежду из лучших материалов, нацепить какие-то украшения, а смотришь — некрасиво. Человек со вкусом оденется в ситец, сатин — и прелесть.

Фишзон. Совершенно верно. Поэтому настоящему зодчему, как и всякому культурному, интеллигентному человеку, ясно, что не пышность и богатство определяют настоящую красоту, а мысль, но это не всем доступно. Ведь и поэты и писатели не равноценны и не все гениальны.

Рябинин. Везде самое главное — мысль. И у писателей тоже.

Фишзон. Да, люди, которые работают в области

искусства, особенно литературы и не меньше в архитектуре, должны нести мысль.

Рябинин. Кстати, и классики об этом говорили: прежде всего мысль.

Фишзон. Да, если мысли нет, то и нет ничего.

Рябинин. У меня такой попутно вопрос, сугубо практический: сейчас мы употребляем в строительстве много бетона, сборного в частности. Как он — ограничивает возможности, усложняет или облегчает?

Фишзон. Без бетона сейчас сделать ничего нельзя, это слово времени. Сейчас такой объем проектирования и строительства, который ни с чем нельзя сравнить. Если бы делать по старому способу — из кирпичиков — и ставить деревянные перекрытия, то не хватило бы никакого жилья, никаких других сооружений, которые так нужны сегодня человеку. Разве мы могли бы строить столько жилья, сколько строится сегодня? Не могли бы. Бетон ускоряет. И делает здания капитальными и долговечными, а строительство — индустриальным.

Рябинин. И потом он, наверное, в чем-то позволяет и форму создавать?

Фишзон. Бетоны разные бывают. Бетон сборный и монолитный. Монолитный бетон кажется менее индустриальным, хотя это неправильно, он дает огромные возможности.

Рябинин. То есть можно придать любую форму?

Фишзон. Любою форму можно придать зданиям, любой размер. Надо сделать деревянную или металлическую опалубку и ее заполнить бетоном. Здания могут стать интереснее, оригинальнее, самобытнее.

Рябинин. Кстати, это приближение к природе, которая не любит геометрии.

Фишзон. Далеко не все страны идут по нашему пути, по пути сборного железобетона. Да и у нас относятся к нему по-разному. Я был недавно в Кишиневе — там строят дома из монолитного железобетона. На то есть свои причины: во-первых, там сейсмические условия, а сборный железобетон хуже приспособлен для сейсмики, можно строить и из сборного, но... Монолитный железобетон надо смелее индустриализировать. Кишиневцы делают специаль-

ную подвижную опалубку, по мере заполнения ее бетоном конструкции этажа поднимаются выше, и здания создают не такие, как из сборного железобетона. С завода везут товарный бетон, заполняют формы и придают зданию ту форму, которая нужна.

Так что железобетон в общем-то не помеха для выражения архитектурного замысла и для ускорения строительства.

Рябинин. Ваши слова — елей на мою душу. Все-таки, значит, в конечном счете, я так понял, и тут решает квалификация, а точнее — одаренность архитектора, его выдумка. Тем более, что другого пути нет. Даже иностранцы говорят, что гигантское современное строительство для удовлетворения потребностей в том же жилье может быть развернуто только с помощью индустриальных методов.

Фишзон. У них на Западе нет такого массового строительства и им вряд ли понятны наши трудности. У них больше идет обновление жилья или других объектов, меняются условия жизни — требуются другие квартиры, другие градостроительные принципы. Конечно, строится и новое, но в меньших объемах, чем у нас. А у нас огромные объемы, нам прежде всего надо удовлетворить всех «хлебом насущным» — доброкачественным жильем. Сколько разрушений принесла война, люди живут в хибарах, которые вросли в землю, не имеют ни водопровода, ни канализации, прогнившие полы... Надо скорей вытащить людей из подвалов. Задачи у нас, конечно, большие; но все же сборный железобетон нельзя отрицать, он может быть употреблен для изготовления каких-то элементов общественных зданий.

Мне кажется, что наши заводы железобетонных конструкций идут не по тому пути. Вместо того, чтобы выпускать сборные дома, надо было выпускать сборные элементы домов. Имея набор таких элементов в каталоге изделий, архитектор мог бы как-то комбинировать их в том порядке, в каком нужно... то есть варьировать, делать любые дома.

Рябинин. Так же, как кирпич позволяет любую композиционную форму находить.

Фишзон. Совершенно верно. Для дома сейчас при-

ходят на постройку готовые панели, пронумерованные, и ставятся на свое место.

Рябинин. Механическая сборка. Отсюда часто идут критические и даже грустные высказывания. Согласитесь ли вы с заявлением одного видного зарубежного архитектора, что очень скоро архитектура будет поставлена перед выбором — либо новая строительная техника породит новую архитектуру, либо создаст сооружения экономически обоснованные, но чудовищно однообразные и унылые?

Фишзон. Несомненно. Я вам скажу еще другое. Вы знаете, сейчас архитектура для молодежи уже не имеет такой притягательной силы, которую она имела раньше. Когда человек вдумывается в то, что он должен заниматься привязкой проекта, который кем-то сделан, который нельзя изменить, ему становится неинтересно. Многие выпускники уходят в живопись, в дизайн, меняют свою специальность после окончания института.

Рябинин. Такое явление наблюдается и в других сферах человеческой деятельности. В какой-то мере это неизбежно. Человек не сразу находит себя.

Фишзон. Здесь процент слишком большой. Человек теряет интерес к работе в архитектуре. Она отдаляется от искусства.

Рябинин. Это плохо. Надо, чтобы человек гордился своим трудом. Невольно вспоминаются слова, что если эстетика инженера сейчас переживает бурный расцвет, то эстетика архитектора мучительно деградирует...

Фишзон. Это сказал Корбюзье. Бесспорно, индустрия строительства обогнала архитектуру. Строим действительно много, поражающе много, просто невероятно много. На Уралмаше давно ли еще можно было видеть бараки... 254 барака. В 1966-м убирают, заканчивают. Все — больше нет. К слову сказать, барак тоже веха истории: они напоминали нам о первых пятилетках, вот с чего начинали, вот к чему пришли. Сравнение неплохое.

Есть еще одна сторона. Чтобы создать такие объекты, как Дворец молодежи, Дом политпросвещения, гостиница «Свердловск», уходит от шести до десяти лет жизни зодчего. А это тоже не всем нравится,

хочется побыстрее. Сейчас строится музыкальное училище. Проектировал я его одиннадцать лет назад...

Рябинин. Гостиница «Свердловск» тоже ваше творение?

Фишзон. Да. Имею отношение.

Рябинин. Хорошая гостиница. Гости Свердловска охотно останавливаются в ней.

Фишзон. Да, неплохая. Беда еще в том, что молодые не консультируются, они «все знают». Болезнь роста, болезнь движения вперед. Это вроде кори, которой должен переболеть каждый или почти каждый. Но раньше болели чаще, а спрашивали больше.

Рябинин. Я обратил внимание, что в трудах некоторых наших теоретиков архитектуры, представителей нового поколения неправильно употребляются специальные выражения: вместо «восьмерик на четверике» пишут «восьмерка на четверке», а «четверка», равно как и «восьмерка», совсем другое понятие: четверка лошадей, восьмерка пик. Незнание русской специальной лексики, специфики народности. Может быть, я придираюсь...

Фишзон. Отчасти.

Рябинин. Вернемся еще к прошлому. Мы чтим в Свердловске архитектора Малахова, восстановили его дом*, помним и всегда перечисляем то, что было построено, все это вошло в какую-то копилку. Как вы расцениваете деятельность того же Малахова для нашего города?

Фишзон. Я считаю, что деятельность Малахова была чрезвычайно важной. Во-первых, Малахов является учеником и соратником знаменитого русского зодчего Воронихина. Быть учеником Воронихина, наверное, большая честь, вероятно, он не воспитывал у себя людей бездарных. Появление Малахова в наших краях знаменовало собой новый этап в понимании архитектуры. Вообще надо сказать, что это

---

* Ансамбль дома М. П. Малахова включал небольшой прудок на речке Малаховке, сад и подсобные службы — полная городская усадьба того времени. (См. «Архитектура СССР», 1973, № 10.)

Сейчас речки Малаховки уже нет — забрали в трубу. Лишь небольшая часть осталась на территории зоопарка.

время в архитектуре было очень интересным и переломным.

Настоящая европейская архитектурная классика, классицизм, в котором работал Малахов, пришла в Россию по существу после войны 1812 года. Тогда был привезен ампир. На русской почве он приобрел свое особое звучание, которым отмечены многие самые интересные здания России. Если будем говорить конкретно, это биржа Тома де Томон, это Адмиралтейство А. Д. Захарова — ампир. В Ленинграде еще очень много зданий, в том числе Конногвардейский манеж и другие. И в Москве ряд крупных зданий. К классицизму относится Большой театр. Малый театр. Достаточно хороший представитель — Манеж, где сейчас устраиваются Всесоюзные выставки живописи, Музей Революции и много, много других.

И то, что классицизм был заброшен к нам в Екатеринбург, это как бы повернуло архитектуру времен петровских, подражательной архитектуры елизаветинской эпохи, повернуло на новое направление — на европейского уровня архитектуру, но уже с чертами российскими, очень монументальными, лаконичными и живописными.

Мы, архитекторы, всегда восхищаемся личностью Малахова: он, имея небольшую мастерскую, мог охватить много объектов, сделать такие красивые здания, как собор Александра Невского (Зеленая роща), он или его ученики проектировали нынешний Дворец пионеров (главный корпус), мы знаем, что он делал здание Горного начальника (теперешняя спецбольница). А визовское заводоуправление — отличное здание, оно теперь, правда, очень испорчено, к сожалению, стоит за воротами, и никто его не видит. Была еще больница визовская, тоже изуродовали. Хоть бы сохранились фрагменты, восстановили бы, а то сейчас все продолжает разрушаться...

Все это задавало тон в застройке Екатеринбурга и других городов Урала. И роль Малахова здесь чрезвычайно велика. Вероятно, можно и нужно говорить о традициях Малахова в архитектуре, возможно, даже о его архитектурной школе.

Дело не только в его зданиях. Он был удивительно разносторонний человек. Он делал генеральный план города. По существу, то, что мы сейчас видим в центре,— работа Малахова. Она определила многое и в сегодняшнем формировании города Свердловска. Екатеринбург Малахова и сейчас самый красивый фрагмент города.

Рябинин. А при Татищеве?

Фишзон. При Татищеве была заложена основа в виде завода-города-крепости. Я взял с собой некоторые книги, которые, может быть, в беседе пригодятся. Вот посмотрите такую вещь: этапы развития нашего города с 1723 года... (Показывает.) Классическая форма крепости-завода-города Екатеринбурга. Вот здесь была поставлена плотина, она и создала этот пруд, который дал воду, необходимую для работы завода, находившегося ниже по течению Исети. Вокруг располагалось поселение, и все это было обнесено земляным валом и укреплено башнями по углам. Все вместе представляло территорию примерно 350 на 370 метров — один квадратный километр, и жили в нем 1700 человек. Сюда входили рабочие и служащие, инженерный персонал и их семьи, солдаты, сначала строившие город, а затем охранявшие его.

А вот это — город дореволюционный, сетку которого создал Малахов. Это где-то в границах с запада до Московской (граница улицы 8-го Марта шла по стене этой крепости), а с востока едва доходила до Восточной. За линией железной дороги не было ничего. При Малахове и ближе почти ничего не было. Он нарисовал такую схему города, которая имела строго прямоугольную сетку улиц.

Рябинин. Кстати, ленинградцы, и не только они, говорят, что это напоминает Ленинград.

Фишзон. Да, в планировке Екатеринбурга много сходных черт с Петербургом. Здесь были места для мостов. Здесь находились площади и парки и были городские жилые кварталы. Эта сетка сохранилась до сих пор, и она украшает наш город, а не те закорючки, которые сегодня появились в генплане города. Современная планировка города, конечно, несравненно сложнее и понимание задач планировки

сегодня иное, нежели при Малахове, но центр у нас, заложенный Малаховым, создает условия для самых лучших планировочных решений. Это было заложено Малаховым. Мы ему за это благодарны и воздаем должное.

Конечно, он не мог знать, какие дальше будут возможности, но его основная заслуга даже не только в тех зданиях, которые им созданы, а в этой планировке. Он хорошо понял природу города, создал живописное решение улиц вокруг Исети, которое даст возможность и в дальнейшем делать город интересным именно благодаря реке и неповторимой системе городских водохранилищ и застройке вокруг них.

Рябинин. Очень хорошо вы рассказали об этом. У меня следующий вопрос: сложнее ли строить сейчас, нежели раньше, обобщая все?

Фишзон. Думаю, что сложнее. Как в функциональном смысле, так и в эстетическом решения и в архитектуре города и отдельных зданий могли быть разные. Но сегодня задачи усложняются тем, что, во-первых, эти задачи сейчас огромны. Город-то большой. В нем сейчас девять планировочных районов, каждый из которых равен среднему или малому городу. А во-вторых, почему появились сложности? Сегодня город наполнен техникой, с которой нельзя не считаться, наполнен транспортом. Одно дело было проехать в карете туда-сюда, в пределах двух-трех километров. И другое дело проделать 25 километров из конца в конец по очень распростертому городу (400 квадратных километров!), их не проедешь в карете.

Далее — инженерное обеспечение водой, канализацией, электричеством, радио, телефоном, газом — все коммуникации страшно сложно переплетены под землей и над землей и будут усложняться дальше. Сеть коммуникаций увеличивается и по длине и по параметру, технология зданий и сооружений также усложняется. Объемы их увеличиваются. Повышаются и требования к ним.

Кроме того, очень важный момент — решение социологических задач. Кто-то живет в центре, а кто-то — на окраине. Ведь тот, кто живет на окраине, не

хочет быть ущемленным ни в каком отношении. У нас сейчас нет окраины в старом понимании. Затем заводы... Жилье приближено к ним в пределах возможности размещения по санитарным условиям. Мы думаем и мечтаем о том, что, в конце концов, эти производства должны перестать быть вредными, человек научится удалять вредности...

Рябинин. Бесшумные, безвредные производства...

Фишзон. Это даст возможность приблизить жилье к месту работы, но пока еще езда из одного конца города в другой — неизбежная реальность.

Надо решить специальный вопрос — роль центра и роль окраин. Надо решить социологические аспекты планировки и проживания в современной квартире — что же должно быть в центре? Может быть, здесь вообще жилья не должно быть?

Рябинин. А действительно, должно или не должно? Я помню, на какой-то большой конференции возник разговор, столкнулись разные точки зрения. Один товарищ из среды архитекторов сказал: вот я недавно был в Рио-де-Жанейро (разговор шел о зеленых насаждениях) — там в центре зелени нет. Ему резонно кто-то из присутствующих возразил: там же учреждения, торговые конторы-офисы, в которых сидят богачи. Кончился рабочий день, они уехали к себе на виллу. А у нас в центре живут люди, почему они должны быть лишены воздуха, зелени?

Фишзон. Мне пришлось дискутировать по этому вопросу, особенно с товарищем Пискуновым. Он ратует за то, чтобы был центр офисов: парадная площадь, учреждения, научные институты и чтобы люди сюда по короткому пути стекались из разных районов города для труда и праздника. Я выступал против, считал и считаю всегда, что, очевидно, центр должен быть удобоваримой композицией из административной и жилой застройки, потому что иначе он будет мертвым. Я так и писал в нашей газете. Кончилась работа в 5—6 часов, свет выключается, транспорта нет — и он, этот центр, мертвый город. Как лондонский Сити — притушены огни, сторожа отгоняют людей от этих мест. Нужно ли нам это?

Рябинин. По-моему, нет.

Фишзон. Должен быть живой город, здесь должно быть жилье, должны быть люди, которые работают в расположенных тут учреждениях, должны быть театры, спортучреждения и другие подобные, наполненные людьми в вечернее время.

Рябинин. Возьмите Красную площадь, она живая, и ночью люди по ней гуляют.

Фишзон. А площадь Свердлова, площадь Дзержинского в Москве — везде жизнь. Потому что там есть и жилье, и гостиницы — тоже жилье, и театры, и магазины.

Рябинин. Я думаю, что подобные установки — это плохое проникновение в существо явлений и требований, дурное подражание Западу при отсутствии идеологического мышления.

Фишзон. По-моему, это не наш путь — мертвые «сити». Но такое противоречие у нас тоже есть.

Конечно, мне кажется, не надо сосредоточивать все учреждения в центре. Есть учреждения районного значения, которые должны быть в районах, есть учебные заведения, которым не обязательно быть в центре, есть институты такие, как машиностроения, например, они должны быть и на Уралмаше; педагогический институт, который отнесен на развилку шоссе Космонавтов и Предзаводской улицы (поворот на Эльмаш). Правда, мне кажется это не совсем разумным, тут чисто промышленная зона, она загружена транспортом, пройти туда невозможно, он мог быть где-то в оживленной части города, я сам проектировал этот институт в районе Ясной, и после того как он был частично построен — в районе ул. Большакова, его перенесли сюда, на Эльмаш, в промышленную зону. Но в принципе, конечно, вузы могут быть размещены в разных районах города.

Рябинин. Мы часто наблюдаем такие явления: проектируется одно — вдруг вырастет другое. Таким образом, дезорганизуется ведь и генеральный план. Почему это происходит?

Фишзон. Генеральный план все время совершенствуется, он должен выполнять определенные задачи, которые стоят на ближайшие годы, он должен

смотреть вперед, без этого нельзя представить, где что должно размещаться. Бывает, что требуются какие-то уточнения, неудачно поместили, жизнь показала, что надо то или иное здание перенести в другое место.

Например, утвержденный генеральный план города мне кажется не вполне совершенным, тем более, что его уже на протяжении ряда лет почти не придерживаются. Центр был выполнен московской организацией Гипрогор, и он вошел в наш генеральный план, который делался в Свердловске, но у меня впечатление, что все время есть стремление отойти от этой планировки.

Рябинин. Чем это объясняется?

Фишзон. Мне кажется, это местничество: мол, как это — делали москвичи, что мы, сами не можем?!

Рябинин. Вы, конечно, помните ту яростную полемику, которая разгорелась по поводу «Монетки», исторического центра Екатеринбурга-Свердловска? Все ли, вы считаете, было сделано правильно?

Фишзон. «Монетка», конечно, была не в один день сделана. Там были здания, построенные много позднее и которые не представляли особой исторической ценности. А были сооружения, созданные давно. Конечно, «Монетка» должна была сохранить максимальное приближение к тому, что было сделано в те исторические времена, отсеяв дальнейшие наслоения. Большое дело было сделано, когда сняли стену, она раскрыла вид на южную часть города. Если бы осталась эта стена, мы бы южную часть города и здания, расположенные там, не видели.

Но все это можно было решить иначе. Например, Гранильная фабрика — главная часть «Монетки» — могла быть оставлена. Мне кажется, что стена, которая стоит на правом берегу, тоже могла быть сохранена, остались же только малые фрагменты ее. Я тогда вносил предложение, чтобы иначе обойтись со стеной, которая выходила к проспекту Ленина. Но этого так и не сделали. Мы здесь потеряли историчность и просто художественность решения. Элементы истории вносят в современную застройку особый аромат.

Конечно, во всех подобных делах надо начинать

с составления программы. Надо убедить всех, что сохранять памятники истории необходимо.

Рябинин. После войны у советских людей появилось особое чувство, вероятно, вызванное утратой дорогих народному сердцу реликвий, особое, трогающее душу и сердце, отношение к материальным памятникам родной истории. Я испытал это на себе.

Недавно я приехал в город Кунгур, на свою родину. Город исторический, входит в число 115 городов, объявленных архитектурными и историческими заповедниками. В Кунгуре, к стыду своему, я не был давно и не узнал его. Конечно, город изменился. Был город с ярко выраженной индивидуальностью, с торговым центром, с кварталами настоящих ремесленников, мастеров по кожевенному делу, с живописно выглядывавшими там и сям колокольнями (насчитывалось тринадцать церквей, многие из которых представляли подлинные памятники зодчества, осталось три, и те в каком виде!). Всегда буду помнить «кузнецовский дом» с зимним садом и озерком в парке, бывший монастырь — в тридцатых годах трудкоммуна... что стало на их месте, лучше не говорить. Было нечто свое, трепетно-особое, неповторимое, кунгурское, уходящее корнями в уральскую землю, в глубокую историю. Было и ушло. Разумеется, выросло много новых каменных многоэтажных корпусов, а лицо свое город утратил. Не нашел я и дома, в котором провел детство; вся улица Ленина неузнаваема. Начисто исчезла центральная, так красиво выведенная линия с выходом к реке Сылве — главный городской бульвар — бывшая Китарская, на ней оказались проложены железнодорожные рельсы. Право, надо же суметь так искалечить город. Местные товарищи спрашивают: как вам нравится? А я не знаю, что сказать. Мне грустно. И обидеть их не хочется — они же горды, что город их строится, и солгать язык не поворачивается. Конечно, тут примешивалось личное чувство — а как без него?

Вот там я вдруг живо представил, что будет с проспектом Ленина в Свердловске, если дать волю тем, кто спит и видит, как переделать его... И тут

же рядом мы создаем прекрасные новые города, тот же Качканар — город юности, новая Губаха... Как так получается? Одно создаем, другое крушим? Наверное, это может быть темой специального исследования психологов.

Пример заботы о старине подают нам наши прибалтийские республики, Армения, Грузия, среднеазиатские республики... (печать сообщала: нетронутыми остаются целые районы Самарканда, в своеобразный заповедник превращается старый Таллин — вана Таллин) многие города Белоруссии, Украины, а также наших друзей, братских социалистических стран — Польши, Чехословакии, Болгарии...

...Но я, кажется, увлекся, извините. Наболело. Вернемся к теме нашего разговора — к новой архитектуре.

«Новое активно входит в архитектуру Свердловска»,— говорит наш земляк Б. М. Давидсон, автор книги «Архитектура и современность» (Свердловск, 1966). Из чего оно складывается, это новое, что сулит нам? Можно приглядеться к нему поближе.

Мне рассказали историю. Пришли гости. Вышли покурить, а обратно не могли прийти — заблудились. Все дома одинаковы. Пришлось звонить по телефону... Так что фильм «Ирония судьбы, или С легким паром» не так уж далеко ушел от действительности. Я собственными глазами наблюдал: приезжий дядечка вышел подышать свежим воздухом (приехал повидаться с родственниками)... хвать, подъезды без номеров, примет, различий никаких. Бегает растерянный. Хоть караул кричи. Смешно?

Вы извините, но, право, не хочется называть зодчими тех, кто возвел эти коробки.

Неразделенность красоты и пользы — вернейшая примета настоящей архитектуры.

Это было сказано о Кижах. Неужели же современный творец, вооруженный всеми средствами техники, должен уступить своему предку, имевшему в своем распоряжении только топор?..

Создается впечатление, что некоторым не дает покоя слава Герострата. Обязательно надо что-то сносить, ломать, перестраивать... да это еще хорошо — перестраивать; чаще — все под бульдозер, сровнять

с землей! Меньше возни и никаких помех! Все-таки как хотите — это бедствие нашего времени.

Сейчас в ходу выражение «свободная застройка». Поначалу она звучала привлекающе и понималась как нечто прогрессивное. Свободная застройка вовсе не предполагает хаотичности, наоборот, как представляется мне, она обязана являть собой наиболее тонкую гармонию, увязку сооружений с природой и окружающим пространством, чтобы душа пела, ликовала при виде этой красоты, человек испытывал чувство окрыленности... Я прав или не прав? А гляньте на Восточную или улицу Щербакова в Уктусе... Так и сяк, никакой стройности, полное забвение закона ансамбля; и если архитектура — каменная музыка, то это — абсолютная какофония, которая давно осуждена в наших джазах. Но почему она торжествует здесь? А ведь строят-то на века.

Отброшены национальные традиции, идет чистейшая американизация — хаотическое, безвкусное нагромождение коробок из бетона и стекла, выпирающих, лезущих в глаза в самых неподходящих местах, или каменные ущелья типа колорадского каньона. Я, конечно, несколько сгущаю краски, но в чем-то и недалек от действительности. Непродуманность прямо-таки лезет в глаза. Пример — дом «Бухара — Урал», которым испорчена не только площадь и принижен Дворец пионеров, но и закрыта перспектива улицы Карла Либкнехта, дом, как гриб-поганка, вылез на бугре и теперь торчит и, видимо, будет торчать долго...*

А ведь даже американцы уже пишут о том, что нельзя историю сбрасывать со счетов, что надо создавать не хаос, а новую, более утонченную гармонию, «лучше быть хорошим архитектором, чем оригинальным» **. Что примитивная архитектурная со-

---

* По определению старого большевика А. И. Парамонова, «как прыщик, который превратится в чирей».

** Показательно заявление известного американского архитектора Филипа Джонсона: «Я бы предпочел ночевать в Шартрском соборе, от которого ближайшая уборная в двух кварталах, чем в общежитии Гарвардского университета с его ванными комнатами».

диология, примитивизм мышления возвели высотные башни, которые на деле заменили один вид трущоб другим. Жестокое признание!

Мопассан говорил, что самое непонятное искусство — это архитектура. Возможно, он прав. Тем не менее, это не снимает ответственности с архитектора, творца городов и среды человеческого обитания. Архитекторы получили сейчас возможность мыслить большими масштабами, решать композиции, о которых их предшественники не отваживались даже мечтать. Дерзайте! Но дерзайте так, чтобы это не приносило огорчения другим!

Против чего хочется и даже необходимо возражать?

Неумеренное увлечение подчас новыми материалами (в частности, пластиком: ведь теряет вид почти тотчас, как его уложили);

увлечение бетоном (мало того, что площади, проезды заковываются в бетон, так еще везде на газонах, в скверах, по всей земле брошенные, забытые бетонные камни, глыбы; неряшество, леность в приборке или тоже признаки «нового стиля»?);

злоупотребление стеклом;

скверная внутренняя планировка зданий, я бы сказал, дискомфортность зданий, зачастую полное забвение элементарных истин и принципов, забвение практического смысла — того, чему и как должно служить здание, как оно должно использоваться. (Реконструировали кинотеатр «Совкино». Уборщица, чтоб помыть пол, должна подняться на четвертый этаж, спуститься на первый, там набрать воды и снова проделать весь путь назад; администратору, чтоб попасть в вестибюль, надо выйти на улицу и т. д.)

Постоянное нарушение композиции застройки, забвение законов ансамбля, я бы сказал, презрение к ансамблю.

В последнее время возникло новое понятие «микрорайон», однако же оно не устраняет понятие «ансамбль»...

И наконец, бесконечное экспериментирование там, где давно все ясно, поражающие досадные нелепости...

То мы ликвидируем форточки (погоня за ложной дешевизной: а потом начинаем их прорубать сами, каждый жилец, портя и уродуя дом, его внешний вид; в конечном счете получается то же, только хуже). А то вдруг начинаем делать окна без подоконников; и вот уже жилец вопит — верните подоконники. Подоконник тоже необходим для создания привычной атмосферы дома, семейного уюта: на него можно поставить цветы, которые работают на наше эстетическое восприятие и очищают воздух, как отмечал строитель-свердловчанин П. Горбачев. Все какие-то вывихи, мания упрощенчества, примитивизма (а небось сам этот товарищ, который проектировал квартиры без подоконников и форточек, предпочитает жить там, где все есть). Построили типовую школу, спортзал — на верхнем этаже, в результате ребята должны все время слушать топот над головами.

Существует «мистика квадратов», то есть счет только на квадратные метры. Об этом хорошо сказал на страницах «Литературной газеты» лауреат Государственной премии, главный инженер управления капитального строительства Сибирского отделения АН СССР А. Ладинский. Гонимся за «метрами». А все остальное? Ладинский указывает, что в ближайшие годы мы должны ориентироваться на предоставление каждой семье отдельной квартиры. А какой ей быть? Нужна ли, к примеру, столовая? Французы говорят: столовая обеспечивает сохранение семейных связей. Любопытные соображения на сей счет дала одна дискуссия.

«Когда читаешь сейчас, что дома и квартиры будущего должны проектироваться с учетом всемерного развития различных форм общественного бытового обслуживания и с учетом того, что дети и подростки якобы будут жить и воспитываться в специальных интернатах, невольно задаешься вопросом: неужели авторы всерьез считают, что они ясно представляют себе жизнь и бытовой уклад будущих поколений? Может, лучше предоставить нашим потомкам самим решать эти вопросы?

Я просил бы своих возможных оппонентов не торопиться с преждевременными выводами. Я тоже

вовсе не считаю, что современный дом — это механическая совокупность квартир, в стенах которых замыкается вся жизнь семьи. Конечно, общественное обслуживание населения будет все расти, облегчая быт семьи и делая его менее замкнутым. Но разве дает это повод думать о необходимости каких-то иных, принципиально новых основ устройства жилища?» Все верно. Парадокс: крупнее стали люди, а квартиры — малометражные. Современный акселерат головой задевает потолок, стукается лбом о притолоку. В Швеции пересматривают стандарты мебели, простенки квартир и т. д., меняется высота столов и прочего *. Речь, конечно, не о том, что в каждой комнате подавай высоту 4—5 метров, а поднять потолки хотя бы до 3-х метров. Стукаться не будем и воздуху больше.

Между прочим, та же картина наблюдается и в общественных зданиях: давят потолки, мала высота, мала кубатура зданий.

Что меня особенно удручает, так это уход в камень. Серый раскаленный асфальт или бетон, серый полыхающий жаром камень — вот упорно насаждаемый стиль, если только это можно назвать стилем. Может быть, подкрашивать его как-нибудь, что ли? Поначалу это было хорошо, даже радовало, но теперь, когда все однотонное, и его так много, и прибывает день ото дня... Нужно разнообразие. Диву даешься, откуда наши архитекторы, живущие во глубине России, набрались такой бездушно-казенной вкусовщины, формалистики!

Кстати говоря, если в жилой застройке наблюдается надоедающее однообразие, то в сооружении служебных зданий часто наоборот — пестрота. В Тюмени такой вокзал, в Перми — другой, в Челябинске — третий, в Тобольске еще какой-то свой. Не нужна ли однотипность? Вот тут она как раз и необходима. Как форма. Раньше подъезжаешь и видишь: вокзал, станция.

---

* Замечено: ирландские терьеры в Англии за год стали выше на 2,5 см. На выставке 32 лучших — все выше. Тоже влияние акселерации? И что теперь — пересматривать стандарты собак?

И еще — стекло, пользование стеклом как универсальным ходовым строительным материалом. Мне кажется, тут тоже наблюдается излишнее неоправданное увлечение. На севере стекло, на юге стекло, а в итоге зимой холодно, летом жарко, душно.

ТЮЗ, новое здание: в фойе холод — тоже сплошное стекло, в антракте никого нет, все гуляют внизу, в вестибюле, где теплее. Это при —10° на улице. А что будет при —40°?

СТЕКЛЯННАЯ БОЛЕЗНЬ. Многие ньюйоркцы становятся жертвами странной болезни, которая может распространиться и в других странах. Ей подвержены люди, живущие в многоэтажных домах из стекла и бетона. Симптомы этой болезни — головокружение, навязчивая идея постоянного преследования, желание спрятаться в темном углу комнаты. Причина заболевания кроется в напряженном ритме жизни и работе в помещениях с модернистскими стеклянными стенами-окнами.

Новейшие здания в Нью-Йорке строятся в основном из стекла и бетона. Люди начинают замечать их отрицательные стороны только спустя некоторое время. В учреждениях со стеклянными стенами секретарши стремятся отодвинуть свои столы как можно дальше от окна. Обитатели квартир вешают длинные, темные шторы на стены-окна.

По словам профессора архитектуры Колумбийского университета Джеймса Фитча, жизнь за стеклянными стенами создает целый ряд проблем. Когда от потолка до пола идет сплошное стекло, у людей очень часто начинается головокружение. Кроме того, удручающе действует жара и яркий солнечный свет. Даже системы кондиционирования воздуха не приносят существенного облегчения, потому что они не могут противостоять солнечной радиации. Обитателям квартир со стеклянными стенами кажется, что они живут в аквариуме, что ими любуются соседи. Во время вечеринок в таких квартирах всегда стараются сесть поближе к обычной стене.

Один из ведущих нью-йоркских художников-декораторов, Вильям Пальмэнн, сказал, что владельцы стеклянных квартир приглашали его с просьбой уменьшить размеры их окон: сплошное стекло создавало у них впечатление неуверенности и неуравновешенности.

Многие жители стеклянных домов, не понимая причины

угнетенного состояния, обращались к психиатрам. Врачи-специалисты обнаружили еще одну болезнь — фотофобию, или боязнь яркого света. На зашторивании окон не кончаются все проблемы жителей стеклянных домов. Их тревожит мысль, во сколько им обходится вид из окна, которым они не могут наслаждаться («Обсервер». Нью-Йорк).

Не отсюда ли мода на темные очки?

Это имеет прямое отношение и к экономике — расход тепла. Между прочим, проблема уже пробилась на страницы печати. «Правда» писала недавно: бережливость — закон для всех («Днем с фонарем»). Нас призывают к экономии электроэнергии, топлива, ибо ресурсы их не долговечны. Весь разговор еще впереди.

Где-то я вычитал: медицинский подход к жизни становится искусством только тогда, когда вступает во взаимодействие с душой человека. Вот так же и в архитектуре.

...Но хочется сказать и о другом.

Чуть-чуть лирики. Прежде, когда человек возвращался из дальних странствий, после длительного перерыва, он окидывал взглядом знакомые места, улицы, площади, переулки, дома, любовно отмечал: а вот и он, стоит на прежнем месте; а здесь... ага, все так же, ничего не изменилось! Это радовало безмерно: стоит и будет стоять твой очаг, то, откуда ты вышел сам! Теперь иначе: приезжая, отмечаешь — ага, тогда только начинали строить, а уже пятый этаж; а здесь уже ввели в строй... А тут, смотрите, как стало хорошо, был пустырь, какие-то развалюшки, стал Дворец труда! И эти перемены радуют, ими гордишься, возникает какое-то совсем особое чувство, поскольку ты сам участник этого созидания, меняющего к лучшему лицо родной земли, города, селения. Теперь уже и не вспомнить, где что было. Давно ли был Березовский тракт, а теперь анфилада громадных зданий, череда новых улиц, лишь недавно прошедших «крещение» — получивших название. Раньше узнавали старое и радовались, что время бессильно против установившегося, привычного, дорогого нам; теперь меряем ход времени по признакам нового, отмечаем новое...

Такова противоречивость человеческой натуры: рядом уживаются самые разные чувства. Жаль старое и счастлив, видя торжество нового. Но хочется, так хочется, чтоб это торжество не омрачалось бы ничем, несло только счастье, удобство, красоту, благополучие! Вы согласны со мной? Отсюда все критические мысли и суждения...

По распространенному убеждению, многие беды современной архитектуры происходят от необходимости жесточайшей экономии. Говорят, архитектору необходима большая свобода, он стеснен в своих действиях. Но, очевидно, больше должно быть и творческой инициативы. Показательно высказывание Оскара Нимейера, создателя новой бразильской столицы — города Бразилии (из его диалога с французским обозревателем Марселем Корню).

ОСКАР НИМЕЙЕР. Прежде всего следует понять, что вслед за периодом ортодоксального функционализма в современной архитектуре действительно наступил период тоскливого повторения.

Да, такой эволюции способствовали различные школы и доктрины, имеющие общим знаменателем функционализм или конструктивизм. Был выработан целый ряд правил, установлены добровольно принятые ограничения, которые сдерживали порывы к свободе творчества, тормозили развитие творческой мысли.

Что же произошло? А то, что из-за ограничений, **придуманных самими архитекторами,** они в большинстве случаев не могли предложить инженерам новых смелых решений, иногда очень трудных и на первый взгляд даже невыполнимых.

Однако единственный способ ускорить развитие технических средств и обогатить их — это заставить архитекторов и инженеров заняться поисками новых оригинальных решений. Архитектура была слишком подчинена правилам чисто конструктивным...

МАРСЕЛЬ КОРНЮ. Метод крупноблочного строительства, использование сборных элементов — не может ли это, на наш взгляд, стать средством, избавляющим от нищеты архитектурной мысли?

ОСКАР НИМЕЙЕР. При сборно-блочном методе строительства слишком часто используется или механическое противопоставление, или механическое сочетание мелких

компонентов, что еще больше усиливает однообразие. Здесь, мне кажется, следует отдавать предпочтение крупным строительным элементам, чтобы придать в некотором роде гибкость крупноблочному сооружению.

Я хочу сказать, что такой способ предоставляет архитектору полную свободу как в работе над интерьером здания, так и при его внешней отделке *.

Заметим, что Нимейер начисто отрицает повторение старого, всяческие неоклассицизмы и помеси, «копии с копий и имитации имитаций». Новое должно быть новым...

«Досадно,— пишет Н. Баранов, заместитель председателя Государственного комитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР,— что некоторые наши архитекторы недостаточно критически относятся к зарубежной архитектуре. Это проявляется в излишнем пристрастии к высотным зданиям-коробкам, в чрезмерном увлечении стеклом. Авторы проектов, создавая сплошные стеклянные поверхности, мотивируют это необходимостью органической связи интерьера с окружающей средой. Этот принцип обоснован в применении к Дворцам культуры, Домам пионеров, окруженным зеленью садов и парков. Но если стеклянные поверхности открывают рабочие помещения, где условия труда требуют большой сосредоточенности, многолюдным, насыщенным транспортом шумным площадям и улицам, то сам принцип сочетания интерьера с внешней средой становится уже фальшивым, противоречит функциональному назначению зданий.

Нужно сказать, что у нас еще нередко предают забвению принципы творческой преемственности. Но без нее невозможно сформировать архитектурный ансамбль. Ведь только следуя этой традиции, несколько поколений русских зодчих создали блистательные архитектурные комплексы Ленинграда.

...Досадных просчетов могло не быть, если бы главные архитектурно-планировочные управления Москвы и Ленинграда не снижали требований к согласованию проектов...» **

Эстетические воззрения архитекторов за эти 30—50 лет испытывали качку. Скоро ли качка сменится

---

* Диалог подготовлен М. Корню по просьбе «Литературной газеты».

** Баранов Н. Городам стоять века. «Известия», 1969.

целеустремленным движением вперед! Тот же Корбюзье правильно указывал: жизнь идет вперед, она подсказывает и подскажет еще тысячу решений, связанных с преобразованием современного города, но ясно одно: содружество пространственных искусств, их взаимопроникновение — сила, способная не просто изменить облик города, но и довести его до совершенства. Наверное, правильно, как вы считаете?

Фишзон. Безусловно.

Рябинин. Очевидно, современный стиль еще только рождается, он весь в будущем. Мы присутствуем при родовых муках.

Архитектор — организатор человеческого пространства. Согласны вы с заявлением одного из видных зарубежных деятелей архитектуры П. Нейрона, что очень скоро «архитекторы будут поставлены перед выбором: либо отказаться от своей роли ведущего лица в области организации человеческого пространства, либо они должны расширять свою позицию, пересмотреть материалы, средства производства, технику и изобретения нашего века»?

Фишзон. Вы критиковали наших архитекторов. Наверное, в чем-то правильно. Что вы хотите, если архитекторы нарасхват, их мало, просто нет, зато есть архитекторы, носящие высокие звания, весьма высокие, но не создавшие самостоятельно ни одного оригинального интересного проекта, не построившие ни одного здания, ни плохого, ни хорошего. Это еще одна из бед нашей архитектуры.

Рябинин. Не только архитектуры.

Фишзон. Конечно, архитектор должен быть мыслителем, должен иметь талант. В противном случае он никакой не архитектор, не зодчий. Он не имеет права им быть, называться архитектором.

В прошлом среда обитания складывалась постепенно. Сейчас... век скоростей! Архитектура передает характер общества, и очень точно и выразительно. Под влиянием ее складывается и характер жизни — взаимопроникновение... Сейчас много строим, но не всегда удобно строим. Геометрическая форма зданий, свободная застройка — все это требует раздумий, поисков; а думать не всегда есть время. В 50-х го-

дах было лишь три города-миллионера: Москва, Ленинград, Киев, сейчас их тринадцать...

Рябинин. Девятнадцать. В мае 1979 года в Перми в рабочих семьях Алалыкиных, Маланухиных и Пономаревых, почти в один и тот же час, родились сразу трое — два мальчика и девочка, они стали миллионными жителями...

Фишзон. Очень хорошо. Девятнадцать. За советский период выросло 1600 новых городов... О чем-нибудь это говорит? Проекты стареют «на корню», процесс строительства нередко опережает мысль проектировщика. Чем быстрее мчится автомобиль, тем сильнее, дальше должны светить его фары...

Нужно создавать среду, которая способствовала бы развитию человека. Потребность в жилищах требует типизации и индустриализации; тут, конечно, есть противоречие. Современное здание? Есть излишество и красота, но веет холодом. Детройт — характерный пример: создали центр для транспорта, а туда перестали ездить, потому что магазины, библиотеки оказались вынесены за пределы центра. Образец формального решения. Учимся на ошибках. Как решить связь с природой? проблему транспорта? проблему эстетическую? Сейчас создаются, вернее, где-то брезжит в неясном будущем, прорисовываются в чертежах города-мосты, города-башни, многоярусные, висячие, плавающие, наконец, подземные города (экономия территории)... Химический город, из полимерных материалов, сконструировал грек-архитектор. Динамическое развитие города! Но, характерно, зелень — в каждой планировочной зоне. Иерархия зданий — как понимать ее? О ней надо думать. Прежде бытовало выражение «силуэт города»; каков нынешний силуэт? Он складывается из отдельных зданий; значит, надо думать над каждым зданием. Только красивые самолеты хорошо летают, говорил Туполев.

Рябинин. Стандарт материального окружения — не ведет ли он к стандартизации человеческой личности, вот о чем я часто думаю. Было бы ужасно, если бы это случилось, а такая опасность существует. Правда, природа не терпит однообразия, на одной березе вы не найдете двух одинаковых листьев.

Однако полностью полагаться на природу, все свои надежды связывать с этим, пожалуй, было бы непростительным для человеческого разума легкомыслием.

Город, как сказал мудрый человек, обладает свойством неотступности: он окружает нас, он с нами всегда, он воздействует на вас каждую минуту, каждую секунду, каждым домом, каждым забором, и впечатление от него складывается плотное, неделимое. Гомон толпы, перекличка людских голосов, шум заводов, грохот проносящегося трамвая, вечерние огни, тихий шепот дремлющих тополей — все воздействует на вас, входит в ваше сознание, становится частью вашего собственного бытия, вы не можете уйти от этого никуда, создается психологический, нравственный «климат» города. И какой ваш сосед, и насколько удобен и красив дом, и где, в каком окружении ваша квартира — все имеет значение, отражается на самочувствии и работоспособности, душевном настрое, все это создает человека, формирует его как личность и члена человеческого сообщества: либо он совершенствуется, обогащаясь внутренне и обогащая душевно других, либо деградирует, превращаясь в нечто невообразимое и даже опасное.

Здесь не раз поминался Ладзинай, новый район советского Вильнюса. Хочется напомнить: он весь построен из стандартных материалов, а мило. Лес у порога, здесь же гаражи, но их не видишь: движение, как во всяком современном городе, но его не слышишь, тишина...

Фишзон. Нынешний индустриальный век, век огромных масштабов проектирования, заставил обратиться к индустриализации строительства. Она имеет свои положительные стороны, но одновременно и уродливые, даже извращения. Поэтому появились многочисленные случайные повторения одних и тех же решений — то, что больше всего вызывает недовольство у граждан. Раньше города имели свое лицо, теперь они как бы потеряли его. Находясь вот здесь (рисует), вы чувствуете старый город, и он имеет свое лицо, хотя его архитектура совершенно уже не удовлетворяет. Не удовлетворяет масштаб

застройки, провинциальность архитектуры и просто ветхость строений. А когда сдвигаешься вот сюда (показывает схему) — если вам не сказать, в какой город вас привезли, вы можете спутать с любым другим городом, чего раньше не было. Повторяю: планировочные решения, приемы застройки, повторные здания, неудовлетворительная система обслуживания. Это самое первое, что не устраивает людей.

Однако в таких же условиях при соответствующей свободе композиционных решений, при отсутствии догмы можно очень многое сделать и очень многое решить. Нужно дать больше возможностей способным архитекторам для проявления инициативы и выдумки.

А что является догмой? Для всех градостроительных решений созданы градостроительные правила, которые, в принципе, должны существовать.

Но вот эти правила — «Сборник нормативов и правил» (СНИП), он сделан для всех городов Советского Союза, бездумно нивелируя условия, он не учитывает ни климат, ни природу района, ни национальные, ни иные местные особенности. В России много есть зон. Нельзя, видимо, в западной части РСФСР делать то, что делают на Урале, во Владивостоке, Хабаровске,— везде есть свои особенности проживания, особенности быта и склонностей людей.

СНИП ничего этого не учитывает. Не учитывает использование солнечной ориентации, рельефа и других факторов. Они совершенно безлики, эти правила. А ведь, образно говоря, когда холодно, кот сворачивается, он подбирает лапки и свертывается калачиком, а когда жарко, он раскидывает свое тело. Так и в планировке нужно учитывать особенности климата: северный город должен сворачиваться «калачиком», сохраняя тепло, а южный может быть просторным, пропускать большие массы воздуха. У нас же широкие улицы и площади, внутриквартальные пространства создают большие ветряные «трубы». Смешно, но в Свердловске для застройки многоэтажными домами употребляется всего три типа домов: 9, 12, 16-этажные панельные дома,— вот все, что есть в наборе. Создаются одинаковые здания,

они совершенно не индивидуализируются, составляются как бы механически, из одинаковых кубиков. Проектировщикам трудно, а строителям легко. Мало того, на все нужно получить разрешение в Центре, а там часто сидят люди, которые решают судьбу нашего города, даже не зная его. Человек, который посетил два-три раза Свердловск, считается в Госстрое уже специалистом по Свердловску. Таким способом нельзя получить разнообразие в застройке.

А что и индустриальным способом можно получить хорошие решения, показывает опыт мировой застройки. Свердловск имеет сейчас неплохие кадры архитекторов, которые могут проектировать хорошо. Но мешают недостатки. Наиболее серьезный — застройка ведется очень разбросанно. Мне кажется, что если бы свердловскую застройку сосредоточить поочередно на нескольких важных местах в городе на ближайшие годы, то можно было бы достичь больших успехов. Я писал неоднократно в наших газетах, но особой реакции на выступления я не вижу.

Целый ряд городских площадей не закончен. Вот пересечение улицы Большакова и 8 Марта — огромное пространство, но оно не имеет формы. Будущие площади Свердлова и Малышева еще только в процессе формирования. Вокзальная площадь также не доведена до конца. Когда я проектировал гостиницу «Свердловск», я предлагал еще один корпус поставить, так, чтобы закончить северную часть города. Не сделали и особого интереса не проявили. Не завершена площадь.

Рябинин. Каким же вам представляется Свердловск в обозримом будущем? Скажем, в ближайшие тридцать, сорок лет?

Фишзон. Я давно ждал этого вопроса, можно сказать, центральный вопрос. Мы с вами одного возраста, и возраст, надо сказать, серьезный, и нам хотелось бы видеть наш город еще при нас уже хоть в какой-то мере сформировавшимся. Боюсь, что этого не произойдет.

Рябинин. Может, лучше, что не произойдет, не будем огорчаться сносом чего-то дорогого для нас.

Фишзон. Не должно быть такого сноса. Во всех городах поднят вопрос о создании к генеральному

плану еще дополнительных частей генплана, которые определяют историческую ценность зданий и мест. Это должен быть специальный генеральный план сохранения памятников архитектуры и культуры, которые органично влились бы в новую застройку и сделали бы ее, можно сказать, «романтичнее».

Рябинин. У Свердловска он есть?

Фишзон. Еще нет. Но я был рад, когда увидел, что кое-что было сделано, в частности, пока только схема размещения тех районов, на которые надо обратить внимание при сохранении памятников. Эту работу необходимо ускорить.

То, что строили когда-то, конечно, не все ценно. Иногда строил не мастер архитектуры, а простой мастеровой, подрядчик, делали без вкуса и знаний какие-то дома, украшенные башенками, флажками и флюгерами, это безвкусная дешевка, которая не имеет никакой ценности, а их часто общественность защищает. Авторитетные люди должны сказать, что надо сохранить, что представляет художественную и историческую ценность, а что можно не сохранять.

Пока же в спешке могут попасть под снос ценные вещи, имеющие историческое, архитектурное или этнографическое значение.

Есть такие города, такие центры, которые тщательно сохраняются полностью, это Владимир, Суздаль, где все ясно. Красиво сделали в Вильнюсе — сохранили старую часть, и она органично вливается в новый город, это не противоречит переходу от старого к новому и красивой их связи. В старой части строят и новое, но строят с уважением к старому, учитывая этажность и масштабность старого. Здесь все ясно, и делается умело и красиво.

А Свердловск не такой, у Свердловска почти нет точно и четко очерченных мест старого города, кроме завода на плотине, немного исторически ценных памятников, и приходится очень аккуратно действовать. Сейчас задача — пробить новый проспект Свердлова напрямую через улицу К. Либкнехта с выходом на проспект Ленина и дальше до Центральной гостиницы. Он сейчас пробивается до Централь-

ной гостиницы на будущую площадь Свердлова. Эта же идея была раньше иначе задумана.

В свое время предлагали по генеральному плану пробить улицу Свердлова напрямую через улицу Толмачева, но ее испортили плохой застройкой. Была бы прямая магистраль, но там построили школу и плохие дома. Ее сузили, и предложение стало невозможным. После возникла идея пройти к центру через улицу Карла Либкнехта с небольшим поворотом. В дальнейшем можно было бы почти спрямить и по склону горки Дворца пионеров пропустить эту магистраль с полным сносом старой застройки.

Рябинин. Наверное, нам не грех позаимствовать опыт наших прибалтийских республик. В частности, я имею в виду район Ладзинай в Вильнюсе. («Ладзинай» — «Ореховая деревня», уже хорошо и греет душу. Это голос любителя природы.) Зодчие Ладзиная доказали, во-первых, что можно добиться превосходных результатов, используя типовые панели, стандартные материалы; во-вторых, они показали, как пользоваться приношениями природы. У них в городском ансамбле с успехом служит каждый овраг, каждая горка, косогор, любая складка местности, не говоря уж о лесе, все учтено при составлении проекта и все пригодилось. Литовские архитекторы доказали, что в рельефе нет ничего лишнего, более того, рельеф подчас оказывает неоценимые услуги градостроителям.

Мы же стремимся как можно больше сровнять и спрямить, а это надо не всегда. Московский Кремль, наверное, не был бы Кремлем, таким, каким мы его знаем, если бы он не стоял на горке. То же можно сказать о центрообразующих ансамблях других городов. Между прочим, в русских традициях строить, применяясь к условиям местности, сливая архитектуру с природой, даже следуя ее рисунку, прислушиваясь к ее капризам. Отсюда поговорка, помните? Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет... Корбюзье, правда, называл это «дорогой ослов» (ну, великим людям простительна иногда категоричность суждений!), но он же сам почему-то под конец жизни отошел от своих установок и начал проектировать здания со сферическими, изогнутыми поверх-

ностями. Видимо, с одной прямой линией скучно жить.

Кстати, Корбюзье называл Венецию городом, скроенным по мерке человека. Как бы нам скроить наш Свердловск по мерке человека-труженика и родной уральской природы!..

Фишзон. В Перми проделали большую работу по организации центра города, создав два пересекающихся проспекта, с постановкой в центре правительственного здания, с открытием на Каму. Челябинск имеет представительный центр — площадь с проспектом. Такая работа проделана во многих городах. Но во многих еще не осуществлена, как в Свердловске.

Рябинин. Челябинцы еще до войны имели генеральный план, составленный ленинградцами, и они ему следовали. Во время войны там были архитекторы-ленинградцы. Челябинск находит возможность использовать каслинское литье в отделке зданий, для украшения города.

Фишзон. Свердловск мог бы иметь возможностей больше, но нет достаточной решительности. Здесь оказывают влияние и некоторые руководящие товарищи, не лучшее причем влияние. Иногда они берут на себя решение вопросов, которые им не по плечу, не по их культуре, и заставляют городского архитектора следовать этим влияниям. А он, не желая входить в конфликт, подчиняется...

В Свердловске нет и облицовочных материалов, в них большая нужда, а наличие их помогло бы создать не один тип дома, по крайней мере в декоре, а много типов и много деталей. Дома имели бы свое лицо, свой образ, свой цвет. Смешно сказать, но мы употребляли битые унитазы, разбивали на куски и закладывали в облицовку панелей. Когда меня спрашивали, чем мы панели облицовывали, все катались со смеху. Вот так пришлось изобретать. Нет в Свердловске облицовочных материалов, и город не заботится о строительной базе облицовочных материалов. Строится много интересных зданий — и нечем отделывать. Гранит и мрамор получить очень трудно.

Рябинин. Это на Урале-то?! В Алма-Ате архитек-

торы поставили задачу: возвести сотни домов, и чтобы ни один не походил друг на друга. Качественная отделка. Декор — народное искусство. Индивидуальный фасад...

Фишзон. Да, да, все так. Ну, Алма-Ата столица республики. А на Урале нельзя пользоваться даже гранитом, банк не разрешает. Например, в гостинице «Свердловск» в вестибюле ресторана укладывали пол — брекчию — так называют пол из ломаных мраморных плит. Из банка приходили и возмущались, почему такое делаем, где такое видели... Я должен был искать примеры в журналах, в книгах, чтобы показать неграмотному инспектору, что такое брекчия с заполнением швов раствором. Спрашивали, почему 80% мрамора и 20% раствора, может быть сделать наоборот... Архитектурно безграмотный человек требует снять мрамор...

В заключение хочу сказать: в застройке города делается многое, очень многое, можно сказать, что предпринимаются даже героические усилия как проектировщиками, так и строителями. Можно сказать также, что за последние годы достигнуты существенные успехи в регулировании застройки, благодаря чему мы имеем целые жилые районы, новые — Юго-Западный, Академический, Сортировка, Комсомольский на Шарташских каменных карьерах, а также реконструированы районы ВИЗ правобережный и левобережный, Чкаловский — Химмаш и Вторчермет, улица Блюхера, систематическая работа над которыми продолжается, реконструируется Орджоникидзевский район вдоль шоссе Космонавтов и многое другое.

Изменений много, и — к лучшему. Совершенно преображается ранее убогий район от улицы Свердлова до набережной Городского пруда, со всем комплексом вокруг «Космоса».

Реконструкция здания горисполкома на площади 1905 года создала вместе с монументом В. И. Ленину ощутимую городскую доминанту. Тут — горсовет, сердце города.

Реконструкция района городской плотины и перестройка нынешнего горного техникума преобразили и этот район несомненно в лучшую сторону. Не все

плохо, хочу я сказать. Несомненно, город уже приобрел новый облик, и это хорошо.

Конечно, город, всякий город не делается по мановению волшебной палочки. Это работа многих десятилетий и даже столетий. И вдолге после нас будущие поколения будут продолжать эту созидательную работу, и не только строить новое, но и реконструировать то, что построено раньше, приспосабливая для своего нового быта и идеологии, в соответствии с новыми возможностями, сообразно со своим талантом и опытом, на уровне той, будущей науки и техники. Надо сказать, что и сейчас работают многие хорошие, молодые архитекторы и растут новые кадры зодчих.

Генеральный план города и природные условия: наличие водного бассейна — реки и системы прудов и озер, внедренных в самое тело города, создают условия для образования незаурядного города. Здесь речь идет не только о функциональной жизни города, но и о художественной, эстетической его сущности, ведь архитектура вообще складывается из трех совершенно равноценных компонентов, трех сторон, составляющих единое целое: рациональной, экономической и эстетической.

Эстетическая сторона, то есть искусство, всегда занимает градостроителей и архитекторов-зодчих в неменьшей степени, чем другие стороны. Архитектор по своей сути художник и скульптор, музыкант и писатель, выражающий свое искусство, свои замыслы монументальными, дорогостоящими и долговечными средствами. По результатам творения архитектуры люди будущего будут судить о героической истории предков, об их культуре и таланте, а люди настоящего времени получают удобства проживания, благоприятную среду, естественную и искусственную, и воспитываются, хотят они этого или нет, в духе возвышенной гордости за свой город, за свою родину, за человека. Архитектура — это город, улица, дом, завод, школа, детский сад и ясли, театр, это родильный дом и больница, это парк и бульвар, это газон, дерево и цветы, это все, что окружает современного человека от рождения до конца.

Это настроение и подтянутость, это определенное

чувствование, ощущение себя в ритме жизни, это красота человека, в его одежде и внешнем облике, в его поведении и занятиях, в его отношении к окружающей природе и людям...

Рябинин. Город воспитывает, подтягивает — значит, он сам должен быть стройным и красивым, удобным и притягивающим, имеющим свой собственный облик, неповторимым и запоминающимся, тогда он выполняет свои функции.

Фишзон. ...К нам приезжают друзья из других городов, приезжают артисты гастролирующих театров — уж они-то много повидали городов. Бывают у нас и зарубежные гости. Как хочется поводить их по городу и с гордостью показать его, этот могучий город славной истории и трудовой славы, родину многих именитых людей и событий.

Миллионный город! Один из первого десятка крупнейших городов страны, столица «опорного края державы».

Такому городу должны быть присущи черты героической величавости облика, монументальной красоты и долговечности, он должен быть отмечен памятниками и памятными знаками истории, он должен иметь видимые перспективы и перспективы видовые. Как столица нашей Родины Москва становится образцовым городом для всей страны, так и Свердловск, несомненно, должен стать образцом для нашего обширного края, он этого достоин, и он это может.

Я очень люблю ходить пешком по городу. Не только по нашему городу. Я видел много городов у нас в Союзе и за рубежом. Видел города северные и южные, обычные города и столицы, города рабочие и праздничные, старинные, древние и совсем новые.

Люблю ходить по городу в разное время дня, вечером и ночью, наблюдая его состояние и суету людей и транспорта. Дома у меня может быть плохое настроение, а когда я хожу по городу, делаюсь подтянутее, у меня исправляется настроение, я живу в соответствующем ритме. Живое биение жизни: рабочий народ идет утром на большие заводы — это напоминает демонстрацию торжества труда; а потом

возвращение его после работы домой, по тем же главным трудовым направлениям...

Выйдите на набережные городских прудов и реки Исети, пройдите по городским бульварам и скверам, вы увидите блаженный восторг людей от окружающей природы и городского окружения. Это городская среда. Это та среда, где мы живем, трудимся, учимся, отдыхаем, где рождаются новые люди, где проявляются и расцветают молодые чувства, где по-разному складывается жизнь каждого из нас, где осуществляются мечты и досаждают порой неудачи, где не всегда принимают и понимают друг друга люди, и все это называется жизнь. Я люблю ходить по городу и наблюдать жизнь.

На моих наблюдениях лежит отпечаток не просто досужего наблюдения. По городу любят ходить многие. Это люди, которые умеют расширить круг своих интересов за рамки профессионализма и деловых отношений, за рамки семьи. Это интересные и заинтересованные люди, доброжелательные люди, они знают много о своем городе, о его истории и перспективах, они не только восторгаются виденным, но и досадуют по поводу неудач и нелепостей, нерадивости созидателей города и причастных к ним. Они радуются каждому новому свершению, каждому новому зданию.

Не знаю, как кого, а меня всегда очень трогает эта искренняя человеческая заинтересованность, стремление заглянуть в каждую клеточку жизни. Мне не раз приходилось встречать людей, простых людей, которые, узнав, что ты архитектор, начинали горячо, заинтересованно и, я бы сказал, с пониманием дела, пусть не профессионально, но каким-то шестым чувством, что ли, подсознательным чутьем угадывая основные требования времени, высказывать суждения, которые, право, могли бы украсить речь и пригодиться людям с дипломами...

Безусловно, это примета нашей эпохи — умное всезнайство народа. Впрочем, народ всегда знал много и многого хотел, только не всегда ему удавалось сделать так, как подсказывают ум и сердце.

Ум и сердце. Мне особо хотелось бы подчер-

кнуть это. Ум и сердце должны двигать каждое побуждение строителя, архитектора. Холодным рассудком не достигнешь больших высот. Я рад, что эта сторона моей профессии всегда волновала меня.

Чувствуешь себя выше, стройнее, богаче, чувствуешь гордость за человека, могучего и талантливого человека, и за себя — члена этого общества, где создаются подобные прекрасные вещи, где создается духовное счастье людей...

Я — архитектор и строю эти города, эта мысль наполняет меня гордостью.

По законам красоты

Город как экосистема

Когда человек друг

Город-сад, мечты и действительность

Есть ли место животным в городе?

Биологическая архитектура. Вы слышали о ней?

Город —
это не только люди...
Мы должны потесниться,
это в наших общих интересах;
впрочем, тесниться,
может быть, и не придется

Город и природа — звенья одной цепи.
И не надо думать, что
коль человек (люди) — венец всего,
то он может превосходно обойтись
без всего остального — птиц, деревьев,
цветов, зверюшек.
Роковое заблуждение!

Ты заботишься о природе, природа вознаграждает тебя

«Голубые города» — они возможны

Пешеград-2017

Такова суть диалога,
который ведут писатель Б. С. Рябинин
и член-корреспондент Академии
наук СССР директор Института экологии
растений и животных Уральского
научного центра АН СССР
В. Н. Большаков.

Город как экосистема

За столом Б. С. Рябинин и В. Н. Большаков.

Рябинин. Владимир Николаевич, вы — специалист по природе, если можно так сказать. Что хотелось бы услышать от вас?

Сейчас стало очень популярным выражение «среда обитания», и про города стали говорить, что это тоже «среда обитания», которую надо сделать такой, чтобы горожане не чувствовали себя в городских стенах как в каменном мешке; чтоб и природу приблизить, и для эстетических вкусов и для здоровья было хорошо и приятно. И тут у нас опять возникает пропасть всяких препятствий и сложностей. Когда разговариваешь с архитекторами, они всегда говорят, да, мы все понимаем, об этом думаем. Но порой видишь огорчительные вещи. Ваша точка зрения: как вы представляете сейчас положение с этой проблемой — я имею в виду урбанизацию, и в частности у нас в Свердловске? И что бы вы хотели сказать на этот счет с позиции биолога?

Большаков. В этом вопросе много аспектов.

Рябинин. Развивайте.

Большаков. Все применительно к человеку?

Рябинин. Потом приблизим и к другим существам.

Большаков. Наверное, никто не будет возражать против того, что человек без общения с природой жить не может. Это основной тезис. Чем больше города, тем больше происходит процесс урбанизации, тем дальше, в принципе, человек отходит от природы. Деревни и маленькие города находятся в этом смысле в более благоприятном положении, там процесс общения с природой гораздо больше, природа ближе. Так что разговор сейчас не о них. Речь идет о крупных городах, о городах-миллионерах, какими стали Свердловск, Челябинск.

В таких городах человек от природы далек, и я

думаю, что этим, в частности, и объясняется очень большое стремление жителей уезжать на природу — на дачу, в деревню и просто пойти в походы; развивается туризм. Это все выражение необходимого общения с природой. Причем даже не только потому, что нужен чистый воздух и вода, а из-за того, что элемент общения с природой — живительный аромат ее полей и лугов, шум леса, тихий говор речки, щебет птиц, ее эстетизм — вообще необходимы человеку. Но так как абсолютное большинство времени житель находится в городе, то надо признать, что город является средой обитания для человека. Это второй основной тезис, от которого мы никуда не уйдем.

Я прекрасно понимаю, что архитекторы и вообще любой из нас хочет видеть в самом городе участки той природы, с которой бы мог общаться человек — парки, деревья, слышать пение птиц, то есть необходимые элементы общения с природой человек хотел бы иметь и в городе. Но практически создать большие зеленые участки, такие же, как в «дикой» природе, в городе невозможно, в этом я твердо убежден. Во-первых, будем исходить из общетеоретического положения экологии: при антропогенном воздействии природный биоценоз* обедняется, виды животных и растений, которые приспособлены к узким рамкам среды, в условиях города просто жить не могут, и здесь мы ничем помочь не в силах. То есть в населенном пункте обязательно должно произойти обеднение природного биоценоза.

В условиях любого крупного города лучше разводить и растить из большого известного науке количества видов животных и растений лишь небольшое их число. Наш Ботанический сад, в частности, занимается этим...

Рябинин. Сейчас наблюдается такое явление — и газеты об этом сообщают, и в разговорах слышишь, и сам наблюдаешь,— что самые неожиданные виды животных появляются в городе. Например, я очень

* Биоценоз — однородный участок земной поверхности с определенным и взаимосвязанным составом живых существ, имеющий полный круговорот веществ, часть биосферы планеты. Город тоже «биоценоз»...

был удивлен, узнав, что в Москве живет филин. Птица чуткая, осторожная, никто ее не приручал, и вот прилетела и нашла подходящую «среду обитания». Вспоминаю много других случаев, которые происходили на Урале. Создается такое впечатление, что или дикая природа сжимается (а она действительно сжимается) и животные ищут для себя выход в другом месте, или около человека лучше прокормиться. Так или иначе, но мы наблюдаем подобные явления, и весьма часто. Это дает основания думать, что мы можем приблизить город к дикой природе.

Большаков. Сейчас делается довольно много исследований на тему: как и какие птицы приживаются в городах. Выясняется, что в городах живут главным образом птицы, которые довольно хорошо приспосабливаются и в «дикой» природе. Мы, экологи, называем их эврибионтами. А те виды, которые приспособлены к очень узким рамкам среды (стенобионты), в городе не выживают. Причем учеными получены в этом плане очень интересные данные.

При изучении птиц в городах, например, в средней полосе европейской части СССР, выяснилось, что основная плотность птиц в больших городах приходится на парки и кладбища, то есть на те участки, где сохраняются условия в той или иной степени близкие к природным. Численность птиц на таких участках колеблется от 10,5 до 25,5 пары на гектар, а в центре только от 2,3 до 6,4 пары на гектар. Причем количество видов птиц, которые гнездятся в лесу и в окраинных урочищах, в городе несравненно меньше. То есть далеко не все наши виды приспосабливаются к городу.

Рябинин. Кто в городе гнездует в первую очередь?

Большаков. Всем известный воробей, затем голуби сизые...

Рябинин. Это уже давние городские старожилы.

Большаков. ...черные стрижи, серая ворона, галка, грач, скворец, зяблик, горихвостка, мухоловка, большие синицы, дятлы, трясогузки, мохноногий сыч. Сошлюсь опять на данные Строкова. В Тамбове проводили исследования: в самом Тамбове зарегистрировано 38 видов птиц, в области — 231 вид, разрыв, как понимаете, довольно большой. Птицы действи-

тельно приспосабливаются к городу, гнездятся в подходящих местах, но видовой состав их резко обеднел. То же можно сказать и про растения. Количество видов растений, которые выживают в условиях города, значительно меньше, чем в лесу, сохраняются виды, которые экологически пластичны, виды с узкой экологической пластичностью не приспосабливаются, поэтому в городе даже, казалось бы, оставленные в неприкосновенности некоторые участки бывшего леса обеднены по сравнению с природными территориями.

Рябинин. А четвероногие?

Большаков. Тенденция та же самая, в общем в городе, особенно в парках, по берегам рек, встречаются почти все виды землероек, обитающие на Урале, а также многие виды грызунов, характерные для полей и лесов. Например, в Свердловске отмечено много полевок и других мышей. Известны заходы сусликов. Доцент Свердловского пединститута В. С. Некрасов обнаружил этого степного зверька в Парке культуры и отдыха имени Маяковского. В городе грызуны представлены по количеству видов достаточно хорошо.

Рябинин. А копытные?

Большаков. Копытные практически отсутствуют. Заходы лосей случайны, и лоси всегда погибают в городе.

Рябинин. Что их привлекает?

Большаков. Многим животным свойственны миграции, тенденция к расселению, причем у ряда видов животных существуют многолетние исторические пути миграции. По исследованиям в Ильменском заповеднике было установлено, что косули всегда мигрировали по определенному маршруту через заповедник и дальше, а сейчас там встал город Миасс, он точно перерезал пути расселения. Зачастую животных толкает к переселению инстинкт, нередко — недостаток корма. В голодные годы звери начинают передвигаться на большие расстояния в поисках пищи, идут и в города.

И наконец, часто в город попадают больные животные, у них из-за заболеваний, ранений, во-первых, инстинкт самосохранения значительно наруша-

ется, во-вторых, теряется способность к ориентации и т. д. К животным, которые больны или ранены, обычные мерки неприменимы.

Рябинин. С Украины сообщают: лоси идут на юг... Если у животного есть дом, оно обязательно возвращается туда. Что же, лоси утратили свой привычный, обжитой дом и ищут нового?

Недавно в Свердловске и Асбесте произошли два совсем невероятных случая. Звонят в редакцию: «У нас в Южном трамвайном депо лосенок гостит, приезжайте, сделайте снимок». Верно, «гостит». Рабочие рассказывают: «Пришел вчера, лег и сперва ни на что не реагировал, к хлебу, воде не притрагивается. Сегодня подвинули поближе — съел, ведро воды выпил. После поднялся, видно, силы прибавилось, прошел по депо, заглянул в цехи». Приехал ветеринар, осмотрел: здоровый зверь, видно, только выбился из сил. После его вывезли в лес и отпустили.

А второй случай и вовсе на диво. В центре Асбеста, в доме на улице Победы, 11, рано утром жильцов разбудил грохот. Одна из жилиц, на пятом этаже, выглянула: а там — лось. На лестничной площадке пятого этажа! Женщина сперва даже не разобралась, думала, лошадь, удивилась: «Ишь ты, чего удумали, лошадь наверх загнать!» Вышел мужчина: «Да это не лошадь, а лось самый настоящий!» Вызвали дежурного милиционера и общественного охотинспектора, незваного гостя осторожно связали бельевыми веревками, чтобы ненароком не покалечил кого-нибудь. Пришлось его спускать с пятого этажа на половиках (чтоб не зашибить). Потом смазали царапины йодом и доставили в лес, за поселок Черемшу. Ух, он припустил, только его и видели. А зачем приходил верхолаз?

А помните, на керамическом заводе долгое время жил раненый сохатый. Это недалеко от вашего института. Облюбовал себе местечко возле болотца, его там лечили, давали антибиотики, кормили. Школьники дежурили, чтоб кто-нибудь не обидел (где-то же рану он получил). Мне тогда звонили, просили поддержки Общества охраны природы; да там уж и так активно взялась общественность. Потом он исчез...

Большаков. Ну, лосей в городе мы разводить не будем.

Рябинин. Отчего бы не попробовать? Интересно... На зоопарки уже начинают смотреть как на некие резерваты, которые помогут сохранить некоторые виды животных. Делаются попытки превратить лося в домашнее животное.

Большаков. Хищные животные в городах встречаются: ласка, горностай. Известен в Москве случай, об этом Песков писал, когда волки жили чуть ли не в центре столицы, но я думаю, это гибриды волка и собаки, в Свердловске нам такие попадались. На окраинах городов, ближе к лесу, куниц отмечали неоднократно. Когда речь идет о животных в городе, то надо подчеркнуть, что все эти животные в городской черте распределяются очень неравномерно, как правило, на окраинах их побольше, есть в парках, на кладбищах, но никогда даже здесь они не достигнут такой высокой численности, как в диком состоянии.

Поэтому я думаю, что желание горожан и попытки архитекторов воссоздать в городе уголки природы, которые бы полностью соответствовали естественным, обречены на неудачу, то есть они будут очень сильно обеднены по сравнению с настоящей природой. Задача здесь другая: выяснить, какие виды растений, животных устойчивы и хорошо живут на урбанизированной территории.

Рябинин. И создать какие-то новые популяции?

Большаков. Да, вы правы, по существу новые популяции и природные системы для города.

Рябинин. Словом, насколько я понял, на сегодня создание зеленого облика города надо рассматривать как начало, посадки — далеко не все, это лишь первый этап, за которым должен последовать второй, преследующий более широкие цели, ставящий более сложную задачу, и именно этот второй этап должен окончательно сформировать «среду обитания» для человека и сопровождающих его существ, спутников и непременных слагаемых жизни. Не одни лишь деревца да кустарники... А надо подумать о создании экологической системы, то есть уже недостаточно, чтоб были цветы или деревья; надо, что-

бы и птаха обязательно была (тем более, что и она играет важную роль в круговороте вещей). И она будет себя лучше чувствовать, приближенная к природе, к той природе, которая ее создала... Пришвин говорил, что он не мыслит себе воздуха без птиц; надо, чтоб над сутью этих слов поразмыслили многие. Очевидно, настало время посмотреть на все это под новым углом зрения: как сделать, чтоб зеленые оазисы города стали домом для пернатых, населить их жителями. Вероятно, отсюда повышаются требования и к выбору сортов, подбору ассортимента растительности, и к характеру самих посадок.

Огорчает, что с некоторых пор стали замечаться какие-то новомодные веяния, которые не способствуют прогрессу в этой области, а в иных случаях даже сводят на нет достигнутое ранее. Что я имею в виду? А ту практику «облагораживания» зеленых насаждений, которой стали увлекаться за последнее время...

Немного из истории озеленения на Урале.

Пожалуй, теперь уж мало кто помнит — почти не осталось живых свидетелей, сколь скудным было зеленое убранство Екатеринбурга-Свердловска. А сравнить, право, было бы небезынтересно.

Архивные данные: «Город Свердловск не отличается обилием зеленых насаждений внутри селитебной части...» — отмечается в протоколе объединенного заседания Свердловского окрисполкома и горсовета от 5—6 июля 1927 года. Там же говорится о нужде в «установлении рационального паркового хозяйства в них» (т. е. на селитебных участках).

В другом документе: «В планировочно-архитектурном оформлении города весьма важно умелое распределение зеленых насаждений не только в смысле где, но и как. При этом дело заключается не только в ремесле садовника, но и в «садовой архитектуре» («садовая архитектура» взято в кавычки). В постановлении того времени упомянут «городской заповедник» (зелени?). И еще — о требованиях: делать, «...избегая сложной композиции небольших по площади зеленых насаждений и строго определяя роль их или чисто декоративную, или как место отдыха и игр, и выражая это и композиционно» (1927).

Отмечая бедность зеленого хозяйства старого Екатерин-

бурга, необходимо сделать одно исключение: сад нынешнего Дворца пионеров. Д. Владимирский о нем писал:

«Одним из исторически сложившихся парков города является парк Свердловского Дворца пионеров, или, как его называют старожилы, Харитоновский сад. Своеобразный историко-культурный памятник первой половины прошлого столетия, он возник вместе с комплексом бывшего Расторгуевско-Харитоновского дворца. И хотя его называли «Харитоновским», но юридически сад принадлежал городскому обществу.

Интересен документ, адресованный вольским купцом первой гильдии Львом Расторгуевым начальнику екатеринбургских заводов Фолькнеру. «Прошение: вблизи выстраиваемого мною для себя каменного дома за валом церкви Вознесения Господня есть пустопорожнее место, которое в городовом плане хотя назначено к застроению, но по причине низкого положения, а потом болотистого и самого топкого под домовое строение неудобно и от засорения и скопления в нем нечистот причиняет гнилостью воздуха в здоровье человеческом тягость, более ощутительную во время народного стечения в праздничные дни в состоящую близ сего места церковь...» Расторгуев просил начальство «предоставить ему это место с его на некотором расстоянии берегами впусте лежащее... в потомственное владение без взимания налогов». За это он обещал огородить его и «довести до того, что, наконец, не будет не только безобразить, но и составит приятный вид сада — украшение города...»

Расторгуеву предоставили просимый им участок сроком на 12 лет с условием уплаты за него 50 рублей в год в пользу городской богадельни. Но, сделав первый взнос, купец больше ничего не платил, задолжав в итоге городу 600 рублей. Отказались уплатить эту сумму после смерти Расторгуева и его наследники. Поэтому в 1826 году контора екатеринбургских горных заводов приказала управе благочиния (полиции) «означенное место иметь в своем владении».

Что же было к этому времени на упомянутом участке? Еще весной 1812 года Расторгуев сообщил управе благочиния, что «место уже значительно обработано под предполагаемое его строение». Более полное представление дает рапорт начальника екатеринбургских заводов Соболевского начальнику заводов хребта Уральского, датированный тридцатью годами позже: «По причине значительной крутизны в косогоре, пересекающем направление улицы с площади

от Вознесенской церкви, на севере улица эта закрыта в настоящее время, тут, как в неудобном к застроению домами месте, находится довольно обширный и хорошо расположенный английский сад, который есть почти единственный для общественного гулянья и красоты города, а потому и предполагается в новом проекте (плана) города сад оставить в настоящем положении, кроме той части его, которая расположена на месте, назначенном для площади Вознесенской церкви».

Из этого рапорта видно, что сад был единственным общественным в Екатеринбурге. О нем как достопримечательности города писали иностранные путешественники Актинсон, Эйрие и другие, посетившие город.

В восьмидесятых годах прошлого столетия этот сад нередко посещал писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк. В одном из зданий Харитоновского дворца помещалась редакция газеты «Урал». Об этом в своих воспоминаниях пишет краевед П. П. Славнин: «Я встретился с Дмитрием Наркисовичем в Екатеринбурге, в саду при доме Харитонова... Харитоновский сад был общественный. Вечерами там устраивались гулянья с музыкой и аттракционами. Были и театральные постановки гастролеров. Днем в саду гуляющих не было. Забегали иногда школьники... (Сам автор воспоминаний был в то время в их числе.— Д. В.). Смотрю, по саду шествует знакомая фигура уральского писателя с неразлучной трубкой в зубах». Известно, что в «Приваловских миллионах» Д. Н. Мамин-Сибиряк описал именно этот сад.

«Ансамбль Дворца пионеров,— читаем мы в другой публикации, посвященной этому прекрасному творению рук человеческих, унаследованному городом от прошлого,— является тем удивительным примером органического сочетания архитектуры с природой, который провозгласил классицизм XIX века, и поэтому эстетическая ценность этого сооружения неотделима от окружающей среды паркового комплекса, от форм малой архитектуры».

Зелень — это «малая архитектура».

С глубоким сожалением приходится заметить, что с ходом времени старый парк пришел в упадок; удар ему нанесло и строительство нового ТЮЗа — под стройку оттягали часть территории. Сад — равно как и Дворец — стал нуждаться в очень серьезных реставрационных работах...

Уже в 1921 году I Всероссийский съезд по оздоровлению населенных мест подчеркнул значение зелени. В постано-

влении съезда предлагалось выделить охранные зоны в городах, а также: свободные пространства и пустыри, не предназначенные под застройку, использовать под зеленые площади; окружающие города зеленые зоны сохранить, сделать заповедными, как одно из важнейших условий для оздоровления города *.

Первые в советское время посадки в городе были сделаны по улице Ленина (бывший Покровский бульвар) и на плотине Городского пруда. В 1926 году на бывшей Малаховской площади был заложен сад имени Энгельса, а в 1928-м — сквер у «Пассажа». Большого размаха достигли озеленительные работы в первой и второй пятилетках. Именно в эту пору была озеленена (посажены клены) Пушкинская улица, заложены скверы у здания обкома партии, у оперного театра, на площади Народной мести, озеленены набережная имени Горького, стадион «Динамо», на месте хлебного рынка появился дендрарий, оделся в зеленый наряд соцгород Уралмаша. За десять лет (1931—1941) было создано более ста зеленых массивов общей площадью около 400 гектаров. Можно сказать, что это был период великого энтузиазма в озеленении, массового участия населения в работах по благоустройству города. Тысячи и тысячи трудящихся, взрослых, подростков выходили на субботники и воскресники и прибирали, украшали родной город. С уважением произносилось имя Филиппова, одного из наиболее ревностных и знающих озеленителей Свердловска.

Минули десятилетия. Старания людские дали добрые всходы — зазеленел Свердловск. Зашумели свежей листвой деревья, весело цвели по весне акации — растение неприхотливое и неброское, но до чего же полезное и быстро растущее, пестрыми соцветиями тешили взоры куртины и клумбы. Успехи свердловчан в зеленом строительстве от-

---

* В те же годы выходят постановления о порядке пользования садами, бульварами, скверами («воспрещается: ходить в садах, скверах и на бульварах вне дорожек, сидеть или лежать на траве, ломать и портить деревья и кусты, мять и рвать траву, портить заборы, дорожки, скамейки... бросать окурки и всякий сор на дорожки, клумбы с цветами и траву и вообще причинять какими бы то ни было способами вред насаждениям...»), с указанием размеров штрафа, взимаемого с нарушителей. Странно, что в наши дни эти меры воздействия и воспитания почти перестали применяться. А как надо!

мечали посетившие город в разные годы Джавахарлал Неру, президент Сукарно, Фидель Кастро.

Новый, большой, широко распахнувший свои прямые улицы Свердловск, конечно, потребовал новых забот и крупных вложений. Город набирал силу. Но, странное дело, почему зелени в центре города почти не прибывает, а кой-где даже убывает, в местной печати в последние годы все чаще звучит тревожная нотка? В подходе к озеленению появился и день ото дня замечается сильнее перекос...

Правда, может быть, это поиски «нового лица» города? Но тогда откуда берутся заголовки: «Лес под пятой машин», «Садить-то садим, а рубить зачем?», «Стоит ли «открывать» улицы?», «А так ли это необходимо?», «Беды зеленого друга», «Друг без охраны», «Давайте посоветуемся»?..

«Процесс механизированного наступления на природу продолжается,— пишет руководитель лаборатории озеленения городов Академии коммунального хозяйства Е. Мамаева.— Вырастить в условиях Среднего Урала полноценные во всех отношениях деревья нелегко, для этого требуются большие затраты средств, труда и времени. Стоимость посадки одного дерева составляет около 50 рублей...» (И что же? Кого-то это остановило? Как бы не так!) «Особо большой ущерб наносят насаждениям строительные организации... Так, по требованиям ГОСТа разрешается копать траншеи и котлованы на расстоянии не менее 2,5 метра от ствола крупных деревьев и не ближе метра от кустарников. В крайних случаях представители отдела зеленого строительства разрешают прокладку коммуникаций с отступлением от стандарта, но при этом точно определяется срок, в течение которого обнаженные корни растений должны быть снова закрыты землей, тогда вред будет минимальный. Но вот в районе Уралмашзавода, на улице Кировградской от дома № 72 и далее, при подготовке основания дороги были испорчены корни деревьев... Обнаженные и обрезанные корни крупных вязов, липы, тополей и кленов не были засыпаны вновь в полагавшееся время и высохли». Увы, таких примеров много.

Претензии к строителям? Не только. Укор архитекторам и планировщикам: «...в последние годы стали разбивать сады и парки как-то странно: расстояния между деревьями метров десять, не меньше,— пишет другой озабоченный товарищ.— О тени в этих «зеленых насаждениях» не может

быть и речи. Не услышите вы здесь, конечно, и соловьиных переливов».

«Каменные плитки,— негодует третий,— не годятся для Свердловска не только потому, что раскаляются от летней жары. Зимой это хороший каток. Посмотрите, как люди обходят стороной сквер у гостиницы «Большой Урал». Пусть проектировщики заглянут туда в период гололеда и посмотрят, как люди делают круги между кустарниками, вместо того чтоб пройти прямо». Значит, из-за плиток вытаптывается зелень. Да, так.

Значит, погоня за внешним лоском? Да, есть и такое дело. Вот тут и создай необходимую «среду обитания»... Медикам-травматологам забота: сколько поломанных ног — кто считал?

«А так ли это необходимо?» — задают вопрос директор Свердловского филиала института Индустройпроект А. Марцинкевич и главный инженер К. Токман. Их тоже беспокоит «бетономания» и «асфальтомания», тенденция к уничтожению насаждений.

Многое выглядело бы совсем по-иному, если бы они проявляли больше внимания к живой природе. Они дают указания вырубать зелень под тем предлогом, что она якобы заслоняет здания от взоров прохожих.

«Новая волна «открытия фасадов» (уже речь о волнах!)... не выдерживает никакой критики,— пишет гражданка К. Поликарпова.— У нас в общем-то почти нечего открывать. Ведь наши дома не блещут красотой архитектуры, это в основном серый стандарт, который лучше прикрыть зеленью».

«Мы были до предела возмущены, когда узнали, что собираются пустить под топор сквер перед политехническим институтом будто бы для лучшего обозрения фасадов». Между прочим, написали студенты-строители УПИ. Переживают ребята.

«Нет продуманности,— жаловалась главный инженер Горзеленстроя Евгения Сергеевна Бычкова.— Сегодня садим — завтра выкапываем. Мы уже устали бороться. Только отрастим, радуемся — и долой. Уже не лежит сердце к этой работе... Скоро задохнемся, такая духота. В Москве сносят дома и разбивают газоны, скверы. У нас сносят зелень и заливают асфальтом».

«Во всем хозяйстве нашего города нет ничего более беззащитного, чем деревья»,— говорит журналист Э. Якубов-

ский. (Да, да, вот когда вспомнить бы практику 20—30-х годов, шкалу наказаний за пренебрежение к зелени, употребив ее не только по отношению к вольным гражданам, но и к проектировщикам, проявляющим неуважительное отношение к зелени, отбросившим один из важнейших принципов в искусстве возведения новых городов.)

Снос насаждений удручает, хочется напомнить о Ленинграде: вот где забота о зелени стала традицией. В блокаду ломали старые сараи, топили печи мебелью, но садов не тронули, ни одного дерева. Не было случая порубки! Командование Ленинградского фронта, когда требовалось в интересах обороны срубить несколько деревьев, обращалось за разрешением к городским властям...

«Будем справедливы,— написали «Известия»,— ведь иные проектировщики или строители, случается, без всякой производственной необходимости (или поленившись подумать) вклиниваются в посадки, не щадят скверики или садов. Обогнуть бы скверик, чуть под другим углом поставить дом — и, глядишь, город и новое здание приобрел, и зеленый островок сохранил. Можно понять людей, которые бьют во все колокола, спасают деревья, над которыми занесен бесстрастный клык бульдозера...»

Все так. И ведь эти посягательства происходят непрерывно. Право, невольно хочется задать вопрос: чувствуют ли себя наши архитекторы рожденными на нашей земле, помнят ли, чьи они сыновья? Или, может быть, им ближе ощущение пришельца с Луны, который склонен рассматривать и нашу планету такой же безжизненной и пустынной, как холодный, серебристый и всегда мертвенно-спокойный лик Селены...

Свердловчане сами не заметили, как пришли к такому положению, которое одна из уважаемых газет назвала **отсутствием всеобщей заинтересованности в сохранении зеленых насаждений.**

А ведь есть и другие примеры. В частности, образцовым можно считать отношение к зелени жителей Омска.

В Москве — уход за деревьями: сняли решетки, налили воды под корни, полная чаша, пей, дерево, не хочу! Граблями взрыхлили всю землю, очистили от мусора. И все это, между прочим, в районе, где ведутся обширные строительные работы.

В Киеве в 1958 году, сообщал корреспондент ТАСС, во время реконструкции гранитной «оправы» милого сердцу,

воспетого в сказаниях и легендах Славутича Днепра не пострадало ни одного каштана, хотя деревья оказались на проезжей части. Специалисты Киевзеленстроя впервые в практике произвели пересадку деревьев вместе с грунтом. Они украсили ансамбль главной площади украинской столицы, носящей имя Октябрьской революции. В 1978 году эти каштаны отметили своеобразный юбилей...

С того времени переезды взрослых деревьев на новые «места жительства» стали обычным делом.

В Ладзинае, новом жилом районе, выросшем в пригородной парковой зоне Вильнюса, сохранено 97 % естественной зелени. 97!

О традициях в области «зеленой архитектуры», о тщательном сбережении зелени немало поучительного говорил по радио главный архитектор Риги, столицы советской Латвии.

«Ни одного живого дерева мы не срубили»,— говорил управляющий Донецким областным ремонтно-строительным трестом зеленого строительства Виталий Тимофеевич Чернобривец. Не отсюда ли и успехи донецких озеленителей?

«Изумрудный убор города, в конце концов, делается для людей, а не для отчетов,— пишет в «Советском Крыму» И. Неяченко.— И если он обедняется, то ссылки на модную ландшафтную реконструкцию весьма сомнительны... Непомерное увлечение газонами, изрежения насаждений противоречат принципам охраны окружающей среды». В Ялте замеряли уровень загазованности воздуха. На автобусной остановке у площади Советской он равнялся 9 условным единицам; у газонов понижался всего на 2 единицы. На улице Киевской, у автобусного парка, приборы показали 13 единиц, а за небольшим зеленым барьером из кустарника, на расстоянии десяти метров, этот уровень понизился больше чем в два раза — до 6 единиц. То же на улице Московской. После реконструкции — расширения дорожек, просветления посадок — уровень загазованности и шума в квартирах увеличился. «Что же теперь делать жителям Московской,— спрашивала газета,— восхищаться официально вводимой «зеленой красотой» или все-таки возмущаться ухудшением условий жизни?»

Парадокс: вырубить все деревья и выполнить план по озеленению. Оказывается, возможно и такое!

Оказывается, и газоны тоже неспроста, страсть совсем не платоническая. Изреживать насаждения, превращая тенистые места в лужайки и газоны,— тоже выгодно: можно

быстрехонько наращивать объем работ, осваивать средства, перевыполняя плановые задания. Об этом, в частности, вынуждена была писать «Правда». Это уже не перекос, а вывих во вред природе и обществу.

«Транспортники рассчитали: нужно убрать зелень». Такую и подобные ей фразы слышишь часто. Транспортники — сила!

Уже повелось (ехидная присказка): лес рубят — парк будут сажать. Рядом с ней бытует другая: ничто не возводят так фундаментально, как воздушные замки.

«А почему бы не последовать доброму почину ленинградцев,— пишет писательница Белла Дижур,— которые, задумав разбить парк Победы, вырастили его на бывшем пустыре. И кто побывал там, знает: чудесный получился парк...»

Энгельс говорил, что города будущего должны сочетать городской комфорт с прелестями природы. «Деревья и люди принадлежат друг другу»,— сказал в наши дни первый среди лесоводов России Герой Социалистического Труда Петр Антипов.

По существующим в СССР градостроительным нормам половина территории города должна отводиться под зеленые насаждения, озеленение. Известен факт: в Москве только в течение одного года из-за неправильного ассортимента рекомендуемых к посадке пород и неудачного их размещения было возвращено Моспроекту на переработку триста проектов. Стоит задуматься, почему столица так строга в оценке действий проектантов и так печется об озеленении.

Свердловчанам повезло — у них под боком естественный лес, город — в кольце лесопарков. Лес еще недавно входил на городские улицы; да и сейчас новые районы вырастают среди натуральной зелени, в окружении «насаждений», которые никто не сажал — позаботилась сама матушка-природа. За последние годы в зеленой зоне проведено большое благоустройство: посыпаны песком дорожки, появилось много скамеек, устроенных в стиле старого доброго времени, из толстых распиленных лесин-горбылей.

Вот здесь, кажется, нет нужды создавать искусственно экологические обитаемые территории, их дарит сама уральская природа.

Туристов и отдыхающих горожан неизменно привлекают деревянные скульптуры, группы, ансамбли скульптур, в которые превращены старые, умершие и высохшие деревья. Это — вторая жизнь дерева.

Урал всегда славился своими умельцами. Нашлись искусники и в этом необычном жанре. Фантазии — простор: в Шувакишском лесопарке вы можете познакомиться с крокодилом Геной, Чебурашкой и семьей ежей; в Оброшинском лесопарке — с поляной Бабы Яги; тут же избушка на курьих ножках и страшный Змей-Горыныч, не страшный никому, даже самым маленьким. Особняком стоит лесопарк имени Лесоводов России. Здесь — подлинная история Урала в скульптурах.

Когда-то в незапамятные времена через Уральские (Рифейские) горы проходил древний торговый путь из Греции — на Алтай, в Прибайкалье и Центральную Азию. Историк Геродот упоминает об исседонах, живших здесь и торговавших золотом и мехами (отсюда, есть предположение, и название реки — Исеть). Об этом повествуют скульптуры, выполненные из хвойных кряжей. А тема комплекса — освобождение человека от власти суеверий. В создании его приняли участие преподаватели Уральского лесотехнического института (УЛТИ), творческую группу возглавил В. И. Чернов, все эскизы изготовил художник института В. Ф. Гаврилов. Поработали они на славу, есть что показать и чем гордиться.

Что ж, пожалуй, это тоже экология — скульптурная экология древнего мира, ареалы человеческих существований...

В 1966 году в Свердловске проходило первое совещание лесоводов Российской Федерации. После чего на плане Свердловска появился парк имени Лесоводов России. В закладке его участвовали представители всех краев и областей РСФСР, первое деревце посадил министр лесного хозяйства. С тех пор парк Лесоводов России — одно из самых посещаемых мест в окрестностях города. Здесь вы увидите большой скульптурный портрет П. П. Бажова, скульптуры на мотивы бажовских сказов.

Заметим, что Свердловск как обладатель редкого зеленого богатства, которое подарила ему природа, еще не чемпион. В Каменске-Уральском, третьем по величине городе Свердловской области (после Свердловска и Нижнего Тагила), прямо в городской черте 2000 га — лесопарковая зона. За последние годы город растянулся на 27 километров, это и хорошо, и плохо. Плохо, что приходится тянуть длинные коммуникации; а хорошо... воздух какой! а сколько птиц! Зона поделена на участки, и участки закреплены за разными заводами, они и заботятся о ее сохранении. Мало

того, на территории металлургического завода, например, выращены фруктовые сады, каждый цех опекает «свой» сад. Вступаешь на территорию завода, и не верится, что это завод... Воздух — не надышишься, свежайший, напоенный ароматом зелени.

— А сколько прилетает свиристелей, когда выпадет снег, а кормиться надо...— рассказывает главный энергетик, он же главное лицо, ответственное за охрану природы на заводе.— Красненькие, пузатенькие, на каждой ветке... прелесть! — Он говорит об этом с упоением. Вот так, наверное, и надо любить природу.

И верно, не случайно сразу за проходной вас встречает надпись на белом матовом плафоне (не увидеть невозможно): «На территории завода не курить». Одно вытекает из другого. Не случайно в городе ежегодно чуть ли не все школьники включаются в соревнование под названием «Не оставим без дворца ни синицы, ни скворца». Металлургический завод и Красногорская ТЭЦ бьются за то, чтоб ввести у себя безотходную технологию, и, кажется, близки к этому. Но вернемся в Свердловск.

Проявлять заботу о судьбе «зеленого ожерелья» — задача благородная и важная. На трамвае можно доехать до леса...— да об этом можно только мечтать! Между тем в цифрах-рапортах по озеленению стали постоянно фигурировать и лесопарковые площади. Так вышло, что в Свердловске на душу населения приходится чуть ли не 150 квадратных метров зелени; такого нет ни в одном городе мира.

Между тем состояние лесопарковой зоны сегодня тоже внушает серьезную тревогу. Этой проблеме «Вечерний Свердловск» посвящает большую статью «Кто губит лесопарки». Губят, наносят жестокий вред людская неразумность, свалки мусора; необходимы плановые подсадки, постоянный «ремонт» зеленых площадей.

Под защиту Зеленого Друга! Нужны правила паркам и строгое соблюдение этих правил — призывают защитники природы. И — как требование: БОЛЬШЕ ТЕНИСТЫХ САДОВ...

Когда утверждался генеральный план развития Свердловска, серьезной критике в высоких инстанциях он подвергся за то, что многие водные источники города слабо охраняются, предприятия сбрасывают неочищенные или плохо очищенные стоки. Брошенным подарком назвали жители озерко на улице Победы. Парк культуры и отдыха имени Мая-

ковского, кажется, единственный парк в стране без воды, настолько загрязнен там пруд. А ведь когда-то там была лодочная станция... А куда девалось славное озерцо с рогозом и лилиями при входе в парк? Архитекторы хотели засыпать прудок и в парке Дворца пионеров. Общественность отстояла (надолго ли?). Почему потерялась река Уктус? — такой вопрос задала группа ученых. До 20-х годов нынешняя улица 8-го Марта называлась Уктусской, и, верно, не случайно.

Нужны ли городу колодцы? Ответ может быть только один: нужны. Но пойди, найди их ныне. Не найдете. Между тем это все элементы, проще говоря, составные части здоровой «среды обитания», стоят в одном ряду с зеленью, деревьями, цветами, кустами, травами и бессловесным населением...

Про «оазисы в центре» пишет в «Уральском рабочем» член Всероссийского общества охраны природы Л. Щетников и приходит к выводу: многие скверы по ошибке носят такое название...

Чувства жителей и смысл происходящего довольно точно выразила свердловчанка Л. Мерцалова («Яблони или бетон?»):

Мы знаем — зелень украшает
И защищает города,
Но, к сожаленью, так бывает,
Что насажденья вырубают
И убирают иногда.

У входа Дома офицеров,
Взращен заботливой рукой,
Один из наших лучших скверов
Шумел зеленою листвой.

Шептались тополя когда-то...
И буйно яблони цвели,
По чьей-то воле экскаватор
Их с корнем вырвал из земли.

Теперь тенистой нет аллеи,
Кругом уложен здесь бетон
И яблонь цвет не забелеет,
Весенним цветом разметен.

Быть может, нравится кому-то
Геометрический бетон?
Но мне сдается почему-то,
Что сквера не заменит он.

Большаков. Когда заходит речь об озеленении города, это обязательно связывают с улучшением условий жизни людей: один тополь в среднем за сутки дает примерно столько кислорода в атмосферу, сколько необходимо для дыхания человеку. Проблема чистоты воздуха в городах в очень значительной степени зависит от нескольких факторов: от выброса предприятиями загрязняющих атмосферу веществ, от количества зеленых насаждений в городе и вокруг него и т. д. В условиях современных городов, при огромном количестве машин, предприятий, этим зеленым насаждениям в городских газонах, парках, «зеленым легким», как их называют, с очисткой воздуха не справиться. Зеленые насаждения смягчают шум, создают благоприятный микроклимат, но говорить всерьез, что они очищают воздух в городе — нельзя. Однако для эстетического, для душевного восприятия они необходимы. Когда цветы, зелень, это, конечно, приятно.

Рябинин. Они работу-то ведут, но слишком уж велика нагрузка, невпроворот...

Большаков. Чтобы зеленые насаждения играли роль легких городов, они должны быть достаточно большими по территории, а насадить просто деревья вдоль улиц — этого, конечно, недостаточно, хотя такие посадки, например, уменьшат несколько попадание пыли в дома. А если вокруг города широкое зеленое кольцо, большой лесопарк рядом, то это уже серьезный вклад в очищение воздуха, в улучшение условий жизни населения.

Из общей теории экологии известно, что экологические системы бывают устойчивыми только тогда, когда они сложны, то есть состоят из разных видов, группировок и т. д. и длительное время существуют. Тогда система легко переносит различные неблагоприятные воздействия. Если же система проста, образована очень ограниченным числом составляющих ее компонентов, то и к неблагоприятным факторам она очень восприимчива. А как я уже сказал, в условиях города экологические системы упрощаются.

Вот и вырисовывается задача — создать определенный тип системы, который был бы достаточно

сложным и устойчивым, с другой стороны, чтобы составляющие его компоненты были, каждый в отдельности, устойчивыми к условиям большого города.

Рябинин. Практические начинания уже есть?

Большаков. Могу сослаться на опыт Ботанического сада, который длительное время работал по созданию ассортимента растений для озеленения промплощадок, в частности медеплавильных предприятий. Были получены серьезные результаты. Они на ВДНХ демонстрировались — специально подобранные виды растений прекрасно растут даже в условиях медеплавильного производства.

Таким образом, если за дело взяться и выяснить, какие виды из дикой природы растут в городе, их вполне можно внедрять в культуру в любом крупном населенном пункте.

Рябинин. Что бы вы пожелали нашему Свердловску? Как вам видится будущее этой экологической системы Свердловска?

Большаков. Свердловск отличается тем, что вокруг него да и прямо в городе сохранились довольно большие зеленые участки — лесопарки. К сожалению, площади таких участков заметно уменьшаются. Мне хочется, чтобы эти лесопарки были настоящими эталонами живой природы.

Создавать какие-то новые природные участки в центре Свердловска — это практически бесполезное дело. У нас есть Ботанический сад, дендрологические парки, которые ведут многолетнюю большую работу, они в хорошем состоянии, но в них все виды растений искусственно насажены и требуют большого ухода. Надлежащий уход за громадными искусственными участками невозможно осуществить, ни людей, ни денег не хватит. А вот превратить лесопарки в устойчивую систему — это было бы хорошо.

Рябинин. Но мы наблюдаем, что эти лесопарки, эти зеленые острова все сужаются, тем более, что сосна рядом с человеком не живет. Давно ли в Чкаловском районе была большая оазисная зона!

Большаков. В Братске, например, где я был, какие большие участки сосновых лесов оставляли —

все гибнут. Дело в том, что в большом городе хвойные деревья вообще очень мало устойчивы. Хотя и сажают в городе серебристую ель, это на длительный срок бесполезно, она быстро гибнет. Сотрудники нашего института, в частности директор Ботанического сада С. А. Мамаев, доказывали, что на площади Советской Армии серебристую ель не нужно сажать. Придется постоянно елочки за городом где-то выращивать и переносить сюда.

Рябинин. А что бы вы сюда порекомендовали?

Большаков. Ивы, скажем, они достаточно декоративны и хорошо растут. Это с точки зрения эколога, а с точки зрения архитекторов серебристая елочка, конечно, очень смотрится.

Рябинин. Горожане обижаются: с одной стороны, столько сделано приятных дел, но, с другой, все стали заковывать в камень.

Большаков. Я искренне жалею скверик перед ОДО. Мне кажется, это как раз тот случай, о каких много пишут газеты, что непродуманно уничтожили зеленые насаждения. Зеленые насаждения часто мешают городу в смысле удобства уборки территории, движения транспорта, ограничивают видимость и т. д. Это все ясно. Но если думать о среде, в которой мы живем, то тут оказывается, что городу лучше иметь большие парки и скверы, чем большие бетонированные площади.

Когда мы берем такой пример, как Ладзинай, надо учитывать особенности региона потому, что где-то — например, на севере — возникают огромные проблемы выращивания зеленых насаждений, где-то этих проблем нет. Чем дальше к северу, тем сложнее вопросы создания устойчивых насаждений.

Рябинин. Надо, значит, больше думать над этим.

Большаков. Да, подходить к проблеме дифференцированно и средств больше вкладывать. В условиях Урала по сравнению с той же Прибалтикой гораздо больше для создания зеленых насаждений надо сил и денег и более продуманно подходить к ассортименту растений.

Рябинин. Я недавно побывал в городе Волжском. Оказывается, на левом берегу Волги за 20 лет — с 1958 года — вырос целый город — 200 тысяч на-

селения. Прямиком из Волгограда переехал плотину — и начинается другой город. Волжский. И вот что меня восхитило: его заложили одновременно с закладкой гидростанции и начали строить не времянками, а навечно. И первое, что было сделано,— заложен большой парк; и все улицы в проекте предусматривались обязательно зелеными. И смотришь — действительно зеленый город, город-сад, причем абсолютно современный. За озеленение получили диплом на ВДНХ. Город в степи, вокруг равнина, а тут пирамидальные тополя, осины... Строил Ф. Логинов, начальник Волгоградгидростроя; он же заложил город. Логинов поминается в книге Л. И. Брежнева «Возрождение». Здесь — памятник ему.

Большаков. Это город, который не имеет крупных предприятий, особенно с выбросом газов в атмосферу.

Рябинин. Да там тоже предприятия довольно солидные!

Большаков. Там, где крупные предприятия, промышленность, особенно металлургическая, с большим выбросом газов в атмосферу, такие города значительно труднее озеленять. Но, наверное, у нас в уральских городах этому еще достаточного внимания не уделяется.

Рябинин. Я не хотел свое мнение навязывать, но вы сами сказали. Поскольку у нас все гораздо сложнее, чем на юге, давно пора и архитекторам, и экологам в контакте работать и проектировать.

Большаков. Первые шаги в этом направлении есть. Вот директор института Свердловскгражданпроект прислал нам даже соответствующее письмо, чтобы мы приняли участие в перспективном проектировании городов. Наш Ботанический сад должен дать рекомендации по ассортименту растений, которые хорошо растут в условиях крупных городов, которые наиболее перспективны,— и травы, и кустарники, и деревья.

Рябинин. Кстати, как быть с лужайками, которые сейчас внедряются? Каково ваше отношение?

Большаков. Конечно, каждому приятно в ожидании автобуса сесть, посидеть, чтобы перед глазами

была лужайка, кустики и т. д., так что эстетическое значение это имеет, но существенного влияния в экологическом балансе города они не играют.

Рябинин. Чтобы закончить разговор о лужайках, зачитаю мнение специалиста-озеленителя: «Газон слишком трудоемок. Он требует чуть ли не идеально ровного участка, коммуникаций, поливочного водопровода, большого расхода воды, постоянного ухода, еженедельной стрижки. Родина газонов — аристократические замки Англии, с ее обилием дождей и туманов, с наличием излишней рабочей силы. А мы не настолько богаты. Цветник экономичнее газона» *.

А не слишком мы увлекаемся асфальтом?

Большаков. Смотря по тому, где асфальт. Если на улицах, где интенсивное движение, тогда я — за него. Плохо, когда машины застревают, люди месят грязь. Там, где движение, конечно, нужен асфальт. Кроме того, исследования показали, что, например, в парке культуры и отдыха если даже не будет асфальта, то при большом скоплении людей воздействие на почву настолько велико, что ее структура меняется быстро, растения после этого гибнут. А если есть дорожное покрытие, потоки людей направляются по определенным путям и сохраняются какие-то уголки с пористой почвой и растительностью.

Рябинин. А в национальных парках?

Большаков. Пешеходные дорожки должны быть заасфальтированы. Там, где нет четко указанных путей, люди идут где попало. Я понимаю, когда в парке побывает десять человек, то это не скажется, но когда пройдут тысячи, парк практически гибнет. Сейчас, при обсуждении проблемы национальных парков, предполагается при проектировании территорий, посещаемых туристами, обязательное проведение дорог. Это позволит поток людей направлять по какому-то руслу.

Рябинин. А надо ли столько асфальта, как около кинотеатра «Космос»?

---

* Правильность этого суждения подтверждается многими фактами. На улице Карла Либкнехта газон перекапывают и засевают каждый год, и все равно там зелени нет — до середины лета черная земля.

Большаков. Думаю, что нет. Надо было положить асфальт там, где идет масса людей от трамвая, а вся середина лучше бы смотрелась, если бы там была площадка с зеленью и цветами. Но это для строителей сложнее.

Рябинин. Мне приходилось беседовать с теми товарищами, которые участвовали в проектировании этого микрорайона, они доказывали, что так сделано на основании расчетов движения автотранспорта, но я отношусь к этому с некоторым скепсисом, там нет большого движения и никогда не будет.

Большаков. Тут надо подумать. Я вспоминаю, когда был в Японии, стране сверхиндустриальной, то обратил внимание, что, хотя, скажем, в Осаке движение транспорта колоссальное, но где только можно — у них там деревья, причем сделано так, что зелень не мешает движению транспорта. Все-таки в условиях города, если архитекторы захотят подумать, деревья и кустарники можно разместить без ущерба для транспорта, особенно в районах крупных зрелищных построек.

Рябинин. Проблема: как научить людей ходить, не вытаптывая зелень. В Англии, мне рассказывали, делают так: вспашут газон, потом посмотрят, где появятся дорожки, вот тут и сделают проходы. В топтании зелени часто повинны проектировщики. Думают: заставлю ходить так, как я хочу. Ан нет, не заставишь! Идут, где нравится, торопятся — прямиком. Сейчас все спешат...

Большаков. Каждый город надо «подать». Благоустройство — лицо города. Как строили в старину: старались, чтоб для глаза было радостно и для дела пригодно. Святая заповедь!

Рябинин. Мы начали с диалога: зелень — раз, птицы — два, но, к сожалению, нередко приходится наблюдать грустное явление. Меня поразило: есть сад Казанцева, бывший сад известного уральского мичуринца, ныне покойного, в прошлом одного из зачинателей мичуринского движения на Урале. По поводу сада был разговор с главным архитектором города: чтоб его сохранить как память о добрых делах хозяина. Договорились, что сад войдет в зеленый массив, проектируемый в этом районе. Главное ар-

хитектурное управление, архитектор города отнеслись к этому по-хорошему, вняли... и что же? Рядом живут люди, окна квартир выходят в сад, и, оказывается, им сыро... Какая сырость?!

Хорошие каменные дома. Свет не затеняют. Нет, людям это мешает. Как их заставить полюбить эту красоту? Радоваться должны!

Большаков. Это выше моего понимания, меня это тоже поражает.

Рябинин. Как-то стали делать ремонт в Железнодорожном районе, есть там поселок Семь Ключей, вдруг раздается телефонный звонок, плачущий голос: у нас там ласточки, дали команду в связи с ремонтом снести все гнезда. А была весна, во всех гнездах птенцы. Удалось оставить, жильцы включились. Но одновременно оказалось много и таких жителей, которые заявляли, что пищат, мешают спать.

Когда я утром открываю окно и слышу, что пищат, носятся стрижи, сердце наполняется радостным чувством.

Большаков. Единственно, что могу сказать: это уже из области воспитания любви к живому, к родной природе. На моей памяти великолепный был случай с птицами, который я с удовольствием вспоминаю, о нем писали в «Следопыте», в «Советской России». В июне внезапно выпал снег и на Верх-Исетскую электростанцию набились буквально тысячи стрижей, их на перелете застал снег. Рабочие позвонили к нам в институт — птицы гибнут! Мы целыми мешками и ящиками привезли этих стрижей в лабораторию, корма — насекомых — нет, кормить чем-то надо, больше суток по очереди глюкозой через пипетку кормили, вливали в клюв и практически всех спасли. И рабочие сами кормили, даже в цехе кормили. Там люди понимали, что это такое, здесь — не понимают.

Рябинин. Тут еще и атавизм работает, поскольку человек тысячи лет назад, не выходя из диких дебрей, жил за счет животного мира. Вспоминаю, года два назад приезжает девушка-журналистка из Первоуральска и говорит: мы хотели бы, чтобы вы прокомментировали такой факт. На новотрубный завод

пришел железнодорожный состав с бревнами, и средй них спрятался рысенок. Он пытался убежать. Но нашлись люди — убили, какой-то молодой товарищ, причем отнюдь не последний человек на заводе и в цехе. Он схватил лопату и лопатой пришиб этого котенка, мертвого схватил и с довольным видом примчался в фотографию, снялся на ковре — как же, победитель, триумфатор, снимайте... Эту фотографию привезли нам, а мы показали ее по телевидению. Что за инстинкт тут работает? Предположим, если бы рысь была взрослой, представляла бы опасность, а тут котенок.

Большаков. Тут действительно атавизм. В Сибири всегда считали, если строить деревню, надо вблизи вырубить лес, перед домом лес не оставляли, с животными человеку при освоении тайги приходилось воевать, про рысь и говорить нечего — хищник, значит — вредная, значит — бей!

Рябинин. А палисадники ставили, черемуху разводили.

Большаков. Недостаток нравственного, экологического воспитания в отношениях к природе еще имеет место.

Рябинин. Тут надо сообща действовать — и вам, составляя учебные пособия, наставления, не забывать, говорить об этом, а нашему брату чаще писать. Что сказал Леонид Леонов: если не дошло до сердца, до ума не дойдет. Мы уже говорили, необходимо, чтоб изменилось поведение человека. Почему «МАЗы на клумбах» (была и такая статья)? Да все потому же...

Кстати, воспитывать надо не только людей. Недавно на улице Чапаева, 14 жильцы наблюдали редкую сценку. На березе сидела сова, а вокруг с криком и гвалтом летали вороны. Не часто увидишь сову, а уж в городе — тем более... Сова сидела неподвижно и не обращала никакого внимания на карканье ворон, будто не слышала. Тогда одна из крикуний уселась на спину гостье, вскоре осмелели и другие, они все скопом набросились на сову. Кончилось тем, что она снялась с места и улетела. Каково, а? Ну, к воронам мы будем снисходительны. С людей спросу больше.

Большаков. За эту работу ведь взялись лет 10—15 тому назад. Долгое время говорили только о покорении природы, а это не способствовало делу охраны природы. Я думаю, что перспективы в этом отношении сейчас более радостны.

«Растения и животные, леса и горы, моря и ветры — весь мир вокруг говорит с нами, но мы, горожане, уже почти не слышим его голос. Каждый день нашей жизни одет каменными стенами. Быстрые машины мчат нас по городу, а за окнами мелькают ряды подстриженных деревьев. Задымленные пылью, они старательно и скромно выполняют функцию озеленения. Почти каждый может объяснить: «Что же делать, мы живем в век техники и... так далее». Однако эти объяснения не утешают. ...Город не был бы городом, если бы в нем не жили воробей, ворона, голубь и стриж...

...Жители больших городов отлучены от природы... вернуть утраченное ощущение полноты жизни.

...Нельзя воспитывать чувство патриотизма, гуманности, душевной красоты, не привив с раннего детства ребенку любви к природе, ко всему живому».

Б. Г. ДОЛИН, кинорежиссер

...В этих детях — ваша сила,
И господь их сохрани!
Лишь бы будущее было
Столь прекрасным, как они...

Александр НИКОЛАЕВ

«...Только тут понимаешь, как может быть счастлив человек и как безнадежно он несчастлив, лишенный земли, воды, леса — всей отрады вечной красоты и благодати невыдуманной жизни».

В. БИАНКИ

Как в смирительную рубашку,
Мы природу берем в бетон.

Сергей ЕСЕНИН

(Уже в его дни, в двадцатые годы, стояла эта проблема. Уже тогда он обратил внимание на «перегиб» в этой области человеческой деятельности. Провидящий дар! Что бы он сказал сейчас, спустя полвека, увидев замурованные в бетон и асфальт обиталища человеческой плоти и духа — новые «урбанизированные» города?)

«Я никогда не перестаю удивляться природе. И этот мой восторг перед солнцем и весной, перед цветущим абрикосовым деревом и величием гор-исполинов я пытаюсь изобразить на холсте...»

Мартирос САРЬЯН, народный художник СССР

Приро́да... Она успокаивает и вдохновляет. Можно часами сидеть и слушать шум моря. А вслушивались ли вы, как шумит лес? А как перекликаются птицы? Кричит изюбр? Это — голоса природы, великой, целительной, прекрасной.

Так же как и Дарелл, я всей душой мечтаю, чтобы люди чувствовали себя в долгу перед природой. (Кто сказал? Разве это так важно... Важно, что сказано правильно.)

От любви к природе восходит любовь к Родине.

...И зарисовка с натуры. Там, где об этом забыли: БЕЛКИНЫ СЛЕЗЫ. Рассказывает директор школы № 17 (Свердловск) Л. Голубев:

«В укромных уголках Центрального парка культуры и отдыха имени Маяковского нашли приют многие птицы, зверюшки. Рассказывают, что сюда не раз захаживали даже лоси.

Как-то недалеко от детской железной дороги я заприметил двух рыженьких белок. С характерным «цоканьем» они стремительно носились по кронам высоких сосен. На косогор выбежали запыхавшиеся мальчишки. В руках — резиновые рогатки.

Пришлось ребят строго пожурить.

— А белок-то здесь много,— сказал вихрастый мальчишка.— В прошлый раз ребята даже с собакой промышляли. Убили, говорят, одну.

Не хотелось в это верить. Не хотелось, чтобы и эти мальчишки стали «охотниками-промысловиками». Мы долго разговаривали в парке о животных. По-моему, мне удалось их убедить.

Шло время. Я много раз навещал это укромное местечко. Хотел приручить белок. Сначала они были боязливы, осторожны. Только через некоторое время, когда ударили холода, белки подружились со мной. Как-то рассыпал на пенек кедровые орешки — белки тут как тут. Не только пощелкали, но и за щечки про запас заложили. Но однажды ни на орешки, ни на сухие грибы мои знакомые не появились. Куда запропастились красавицы? И вдруг увидел на снегу застывшую кровь...

Потом на большом суку, подернутом голубоватым мхом, разглядел прижавшуюся к стволу одинокую белку. Она была жива, но на мои приглашения не реагировала. Мне показалось, что она плачет. Ведь у нее отняли друга...»

. . . . . .

А это уже из области сатиры и юмора, ядовитой сатиры, невеселого юмора (из отдела «Рога и копыта» — «ЛГ»).

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ! После реконструкции открылась пещера, где жил первобытный человек. Хорошо поработали строители! Паркетный пол, броские обои, ажурные бра, белоснежный потолок и вежливые официантки привлекают в пещеру много посетителей.

Рябинин. Как вы посмотрите на то, если везде будут паркетные полы, броские обои и — ни былинки, ни животинки?

Большаков. Всему свое место и своя мера. Могу сказать одно: экология может обойтись без этого. Человеку это нужно. Вероятно, никто не откажется от хорошей благоустроенной квартиры, в том числе и мы с вами.

Рябинин. Надо полагать. Но мне нужно, кроме того, чтоб в окна доносился... не надрывный рев моторов, и не отвратительная трескотня мотоцикла с одуревшим седоком, готовым разбить голову себе и другим, и не хрип и нечленораздельные взвои чьего-то транзистора, нет... а тихий шелест листвы и голоса птиц. И очень, очень хочу, чтоб каждый житель моего города был добр сердцем и понимал эту красоту. Мы оба хотим этого.

Большаков. Кто создает шум и лишает себя и других покоя? Человек!

Рябинин. Кстати, как вы относитесь к такому вопросу: нужен ли двор? Многие не одобряют неуме-

ренное увлечение снесением решеток, оград. За короткий срок во многих местах, где сняли ограждения, зелень приобрела жалкий вид, в других — совсем исчезла. Всему свое. Прежде чем снимать, надо научить людей, как вести себя. Нужен ли двор? Я считаю: очень часто он необходим. Дворики даже украшают, несут определенный уют и функциональную нагрузку. В Индии кашмирский дворик — прелесть. Небольшой фонтан, прохлада, где можно посидеть, отдохнуть и отдаться течению своих мыслей. Почему все превращать в улицу?

Большаков. Двор был неотъемлемой принадлежностью русской избы, усадьбы.

Рябинин. Известен случай с американским профессором. Он перестал читать лекции, потерял память. У себя на вилле он создал искусственные условия — в воздух добавил 1 % кислорода; тишина и кислород сделали свое дело — через год он вернулся к нормальной деятельности. Человек выздоровел.

Тишина... О, целебные тишина и чистый воздух! Многие спрашивают: существует ли научно обоснованная система посадки зеленых насаждений не только для красоты, но и для защиты жилых кварталов от уличного шума? («С мнением медиков,— говорит врач свердловчанка И. Савельева,— почти не считаются, когда решают построить жилой дом рядом с заводским цехом или детский сад возле магистральной шоссейной дороги».)

Проектирование тишины — вот чем должны заняться специалисты надолго и всерьез. Расположение домов, их конструкция, планировка, зелень — тут все имеет значение.

Говоря о доброкачественной среде обитания, мы обязаны позаботиться, точнее, предусмотреть, как избежать шумового загрязнения. Речь — об **акустической экологии,** ибо отсутствие тишины наносит вред не одному человеку. Звери и птицы (и даже растения, да, да!) страдают от этого ничуть не меньше.

(Типичная сценка — рассказывал рабочий: «Любопытное явление можно наблюдать на нашей Крымской улице поселка Рудник. Возвращаясь с работы, мы видим, как стаи птиц, залетев случайно на улицу, дружно разлетаются в разные стороны. Долго мы не могли понять, в чем дело. Думали, микроклимат какой-то у нас особенный. Оказалось,

ничего подобного. Просто на столбе возле нашего клуба висит мощнейший громкоговоритель, по которому усердные культработники с утра до вечера транслируют музыку. И орет он так, что даже птицы шарахаются.

«Сатана там правит бал, там правит бал!» — несется по поселку. Ну мы-то кое-как еще терпим, потому что привыкли все же на работе к шуму экскаваторов, бульдозеров, тракторов. А вот некоторые слабонервные не выдерживают.

— Никакого спасения от непрерывной какофонии! — говорят они. И рвутся на столб влезть, чтобы с динамиком рассчитаться.

Пробовали мы жаловаться, просили убрать громкоговоритель. Убеждали, что и без того у нас в каждом доме телевизор, радио. Шуму хватает. Никакого впечатления...»)

«Курьер ЮНЕСКО» посвящает специальный номер исследованию современной звуковой среды. Впервые он употребляет выражение — звуковой ландшафт. Конечно, в центре внимания не звери и птицы, не растения или насекомые. Человек. Его неразумность, неосторожность, которые оборачиваются против него же.

Шумы и звуки, пишет журнал, несомненно, такая же неотъемлемая часть человеческой жизни, как краски и формы, хотя современный мир звуков очень отличается от звучаний, известных нашим предкам. Мы оказались сегодня перед лицом акустического кризиса...

Причины? «Та самая техника, которая открыла для современного музыкального творчества небывалые звуковые возможности, одновременно угрожает нашей способности слышать, оставаться восприимчивыми к звуку». Результаты: провалы памяти, нервное перевозбуждение, иногда шок. В физиологическом плане — усиленное выделение адреналина, получившего название гормона нападения или бегства. Показательная справка: в племени маба, живущем в Судане, в тихом акустическом окружении, почти не бывает случаев ухудшения слуха в связи с возрастом...

«Пришло время,— заключает журнал,— повести борьбу за акустическое качество жизни, за акустическую экологию».

Речь не только об уличном шуме. Фундаментальное исследование провели студенты кафедры коммунальной гигиены Свердловского медицинского института под руководством своих педагогов. Слово им:

— За последние десять лет* уровень шума во всех крупных городах увеличился на 10—12 децибелл, а субъективные ощущения — в три-четыре раза, причем имеется тенденция к постоянному росту. С середины 60-х годов среди зарубежных социологов появился интерес к так называемому «музыкальному» шуму, который сопровождает выступления оркестров и вокально-инструментальных ансамблей. Этот интерес объясняется прежде всего высоким уровнем шума на концертах. Некоторые популярные зарубежные ансамбли имеют усиливающую электронную аппаратуру мощностью 3 тысячи и более ватт, которая является источником сверхгромкого импульсного шума широкого частотного диапазона. В зарубежной литературе приводились данные, что уровни звучания современных музыкальных групп достигают 120—130 дБ. Отечественные ансамбли имеют импортную электронную аппаратуру значительной мощности — 250—350 дБ. Учитывая высокую популярность этого жанра, хочется знать: а какое физиологическое влияние оказывает такая музыка на зрителя?

Мы просмотрели большое количество отечественной литературы, но данных по интересующему нас вопросу не нашли. Очевидно, у нас в стране такие исследования не проводились. Поэтому мы поставили целью своей работы определение уровней музыкального шума в концертных залах и влияния его на организм зрителей. Наша работа проводилась в концертных залах кинотеатра «Космос», Дворца спорта профсоюзов, ДК имени 50-летия Октября. При выступлении популярных музыкальных коллективов, таких, как ВИА «Песняры», эстрадный оркестр под управлением Лундстрема, ВИА «Верные друзья» во главе с Ободзинским.

Перед нами стояло три задачи:

Определение уровня шума в различных точках концертных залов.

Выявление физиологических сдвигов, происходящих у зрителей под влиянием данных уровней звучания.

Опрос зрителей с целью выявления их субъективных ощущений.

Уровни шума замерялись шумометром Ш-63 в ходе исполнения музыкального произведения в течение 1—2 минут

---

* Исследование проводилось в 1977 году.

через трех-четырехминутные паузы. Замеры проводились в первых рядах, в середине, в последних рядах зрительного зала и на балконе. Влияние музыкального шума на зрителей мы определяли двумя методами: путем опроса о субъективных ощущениях по специально разработанным анкетам и физиологическим исследованиям. Анкетированием было охвачено 165 человек. Тональная аудиометрия, или определение порога слуховой чувствительности, проводилась польским аудиометром «Эльза-64». Умственная работоспособность и внимание определялись с помощью таблиц Анфимова.

Из 165 опрошенных только 24 % определили громкость звучания ансамблей как нормальную, 24 — как громкую, 14 — как очень громкую и 38 % — как чрезмерно громкую, оглушающую, то есть 76 % зрителей жалуются на повышенную громкость.

В своих пожеланиях зрители указывали на необходимость снижения уровня громкости и некачественное исполнение музыкальных произведений, а точнее на несбалансированность уровней звучания отдельных инструментов, групп инструментов и певцов. При всех обследованиях отмечены изменения порога слуховой чувствительности. У 9 человек незначительные, а у 10 человек — стойкое и длительное. Это свидетельствует о значительном утомлении слухового аппарата.

Результаты исследования скрытого времени реакции: у двух человек время реакции практически не изменилось, у 11 человек изменилось от 5 до 20 %, и у 5 человек — увеличилось от 21 до 40 %. Результаты корректурного теста: показатель внимания у 4 человек повысился или не изменился, у 8 человек снизился от 5 до 40 %, у 5 человек — от 40 до 80 %.

Еще один вывод: с увеличением возраста увеличилось и число жалоб на высокий уровень шума...

Большаков. Вернемся к животным...

Рябинин. Вернемся. Мне представляется весьма многозначительным заявление известного биолога К. Фабри, позвольте процитировать, хотя вы, конечно, это знаете: «Особое значение познание поведения животных приобретает для решения одной из самых важных и безотлагательных задач, стоящих перед человечеством,— проблемы защиты окружаю-

щей среды. Многие животные изменением своего поведения четко реагируют на начальные стадии опасного для организма загрязнения среды... Знание и своевременный учет таких изменений позволяют заблаговременно принять необходимые меры. Аналогичным образом животные оповещают нас о предстоящих метеорологических изменениях и природных катастрофах». И вот непосредственно к нашему разговору: «Не менее актуальный вопрос, также непосредственно связанный с изменением среды,— это урбанизация диких животных. Глубокие преобразования природы... лишают многих диких животных необходимых условий существования. Для таких животных, прежде всего птиц и млекопитающих, остается лишь одно спасение от вымирания — сближение с человеком, поселение в культурном ландшафте, в населенных пунктах, **даже в больших городах.** (Подчеркнуто мною.— **Б. Р.**) Решается же эта труднейшая для животных задача за счет серьезных изменений в их поведении, и в частности, в их отношении к человеку...» Но надо, чтоб изменилось и поведение человека, не правда ли?

Большаков. Следует очень четко сказать, что не все дикие животные, которые могут жить в городе, для города приемлемы. Известно, что многие виды грызунов — хранители и переносчики ряда заболеваний, и с ними необходимо бороться. Я уже не говорю про серую крысу и домовую мышь, серьезнейших вредителей городского хозяйства... Но бывают случаи, что ребята не знают животных, путают и пытаются топтать землеройку, которая полезна — уничтожает много вредных насекомых. Надо радоваться, когда в парке, в саду землеройка заводится, а ее бьют как вредителя.

Рябинин. Вот тут и нужна кошка, а еще крысолов-фокстерьер, неустрашимое создание, но — с характером!

Прелестные и полезные создания — ежи...

Большаков. Да. Но опять недостаток биологического воспитания. Мне довольно много с этим приходилось иметь дела. Сейчас биологи много пишут о природе, большим успехом пользуются передачи «В мире животных», «Чудеса живой природы», лю-

ди читают и смотрят, и что-то производит на них впечатление. Но пока этого еще недостаточно.

Рябинин. Может быть, если все устроить так, как надо, то что-то или, вернее, кто-то, придя в город, потом вернется из города в дикую природу?

Большаков. В этом отношении ваш оптимизм не разделяю. Город не может быть рассадником для диких животных. Основной рассадник их — это заповедники, заказники. Я опять же не касаюсь видов, которые обитают только в условиях близости человеческого жилья: серые крысы, воробьи, тараканы, клопы.

Рябинин. Этих можно и не опекать. Только я не стал бы воробьишку ставить в один ряд с крысами и клопами.

Большаков. Но все они обладают определенным генофондом, и полностью их уничтожать нельзя.

Рябинин. Так же, как разные сорняки, говорят, надо сохранять, если, конечно, они не на пшеничном поле.

Большаков. Совершенно верно.

Рябинин. Мне бы хотелось сказать несколько слов о домашних животных, наших тысячелетних друзьях. Видимо, человеку надо иметь в виду не только экологическую систему, тут вопрос еще и человеческой разумности. Скажем, та же собака, издревле заслужившая прозвание первого друга. Сейчас у нас появились целые своры, популяции бродячих бездомных собак. Повинны в этом люди. Опять вопрос воспитания: чтобы не разбрасывали животных. В конечном счете это работает против человеческой нравственности. Проходить мимо этого нельзя.

Может быть, я сейчас вторгаюсь в вашу сферу...

Большаков. Это ничего. Мы с вами союзники.

Рябинин. Может создаться впечатление, что мы заботимся о животных как таковых только ради них самих (хотя они безусловно заслуживают этого). Вопрос серьезнее: это нужно человеку, горожанину — особенно, вдвойне, втройне.

Журнал «Здоровье мира», орган Всемирной организации здравоохранения, в специальном номере, выпущенном под грифом «Животные и человек» (1978, № 8), подчеркивает ту мысль, что человек всег-

да держал животных как друзей-спутников, а недавно этих животных стали использовать в целях психотерапии. Собака, отмечает журнал, когда-то была рабочим животным, а теперь стала как бы членом человеческой семьи, нередко скрашивая людям одиночество и вообще одаривая нас теплом и лаской.

Большаков. Академик Станислав Семенович Шварц также не раз подчеркивал, что деревья, зелень, а в равной степени милое ласковое существо — крайне необходимый элемент нервно-психической среды, влияющий на наше настроение, а значит, и на здоровье, работоспособность.

Сделаем еще одно отступление (нужно!).

Целая подборка информации мировой и советской печати.

Если приглядеться повнимательней, то можно обнаружить любопытную тенденцию: человеческие индивидуумы все больше и больше стремятся заключить себя в замкнутое пространство.

В самом деле. Посмотрите, как резко увеличилось за последние годы число различных подземных сооружений, не говоря о тоннелях и метрополитене. Под землей строятся комплексы с выставочными залами, ресторанами, магазинами, гаражами, складами. Человек все меньше и меньше находится на открытом (хотелось бы сказать, свежем) воздухе. Уже всерьез поговаривают о заполярных городах под прозрачными колпаками. Передвигаться на своих двоих, за исключением малой толики чудаков, бегающих трусцой «от инфаркта», мы почти разучились. Путешествия наши, как правило, опять же совершаются в замкнутом пространстве автомобиля, самолета или вагона. Эта фатальная тяга к отгораживанию себя от внешнего мира (назовем ее «феномен капсулы») в наше время достигла апогея («Химия и жизнь»).

И может, поэтому, вырвавшись на природу, на волю, человек начинает творить черт-те что, чего не делали предки: рубит, крушит деревья, оглушая ревом транзистора — проклятием нашего времени, распугивает лесных обитателей, бьет бутылки и забрасывает всю округу осколками стеклянной тары. Да еще, случается, оставляет после себя незатушенный костер, позволяя натворить бед «красному петуху». Это называется — «отдохнул»!

Сомнительные радости искусственного климата... Человек чувствует себя как бы под стеклянным колпаком. По мнению венского психолога профессора Макса Пикерека, долговременное пребывание в условиях искусственного климата оказывает на человека отупляющее воздействие, приводит в некоторых случаях к неврозам и фобиям. В течение двух лет Пикерек наблюдал за двумя тысячами человек. У людей, работающих в условиях искусственного климата, он зафиксировал недостаточную внимательность, забывчивость, апатию, депрессивные настроения, боязнь замкнутого пространства и повышенную агрессивность, особенно у впечатлительных и замкнутых индивидуумов, причем у женщин это выражалось резче, чем у мужчин.

Сегодня специалисты все больше зыдумываются: а нужны ли вообще установки для кондиционирования воздуха? «Перед архитекторами поставлены требования проектировать лучшую теплозащиту, более толстые стены и меньшие по размерам окна. Когда такие здания будут построены, мы сможем, как правило, обходиться без кондиционеров»,— говорит доктор Херберт Эм («За рубежом»).

КОШКИ БРОДЯТ ПО КАБИНЕТАМ... Целые заросли цветущих растений, аквариумы с золотыми рыбками, попугаи и канарейки в клетках. А среди всего этого буйства природы — рабочие столы 1 000 сотрудников голландской страховой фирмы «Централь Бехеер». Так выглядят помещения в новом здании фирмы, построенном в 100 километрах от шумного Амстердама в маленьком голландском городке Аппельдорне. Цветы, попугаи, канарейки, кошки и собаки, которые бродят по кабинетам,— все это не только не отвлекает сотрудников от работы, а напротив, как показали наблюдения, стимулируют труд, ликвидирует усталость. Пока это оригинальный эксперимент, но не исключено, что он себя оправдает, отметила австрийская газета «Прессе» («Труд»).

Человеку полезно ощутить себя частицей живой природы, хотя бы в обеденный перерыв.

У МИКРОФОНА ПТИЦЫ. На ветвях деревьев, окружающих площадку у сочинской библиотеки имени А. С. Пушкина, недавно установлены репродукторы, из которых звучат голоса певчих птиц. «Соло» соловьев, дроздов, зябликов, кукушек и прочих пернатых записаны на диск, который крутится в здании библиотеки. Устроили это работники организации «Сочисвет». Любопытно, что к пению радио-

дроздов и радиозябликов присоединяются и «натуральные» голоса пернатых обитателей сочинских парков, которые стали сюда слетаться, словно на фестиваль... (С. Быковский).

«ПТИЧЬЕ ЦАРСТВО» КИРГИЗСКОЙ СТОЛИЦЫ. Фрунзе. Несколько ушастых сов с Тянь-Шаня облюбовали местом обитания деревья прямо возле домов в киргизской столице, как и 148 видов других птиц. Сады, скверы и даже центральные улицы-аллеи Фрунзе особенно по утрам оглашаются разноголосым гомоном птичьего царства. Словно в лесу, здесь можно услышать кукушку, увидеть скачущих белых трясогузок, порхающих чибисов, голубых зимородков, хохлатых жаворонков, египетских горлиц... Новыми обитателями стали стаи больших синиц, завезенных из Сибири.

Такое на редкость обильное пернатое население в крупном современном городе ученые объясняют интенсивным озеленением. Почти половину территории Фрунзе занимают деревья и газоны (ТАСС).

И ШУМ БЕРЕЗ, И ПЕНЬЕ СОЛОВЬЯ. В комнате — мягкий неназойливый свет. На стенах — цветные слайды с изображением реки, цветов, берез. Звучит тихая музыка, слышен шум деревьев, пение птиц. Посетители сидят в удобных креслах. И кажется, что уже давно сидишь в лесу, глядя в безоблачное небо, и чувствуешь, как проходит усталость и напряжение. Но постепенно музыка становится торжественнее, громче, свет постепенно усиливается...

Всего десять минут наедине с природой, но эти минуты поистине волшебные. Специалисты, поставившие интересный психологический опыт на одесском заводе Стройгидравлика, определили, что после такого сеанса у рабочих повышается работоспособность, реакция, внимание, а производительность труда возрастает в среднем на восемь процентов. Комната психологической разгрузки демонстрируется на тематической выставке «Охрана труда — 75» на ВДНХ СССР (ТАСС).

Сколько птиц живет в Свердловске, как регулировать их видовой состав, что сделать для привлечения в город полезных пернатых? Получить научно обоснованные ответы на эти вопросы решили студенты Свердловского государственного педагогического института под руководством декана географо-биологического факультета, доцента кафедры зоологии Е. С. Некрасова. Определенный участок города разбили на маршруты, по которым регулярно проходит наблюдатель, фиксирующий пролеты, прилет и гнездование птиц.

Ныне исследуется территория, ограниченная улицами Белинского, 8 Марта, плотиной Городского пруда и аэропортом Уктус. Здесь протекает Исеть, сохранились кварталы старой, деревянной застройки с фруктовыми садами, есть скверы и парки, а также современные многоэтажные дома.

Хотя работы ведутся только второй год, но уже и по имеющимся результатам в сопоставлении их с наблюдениями прошлых лет можно сделать некоторые выводы. На исследуемом участке гнездится лишь около 30 видов. С наших улиц исчезают соловьи, славки, пеночки, каменки, мухоловки, стрижи и даже большие синицы. Зато постоянно прописались сороки, ранее не гнездившиеся в городе. Много стало ворон, галок. Перед этими хищницами совсем беззащитны мелкие птицы, сооружающие гнезда на земле. Другими опасными врагами мелких птиц являются одичалые кошки.

Заметно уменьшается птичье население в связи с ликвидацией кустарников в скверах и парках, которые стали светлыми, шумными, не имеют зон покоя («Вечерний Свердловск»).

А улей в подоконнике вас не интересует? Рассказывает пенсионерка Агафья Семеновна Терехина. Она, почитай что с основания Уралмаша, живет в доме № 46 по улице Стахановской, на третьем этаже. Дом каркасно-засыпной: таких уж осталось мало. Как-то глянула она за окно, привлек внимание легкий шум, и ахнула: шмели! Да нет, не просто так — прилетают и улетают с определенными промежутками: в подоконнике у них улей, гнездо. Если заблудится какой, залетит невзначай в соседнее окно, вернется тут же — и юрк опять в свое обжитое место.

И вот так уже несколько лет... Раньше вроде пчелы жили, да, верно, вытеснили их шмели. Осенью и зимой тихо, в подоконнике — никакой жизни; а как обогрело, пришла весна — снова, слышь, шумок в старом гнезде-подоконнике: прилетели шмели...

Ну и в заключение как известный вывод — итог поисков человека в этой области. Появилось и все более входит в жизнь понятие — биотектура. Биология и архитектура. Две, казалось бы, таких разных науки, идущих бок о бок в прогрессе цивилизации наших дней, составляющих единое целое.

Английский критик и историк архитектуры Чарлз Дженкс определил биологическую архитектуру как «средство воспроизведения природных процессов в среде обитания, созданной человеком». Если современный урбанистический пейзаж, состоящий из бетона, стекла и стали, отражает неестественность нашей нынешней городской жизни, то пришествие эры биотектуры, возможно, явится и зрительным, и материальным свидетельством того, что в настоящее время в области архитектурного проектирования происходят далеко идущие переоценки ценностей (журнал «Фьючурист», США) *.

. . . . . .

Владимир Николаевич, может быть, вы хотели бы что-нибудь добавить к этому?

Большаков. Вопросы, которые вы мне задавали, крайне сложны и, к сожалению, экологической наукой почти не изучены, вернее, слабо изучены. Экологи изучали виды животных, растений, разные микроорганизмы в условиях естественной среды обитания и намного меньше — в условиях крупных городов. Сейчас ученые понимают, что это важная проблема, ее надо изучать.

Научный совет Академии наук СССР по проблеме «Биологические основы освоения, реконструкции и охраны животного мира» поставил перед зоологами весьма важную и интересную задачу, которую мы будем в ближайшее время обсуждать и обдумывать — это вопрос изучения и охраны животных урбанизированных территорий, то есть, по существу, городов.

Вопрос о птицах большого города ставился в международном масштабе еще в 1952 году на заседании в Иене. Материал накоплен уже большой, в

---

* Продолжая и развивая эту мысль, зарубежные информаторы указывают: недавно проведенные эксперименты позволяют предположить, что растения реагируют на звуки человеческого голоса так, как это и не подозревалось. Следуя этому направлению поиска, биологическая архитектура может разработать утонченные методы взаимодействия «человек — природа» и, наоборот, «природа — человек», в частности, в строительстве городов. Мировая пресса уже дала этому название — «чувствительный дом».

частности, об использовании птицами сооружений. Так, в Германии в отвалах бурого угля гнездятся береговушки; аисты в Анатолии — на баках для воды, телеграфных столбах, гаражах, штангах-мачтах и даже... на масляных цистернах. В Югославии и Болгарии цапли «пасутся» вдоль автострад и улиц с оживленным движением (аналогичные факты имеются в Мехико). Встречаются даже журавли. На улицах ночью часто охотятся козодои, используя свет фар движущихся автомобилей. Для присад в степях используют телеграфные столбы канюки и коршуны. Здания могут служить местом гнездовой кольчатой горлицы, а седоголовому и зеленому дятлам — источниками корма (поиски пищи в стенах). В Нидерландах грачи гнездятся на железных конструкциях газового завода и т. п.

В сообщениях по 27 городам приводятся факты гнездований кряквы в городах Финляндии (даже на деревьях).

У немцев вышел большой труд «Птичье население большого города»... (Говорим о птицах, а вдруг вспомнилось: в Америке очень много енотов в городах, кормятся, шуруют в мусорных контейнерах, роются в отбросах. Тоже приспособились. Чего-чего, а мусора в современных городах хватает и птицам, и зверью.)

Видовой состав и численность птиц зависят от величины территории города, окружающих биотопов, степени озелененности и интенсивности беспокойства птиц в период размножения. На биотопы город разделили впервые В. Ерц (1959—1963) и Стравинский (1962—1963). При делении города на биотопы, то есть на обитаемые зоны, исходят из их сходства с природными ландшафтами...

У нас изучалось население птиц в городах Восточной Сибири, средней полосы европейской части и ее северо-запада. Плотность птичьего населения колеблется в центральных кварталах — 2,3—6,4 пары на гектар, а в парках — 10,6 и даже 25,5 пары. В Ленинграде насчитывается 53 вида пернатых, из них 15 видов живет на зданиях, в железнодорожных узлах и озелененных дворах. В сильно озелененных местах птиц больше — до 32 видов, в слабо озеле-

ненных — 7. В Москве — 50 видов птиц. Интересно, что на зданиях там гнездятся соколы.

Мы в план работы нашего института, особенно Ботанического сада, уже сейчас поставили много разделов по изучению растений и животных в условиях большого города (Свердловск, Нижний Тагил, Серов), с тем чтобы развивать теорию приспособлений организмов к новой среде и дать практические рекомендации. Такие работы ведутся и в других местах. В Горьком развернут большой цикл исследований по экологическим системам больших городов, в Казанском университете тоже сложился активно работающий коллектив биологов по охране природы. Большие исследования проводятся и в Сибири. В общем, для ученых это — насущная задача, ведь города растут, жизнь ставит все больше и больше вопросов, и один из таких важных вопросов как раз проблема живых существ в условиях крупных городов.

Эта проблема теснейшим образом связана с жизнью человека. Мы привыкли все подчинять интересам человека, его благополучия. Человек, человек, человек, прежде всего и всегда — человек. Правильно, конечно. Но есть и обратная сторона проблемы — жизнь наших «меньших братьев» в новых условиях; это две стороны одной медали, и они прорастают одна в другую. Все проблемы, которые мы затронули сегодня, связаны с жизнью человека, поэтому разговор о них абстрактным быть не может.

Вот вам краткий обзор этой проблемы.

...Я забыл упомянуть про климат. А ведь он тоже зависит — и от вас, товарищи архитекторы, и от нас, товарищи биологи и экологи, и от вас, товарищ писатель... Да, да, не преуменьшайте своего значения. Пропаганда была всегда сильным оружием, равно как и просвещение населения.

Климат в городе — он может быть разный при одних и тех же условиях. Много зелени или мало зелени, пыль или чистота. Шофер везет, а из машины сыплется... Тоже «климат». Недавно в актовом зале Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова состоялась Всесоюзная междуведомственная конференция на тему «Кли-

мат — город — человек», которую организовали Академия наук СССР, гидрометеослужба, Географическое общество, Союз архитекторв СССР, Академия педагогических наук СССР, Гражданстрой СССР. Участники конференции заслушали 150 докладов и сообщений: «О борьбе с загрязнением и оздоровление городской среды», «Защита горожан от шума, вибрации и электромагнитных колебаний», «Об инженерно-геологических, гидрогеологических вопросах градостроительства» и др. Говорилось и о влиянии промышленных выбросов на условия проживания и здоровье населения, а также на зеленые насаждения, опять же в связи с человеком, охраны его здоровья и жизни. Помните? Человек, берегись: где растение чувствует себя плохо, плохо всем — и людям, и насекомым!

Рябинин. Я рад, что у нас много союзников. Вывод один — надо браться обеими руками...

Большаков. К сожалению, за последние годы стало меньше птиц и других животных в нашем городе. Очень правильно сигнализирует наша печать. Я даже сделал выписки для себя: «И дело не только в неблагоприятных климатических условиях некоторых весен. Расширяя и реконструируя город, мы уничтожаем привычные места обитания животных...» Совершенно верно! «Городской сад или сквер без птичьих голосов производит унылое впечатление... Пение птиц — своего рода звуковая терапия. Существует и биологическая потребность общения человека с природой, в частности — с фауной. Он часть ее, а часть не может существовать без целого...» Как раз к нашему разговору!

И дальше очень правильно: «Архитекторы не вооружены пока не только чисто производственными нормами и правилами по фауне для ландшафтного проектирования, но не имеют еще по этой проблеме и теоретических заключений экологов...

Теперь предположим, что мы имеем и научные экологические рекомендации, и архитектурный проект, включающий флору и фауну. Деревья посадит озеленитель. А кто «расселит» зверюшек? Такого специалиста-практика у нас пока нет. Животный мир свердловских лесопарков достаточно богат, но

ни в горлесхозе, ни в управлении зеленого хозяйства горисполкома нет штатного зоолога или эколога, который был бы его рачительным и добрым хозяином. А ведь по сохранению и развитию биоценоза наших лесопарков работы непочатый край...

Но прежде, видимо, потребуется изучить глубоко и флору, и фауну — всю совокупность живого, то есть биоценоз лесопарков. Тут слово за свердловскими учеными и любителями-натуралистами». Написал, между прочим, тоже любитель-натуралист Л. Сергеев. Все правильно. И назвали очень хорошо, символично: «Кузнечик на асфальте».

Рябинин. Как сказал один остроумец, если природу не охранять, она превращается в окружающую среду!

Большаков. Недавно наш директор Ботанического сада Уральского научного центра Станислав Александрович Мамаев вернулся из ГДР, с конгресса, на который собирались специалисты-дендрологи всех социалистических стран. Посвящался конгресс проблеме лучшего применения в практике науки дендрологии, все с той же целью — улучшить жизнь человека в городах, так называемых индустриальных районов. Мы уже имеем в этом отношении кой-какой опыт. В Ботаническом саду у нас выращивается около 400 видов растений, которые могут представлять большой интерес для науки и повседневной практики.

Некоторое время тому назад по этим вопросам к нам обратилось архитектурное управление, пришло письмо за подписью главного архитектора города Г. И. Белянкина. Просят наших советов и помощи. Мы были очень рады получить его. И еще более будем рады, если сумеем действительно быть полезными...

Рябинин. Словом, это не схоластический разговор.

Большаков. Отнюдь! Очень своевременный...

Пешеград-2017

О Пешеградах мечтают давно. «Города Солнца», города, где люди будут жить в полном довольстве, в слиянии с природой, где навсегда исчезнут неврозы, раздражение, психическая несовместимость, всяческие физические недуги,— снились древним утопистам. И если в старину мечтали о борзом коне, то сейчас, в век невиданных скоростей, мечтают... ходить пешком, наслаждаться прогулкой на «одиннадцатом номере», или на своих двоих. В русском народе исстари велась поговорка: кто много ходит, тот здоровье находит. Много ходил пешком Бажов. На работу и с работы — только пешочком, никаких других попутных транспортных средств, кроме своих ног. Но когда будешь ходить пешком при нынешних все более расползающихся вширь городах-мегаполисах, которые, если верить ученым-футурологам, в третьем тысячелетии сольются в единый чудовищный жилой массив-спрут, не оставив клочка земли ни зверю, ни птице, вся земля, вся планета превратится в один сплошной мегаполис...

Дискуссия о городе продолжается, она продолжается во всех концах планеты, во всех странах, то затихнет немного, то вспыхнет с новой силой.

Город будущего... каким ему быть? — этот вопрос волнует многих и многих. Чего-чего не услышишь! «Я хотел бы жить в Вавилонской башне»,— заявляет один. Что ж, есть и такие проекты: вознести города над землей, пусть человек как бы парит в них над нашей грешной планетой. Другие предлагают закапываться в землю, третьи — обосноваться под водой (города на дне океанов и морей, нечто вроде современной Атлантиды). Только — надо ли? Неужели нет другого решения, неужели человек

осужден уподобиться сурку или крабу? Нет, нет, нам хочется другого!

«Верится, что в результате научно-технического прогресса будут со временем решены задачи полной утилизации бытовых отходов, будут уменьшены вредные производственные выбросы и доведены до минимума уровни промышленных и транспортных шумов: бензиновые двигатели заменят электрическими. Появятся и многие другие усовершенствования.

Но есть один компонент «голубого города», который не поддается никакой замене, говорит москвич архитектор М. Мирский. Это — озеленение, под которым я подразумеваю целостную систему, пронизывающую всю планировочную ткань города. При этом надо иметь в виду временной фактор. Если сроки возведения многоэтажного дома сократились сейчас с двух-трех лет до нескольких месяцев, то новый парк, как и прежде, вырастает за тридцать-сорок и более лет. Поэтому в плане города должны сочетаться существующие насаждения с пространствами, резервируемыми для новых посадок. Планы развития наших городов как раз и предусматривают создание такой целостной системы. Однако практика их реализации дает серьезные основания для тревоги. Гораздо проще срубить рощицу или залить асфальтом газон, чем снести старый дом или вывести из города вредное производство, некоторые проектировщики и исполкомы соблазняются этим более легким путем. Дальновидна ли такая градостроительная стратегия?

А способы не тревожить «зеленого друга» есть. На мой взгляд, например, надо, где это допускает ситуация, строить жилые дома повышенной этажности. Надо шире кооперировать предприятия культурно-бытового обслуживания. Надо энергично потребовать от министерств и ведомств ускорить вывод за пределы городов намеченных планом предприятий и замену обширных открытых складских площадок многоэтажными зданиями. Наконец, надо начать широкое использование подземного пространства для автостоянок...

«Голубой город» — прежде всего зеленый город.

Если об этом не позаботиться сегодня, завтра уже будет поздно!» *

Жан Дорст, знаменитый французский ученый-естествоиспытатель, вице-президент Международного союза охраны природы, прибыв в Москву, с удовлетворением и некоторым удивлением отмечает: «Достаточно побывать в больших лесах, опоясывающих Москву, чтобы убедиться, как удачно сочетаются здесь урбанизм и лесная зона — легкие, которыми дышат крупные города».

Заметим, что прообразом будущей столицы может стать уже в 80-х годах один из перспективных жилых районов в Северном Чертанове. Там учитывается все — леса, водоемы, естественный рельеф. Автомобильное движение по поверхности земли исключается начисто, все машины — и общественные, и личные — уйдут под землю, их пути нигде не пересекутся с пешеходными путями.

Уроки Братска... Не забудьте уроки Братска! — доносится из Восточной Сибири. Братск был запланирован по общепринятой схеме, итог — для леса в нем места не нашлось. Одинокие сосны не выдерживают близкого соседства человека. Вывод: очевидно, жилые массивы в Восточной Сибири (только ли там?) надо отделять друг от друга лесопарками.

Даже камень, обыкновенный серый валун, помогает нам ощутить себя частью природы. В Хельсинки удивление приезжих неизменно вызывают гранитные ребристые скалы, неожиданно возникающие среди домов; между летящих автомашин и автобусов — покрытые зеленым мхом громадные валуны... И до чего же хорошо вписываются они в пейзаж финской столицы! Такую же примерно картину можно увидеть в столице советской Карелии — Петрозаводске. Камень живет! (И, увы, совсем-совсем другие чувства рождаются, когда на газонах бетонные плиты и прочие изделия домостроительных комбинатов, разбросанные неряхами-строителями...)

«Искусство проектировщика состоит в обобщении желаний, нахождении оптимальных решений —

* Дискуссия по поводу «голубых городов». «ЛГ», 1979.

удобных и экономичных,— замечает инженер-градостроитель В. Блинов (Свердловск).— Даже в хорошее решение жизнь постоянно вносит свои коррективы...»

Биотронград предлагает болгарин Николай Христов. Биотрон — 55-этажный дом-ячейка на 5 тысяч жителей, в котором предусмотрено все необходимое. Набор таких домов образует город необходимой вместимости. На зданиях технoплантации, позволяющие выращивать любые растения, содержать домашних животных, разводить птицу, рыб. Биотроны выстраиваются по пяти в ряд, каждые два ряда образуют район с 50-тысячным населением и своим центром и административным управлением, каждый десятый центр — областной. Биотронград располагается в огромном парке шириной пять километров и неограниченном по длине. Так полоса биотронградов может охватить всю планету. Это город эпохи окончательно завершенной, осмысленной научно-технической революции. Главная его особенность: вся транспортная сеть скрыта под землей, а на поверхности, в прекрасных парках, ходят только пешеходы.

Беспочвенные фантазии? Как знать. Время покажет. Рано или поздно приходит озарение: так устроен человек, и...

«Голубые города или голубые мечты?» — задает вопрос «ЛГ». Нет, нет, не только мечты! Город-кольцо — Вяйке-Ыйсмяэ — появился на окраине Таллина. Городом-кольцом его прозвали за оригинальность архитектурной планировки. В нем живет уже 50 тысяч жителей. Все его постройки расположены по концентрической окружности, между ними проложена автомагистраль, отделенная широкой полосой зелени. Внутри круга располагаются школы, детские учреждения, спортивные площадки. Рядом озеро Харку с лодочной станцией, с удобным пляжем...

— Вяйке-Ыйсмяэ — это начало,— говорил председатель Союза архитекторов Эстонии М. Порт.— Сейчас проектируется самый крупный жилой район Таллина — Ласнамяэ, где будет проживать 200—220 тысяч человек — половина сегодняшнего насе-

ления столицы Эстонской Советской Социалистической Республики. Там предусматривается максимум удобств для жителей; так, автомагистрали заглубляются в плитняк на четыре-пять метров... *

. . . . . .

Наверное, все-таки мир держится на одержимых. Раньше считали — на трех китах. Что ж, так оно и есть: Знание, Талант, Одержимость. Одержимость — самый главный.

Свердловчанин Лев Артурович Эппле безусловно один из таких одержимых. Эппле — художник, но уже в течение многих лет помыслы его сосредоточены на проблемах архитектуры, градостроительства. Вероятно, если вдуматься, в этом нет ничего неожиданного: ведь искусство живописи, рисунка и архитектура — сестры-близнецы, не провести четкой грани — где кончается одно и начинается другое.

Сегодня Эппле уже нет... Пока готовилась эта книга, он ушел от нас; но как живой стоит перед глазами. Жив он и своими планами, мечтаниями. Уже немолодой, седая голова, глубокие складки на красивом лице. Много прожито, много передумано, и, можно сказать, его Пешеград выношен годами, порожден житейским опытом. Продолжим нашу беседу с ним, как она шла тогда, в его квартире.

О своем Пешеграде-2017 Лев Артурович мог говорить часами. Макет Пешеграда стоит на видном месте в мастерской его создателя в Доме художника, по улице Куйбышева, где выставочный зал и часты выставки живописи и графики, но там вы Пешеграда не увидите. Пожалуй, это похоже на город-кольцо, но здесь автор развивает свою идею дальше, углубляет, разрабатывает ее во многих деталях, концентрируя, объединяя все вокруг центральной идеи «удобство — здоровье — красота». Особенность, сразу отмечаемая внимательным глазом: все дома тянутся по линии север — юг, по всей окружности, где бы ни были, выше, ниже, и какие

* Кстати, в принятых XXV съездом КПСС Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы предусматривается ограничить рост больших городов.

бы ни были. Природа здесь главенствует во всем, но, как говорили древние, природа покоряется тому, кто признает ее законы.

— Итак, что такое Пешеград? — говорил он, и, видимо, не доверяя тому, что собеседник поймет все на макете, быстро вооружается карандашами, красным и черным, бумагой и начинает чертить: кольцо замкнутое, его пересекают лучи — красным, около них быстро гнездится жилье, постройки — черным.— Вот скелет города. Все города бесскелетные и потому расползаются, пожирают природу. Возьмем, к примеру, скелет метро: лучи запад — восток и север — юг, или кольцевое, или то и другое; так даже лучше. Здесь в определенных точках подходит железная дорога, внутрь кольца ей ходу нет. Скелет всегда организует. Как в живом организме: тут голова, в ней мозг, тут внутренние органы... В любом городе метрополитен — разновидность городского транспорта. В Пешеграде метро играет еще одну важнейшую роль: это каркас, который все держит и все организует. Этот скелет указывает каждому элементу городского организма его точное и постоянное место.

Скелет обрастает мясом архитектурным, микрорайоны насаживаются только на скелет (таким образом, их место у железной дороги). Может быть, восемь лучей, или круг, или неправильная форма — важно, что все нанизано. Больше город — больше кольцо. Город может быть рассчитан на любое количество жителей. В нем может жить 50 тысяч, 500 тысяч или 5 миллионов — зависит от длины лучей. Первое качество — город не расползается, растут лучи. Численность зависит от длины лучей и этажности домов. Чередование этажности, умелое маневрирование этажностью позволяют создать красивую архитектуру... Как быть, если город уже есть? Пешеград не уничтожает его, наоборот, продлевает ему жизнь, сохраняя его историческое лицо, ничуть не уродуя... Каким образом?

В руках появляется новый чистый лист бумаги, карандаш опять быстро забегал по нему, вычерчивая нечто бесформенное, заштрихованное темное пятно.

— Все города создавались в эпоху лошади, телеги, ослов, поэтому он (город) болезненно воспринимает современный автомобиль. Хаотическое бесформенное кольцо домов, вот так оброс старый город... Может быть, уже есть метро? Отлично! Опять по продленным линиям метро растет новый город (расширяется старый, существующий), растет не хаотически, а вдоль дороги, так же растут и промышленные предприятия, их отделяет от жилья полоса шириной в два километра — сплошная стена зелени. Категорически запрещено строить, уничтожать что-либо, сносить реликвии старины, уничтожать зелень, природу! Если этого мало, соединяются ветви метро окружной линией и по ним — новое обрастание. Жилье расположено так, что люди вынуждены ходить на работу пешком. Понимаете, вынуждены. Хочешь не хочешь — иди. Значит, дышат кислородом... и прочее. Высвобождается до 75% транспорта. Между жилой зоной и зоной труда вообще никакого транспорта. Значит, нет газов, грохота, дорожных происшествий, смертей и ранений, и вообще экономия, а люди обретают здоровье, долголетие, а с ними — большую трудоспособность, жизнь. Именно поэтому все уличное движение в Пешеграде протекает спокойно, гармонично, красиво, без срывов и заторов, без напряжения и спешки и всегда по кратчайшим путям, ибо других — НЕКРАТЧАЙШИХ — попросту нет. Это пешеградское уличное движение похоже на циркуляцию крови в организме человека. Киномультипликация может изобразить эту удивительную картину с максимальной убедительностью. Вы все поняли? А если провести в жилье трубы с ледяной водой, трубы, которые погонят туда горный воздух, все это дать на окружность,— все захотят жить там. И из старого центра люди сами потянутся на округу, дома будут отмирать, и тогда лучи будут расти внутрь, пока не натолкнутся на древний архитектурный центр. Если тут часовенка XVII века, луч остановится, память предков нужно уважать, почтительно склонив голову... Виктор Гюго сказал: «Кто умеет видеть, тот даже по ручке дверного молотка сможет восстановить дух века». Беречь даже

дверные ручки... конечно, вам понятна моя иносказательность. Если б дали мне волю, я Москву превратил бы в Пешеград. Вы, конечно, видели в вагонах метро схемы — с лучами и круговой линией (окружная дорога). Архитекторы каждый день ездят в метро и видят эти схемы, и никому не придет в голову, что они смотрят на будущий Пешеград — Москву! Пешеград — значит, все ходят пешком. И никто никуда не опаздывает, заметьте.

«Вернуться к предкам» призывают человека западные философы, психологи, экологи и просто шарлатаны. Это не совсем глупость, как может показаться на первый взгляд. «Вернуться к предкам» — это прежде всего ходить больше, как можно больше двигаться, преодолевать физические нагрузки, отнюдь не отказываясь от достижений современной культуры, техники.

Главная посылка. Вы начинаете с человеческого настроения, здоровья... главное — душевное и телесное здоровье! Архитектор не только организатор пространства, а организатор нашего настроения, он может (и должен) заставить нас ходить. Мы просиживаем свое счастье. Мы сидим в школе. Учительница приказывает: «Дети, сидите смирно!» — и они сидят десять лет. Потом они сидят в вузе. Потом на работе. Он (человек) сидит и пишет разные постановления, заявления, диссертации, справки, жалобы... Или нажимает кнопки, мы сейчас входим в эпоху кнопконажимательства. А это ужасная вещь. Почему? Нервная система работает с колоссальным напряжением, а мышцы?.. Своими белыми тонкими пальцами мы делаем минимальные усилия, а ноги совсем бездействуют, им совсем нечего делать. Вопрос: для чего они нам? Когда отдых, мы опять сидим: читаем книгу или газету, или забиваем козла, или сидим у тещи на блинах... Или у телевизора... телевизионные хомяки в полумраке! На стадионе болеем — тоже сидим; вскакиваем лишь несколько раз, когда кричим: «Шайбу!»; а те, что сидят дома у телевизора, даже не вскакивают. Если футбол, 22 здоровяка бегают на поле, они — имеют мускулы, а 80—100 тысяч зрителей что имеют, что развивают?

Вот еще враг — беспощадный враг! — автомобиль, личная машина, находящаяся в нашем неограниченном пользовании. Автомобилем мы добиваем себя: ездим, ездим, ездим...

Бог «создал» прекрасное человеческое тело для жизни, для труда, для любви, для сражений... теперь мускулы дрябнут, атрофируются. Начинается мышечное голодание. Это страшная штука. Это коварная штука. Болевых ощущений никаких, убивает не сразу. Гипокинезия! Мать всех болезней века: сердечно-сосудистые, инфаркты, инсульты... Все, что связано с малоподвижным образом жизни, все отсюда, все неизбежно. Академик Амосов сказал: если мы не одумаемся и не откажемся от сидячего образа жизни, то очень скоро одна половина человечества будет болеть, а другая — ухаживать за первой...

Никаким декретом, указом тут не поправить. Человек должен сам. Вот Пешеград поможет ему. Вот тогда любвеобильный градостроитель, его любовь, которая исходит из его сердца, заставит ходить человека, хотя бы полчаса утром, полчаса в обед, полчаса вечером. И достигается это страшно простыми средствами — одним движением карандаша, видите: отодвигает на два километра жилье от завода. Только и всего. А сколько приятных последствий — не налюбуешься: чудный парк по дороге с птицами, оленями... Чтобы человек был здоров, что делает архитектор: он делает так, что все дома имеют нормальную инсоляцию, во все попадает луч солнца. Как ставили прежде дома, как сейчас: окнами и на север, и на юг, в одних квартирах солнца лишка, жарища, духота, в других — холодно... А в Пешеграде у всех домов меридиональная ориентация. До 12 — свет отсюда, после 12 — оттуда. В 12 часов, в полдень, прямых лучей нет. Просто. А этим достигается многое.

В Пешеграде в каждом доме бассейн, чтоб каждый мог проплыть в день 300 метров. Да! Внутри кольца метро — марафонский круг, бегать, для желающих. Сорок два километра, марафонская дистанция. Это тоже как градообразующий элемент. Количество зеленых насаждений неслыханно вели-

ко. По генеральному плану в Москве в ближайшие годы будет 26,4 квадратных метра зелени на человека (сейчас — 18, кажется, я не ошибаюсь), а Пешеград — около 200 квадратных метров. Сколько кислорода, в Пешеграде воздух чист, как ни в каком другом городе мира. Идя на работу, человек вдыхает кислород, а не окись азота. Из каждого микрорайона, из любого окна каждого дома вид на нетронутую природу, на зеленые дали... Вот она — ландшафтотерапия, лечение путем созерцания красивого пейзажа! И конечно, архитектура Пешеграда должна быть разнообразна, не стандартна. Из стандартных элементов, но не стандартна...

А самое главное, повторяю, все ходят пешком. Общественный транспорт освобождается от трудовых перевозок, есть такое понятие. Не будет часов пик. А что такое современный автотранспорт, знаете? Один человек каждый день убит в миллионном городе и двадцать ранено. Не будет этого! Меньше травм, меньше крови, меньше слез. Благодаря тому, что люди становятся здоровее, веселее, они лучше работают, повышается производительность труда на производстве. Люди избавляются от нервотрепок и транспортной усталости (есть и такое понятие), которая понижает производительность на 4—10%. Пешеград — город, приумножающий здоровье человека, в Пешеграде люди будут реже болеть и быстрее выздоравливать.

Таким образом, Пешеград — это город хорошего настроения и всеобщего высокопроизводительного труда, что нужно и государству, и каждому из нас. Государство получит прибыль, а мы — благоденствие, процветающую жизнь...

— А почему Пешеград-2017?

— Потому что, я надеюсь, такой Пешеград будет построен к столетнему юбилею Советской власти, Великого Октября...

Фантазер? Как сказать. Надо мечтать, говорил Ленин. Без фантазии не построить не только коммунизма, но хотя бы даже мало-мальски приличных условий жизни человечества, людей.

Естественным дополнением к сказанному служат представляющие общественный интерес размышле-

ния Л. А. Эппле об архитектуре и роли архитектора. Они чуточку субъективны, но как без этого?

«Как художник и просто человек, близко к сердцу принимающий будущее нашей архитектуры, спешу сказать то, что меня волнует больше всего.

Мы забыли, что архитектура — искусство, причем — великое, а если говорить точнее — величайшее. Без архитектуры никакой народ, никакая цивилизация существовать не могут. Известно, что великие цивилизации создавали великую архитектуру. Это великое искусство еще не успело сказать своего главного слова, потому что архитектура до недавнего прошлого занималась только тем, что обслуживала царей и богов, строя дворцы и храмы.

Мы говорим: архитектор — организатор пространства; но организовать пространство может и строитель. Мы забыли, что назначение архитектора гораздо выше и сложней. Мы забыли, что архитектор призван организовать душевный мир человека, его эмоциональную сферу; другими словами, он организатор чувств человеческих, причем высших, лучших. Он — первый человеколюбец и главный украшатель нашей жизни. Он как никто умеет смотреть далеко вперед. Он верит в прекрасное будущее человека и уважает его прошлое. Он воспитатель, значит, принудитель, а не угождатель, стало быть, он имеет право принуждать, если это нужно для пользы человека. В этом заключается огромное значение архитектора. Но мы не всегда думаем об этом.

Может показаться, что мы утратили любовь к архитектурным памятникам нашего исторического прошлого; мы разучились восхищаться ими и перестали беречь их. Правда, Суздаль и ряд других памятников архитектуры окружаются теперь вниманием. Это чрезвычайно отрадно. Однако этого мало.

Преданы забвению традиции великой русской архитектуры. Мы посматриваем в сторону Запада и стараемся не отставать от моды. А между тем вполне возможно сочетать национальный элемент с самыми современными требованиями, как это делают японцы, например.

Глядя на то, что построено, можно подумать, что

большинство наших зодчих работают без радости, с холодным сердцем. Можно подумать, что они равнодушны к человеку и нет у них желания нежно позаботиться о нем.

Есть такое изречение: «Архитектура — зримая совесть народа». В самом деле, если архитектура Египта выражала идею могущества и чувство тайны; если архитектура греков выражала идею прекрасного в ее чистом виде; если архитектура готики есть религиозный экстаз, а архитектура Ренессанса — гимн во славу жизни,— то спрашивается, что же, собственно говоря, выражает архитектура наших дней?

К сожалению, за редким исключением, ничего, кроме потери интереса к проблеме прекрасного и необходимости строить как можно больше, как можно скорее и как можно дешевле.

Да, мы строим много, быстро и дешево. Нам пока не до архитектурных красот. Мы пока обходимся без них, ибо слишком еще велика жилищная нужда и не все имеют необходимый минимум.

В этом наше оправдание.

Но рано или поздно наступит время, когда жилищный кризис будет преодолен и каждая семья получит квартиру, а каждый член семьи — отдельную комнату.

Но если только тогда мы скажем себе, что наступило наконец время для проблем высокой архитектуры, то мы непростительно опоздаем. Это опоздание обойдется нам дорого и будет иметь тяжелые последствия.

Об этом нужно серьезно подумать уже сегодня, уже сейчас.

Позвольте мне сделать несколько конкретных предложений.

По-моему, уже сегодня возможно сделать многое.

Во-первых, средствами общей пропаганды привлечь внимание советской общественности к главнейшим вопросам архитектуры и градостроения, особо подчеркивая при этом роль и значение творческого труда архитектора. Полезно было бы создавать научные фильмы по истории и теории архитектуры, а также по истории и теории всех видов

искусств, включая театр и музыку. Фильмы должны быть рассчитаны на учащихся средних школ (общие вопросы искусства) и на студентов вузов (специальные курсы).

Для формирования нравственного облика молодежи, в частности молодого зодчего, для воспитания в нем любви к своему делу, к своему народу очень желательны фильмы, посвященные великим людям. Их жизнь, борьба и труд, их стойкость и мужество всегда будут учить и служить примером.

Во-вторых, в каждой союзной республике учреждается должность главного архитектора республики, должность главного художника республики и должность главного строителя республики.

Главный архитектор отвечает за мироощущение, которое вызывает новое строительство. Главный строитель отвечает за удобства, целесообразность и экономичность. Все трое на правах министров входят в состав правительства всей республики.

В-третьих, очень желательно издать закон, согласно которому всякое современное строительство вблизи архитектурных памятников было бы запрещено. Усилить ответственность за разрушение и порчу исторических памятников архитектуры.

Думаю, что проекты крупных сооружений всесоюзного значения должны прежде утверждения их соответствующими инстанциями получать одобрение общественного мнения, для чего следует устраивать выставки, диспуты, обсуждения.

И, наконец, восстановить Академию архитектуры, возложив на нее задачу вернуть архитектуре репутацию великого искусства.

И для меня совершенно нет никаких сомнений, я решительно поддерживаю архитектора А. Рубцова, заявившего во всеуслышание на страницах уважаемой «Литературной газеты», что (цитирую его) «архитекторы и социологи должны найти средства вступить в непосредственный контакт с горожанами». Лично для меня тоже «нет сомнений, что может сыграть свою положительную и даже необходимую роль участие самих жителей в процессе создания городской среды — архитектурная самодеятельность, поднятая на новый (доселе несущест-

вовавший! — Л. Э.) уровень...» * Да, да, если уж демократия, то везде!

Нам нужны новые города с принципиально новой планировкой и архитектурой, города красивые с земли и воздуха, в любое время года и дня, украшающие собой то место, на котором они стоят, а не портящие его.

Каждый город — это драгоценный камень, обработанный рукой большого мастера. Это «жемчужина, упавшая с неба» **. Его оправа — первозданная природа, которая теперь очищена от хлама и дряни. Свободная планировка природы и геометричность планировки города дополняют друг друга по принципу контраста.

Каждому городу нужно дать свою специальность. Тогда у него появится свой характер, своя неповторимая физиономия, тогда повысится культура труда, родятся традиции и молодежь не будет затрудняться при выборе профессии.

Город должен расти гармонически, а не расползаться, как масляное пятно, напоминая растущую злокачественную опухоль.

Он должен безболезненно обновляться, то есть полностью перестраиваться каждые 50—70 лет, но при этом оставаться самим собой, как человек, меняющий платье.

Он создает мажорное мироощущение по формуле: «Жизнь прекрасна и удивительна». В то же время он учит и воспитывает. Он ласково принуждает нас, указывая направление действий. С ним всегда интересно. Он полон неразгаданных тайн и постоянно зовет, волнуя душу.

Каждый человек в этом городе получит возможность осуществить большую часть своих добрых желаний. На пути к цели не должно быть глупых и раздражающих препятствий. Всякий займется своим делом, не мешая соседу. Всякий получит столько, сколько ему нужно тишины, голубой дали, запаха полей, белейшего снега, чистого неба, прозрач-

---

* Рубцов А. Кубики для взрослых, или Миллион неизвестных зодчих.— «ЛГ», 1979, 26 сент.

** Лист сказал о музыке Шопена: «Каждая нота Шопена — это жемчужина, упавшая с неба».

ной воды, смеха, веселого беспорядка и колокольного звона по большим праздникам. Он получит, кроме того, много всего другого, без чего современному человеку жить нельзя.

Такой город возможен, ибо архитектура — великое искусство и сила его огромна. Пусть для этого соединятся энтузиазм зодчего и мудрость законодателя!

Я думаю, что такой город будет построен, когда мы до конца преодолеем вялость наших чувств и исполнимся того творческого энтузиазма, который всегда отличал подлинных художников.

Л. ЭППЛЕ»

Комментирует архитектор Г. И. Дубровин (Свердловск):

— Когда у нас в архитектурном институте родилась кафедра градостроительства, мы, преподаватели института (я читаю там основы градостроительства), неоднократно приходили к Эппле, знакомились с Пешеградом. Работа очень интересная, и теперь я всегда студентам привожу в пример, как надо мыслить. История создания идеальных городов громадна, она идет еще от эпохи Возрождения, и всегда в ней присутствовала какая-то социальная идея. Чернышевский писал о городе будущего, он не рисовал чертежей, он говорил о сути, социальной сути такого города. Предвидение — величайшая сила. Эта социальная идея заложена и в Пешеграде Эппле...

Что сделал Эппле? Прежде всего он возненавидел автомобиль. Далее, он взял центральной идеей то, что теперь в народе называется «бегом от инфаркта». Что произошло? Эволюция организма идет медленно, а город, нынешний город, возник неожиданно,— появились ножницы. Эппле идею великого гигиенизма воплотил в архитектурные, точнее, градостроительные формы.

Сейчас меняются принципы лечебной практики (тоже не случайно!), если посмотреть последние приказы Министерства здравоохранения, то заметите: создаются центры санаторно-лечебные, вынесенные за пределы города. Эппле профилактику вводит

в сам город. Круг на плане Пешеграда равен длине марафонской дистанции тоже не случайно. Это эталон развитого организма, здорового человеческого организма.

Город — это высшее достижение цивилизации. В Пешеграде Эппле развиты центры общественного организма. У него решена проблема цвета, цветного климата. Дома, дорожки покрашены в свой цвет, цветной бетон (в принципе это не ново). Улицы называются долинами, наклонные дома, все меняет привычные представления о городе, человек не чувствует себя заключенным среди каменных стен, он раскрепощен, обрел свободу духа.

Пешеград растет естественно и красиво, его рост не угрожает окружающей природе. Он не подминает, а гармонически включает ее в свои архитектурные ансамбли. Пешеград может периодически, организованно и быстро менять всю свою архитектуру; причем такая смена ахритектурного платья не нарушает нормальной жизни города.

Очень примечательно, что принцип Пешеграда дает возможность реконструировать любой старый город и постепенно превращать его в город пешеходов, причем перестроенный город сохранит все свое историческое своеобразие, весь шарм своей старины и все без исключения архитектурные памятники. Этот пункт приобретает особое звучание в свете речи Л. И. Брежнева перед избирателями 14 июня 1974 года, в которой Леонид Ильич говорил о предстоящей реконструкции всех больших городов и о новом, повышенном художественном качестве советской архитектуры.

Здесь не раз поминался Ладзинай, новый район Вильнюса, выросший в послевоенное время. Хочется напомнить: он весь построен из стандартных материалов, а — мило. Мило. Лес у порога, здесь же гаражи, но их не видишь; движение — как во всяком современном городе, но его не слышишь, не замечаешь — тишина...

Сохранены в значительной мере и места обитания диких птиц и зверюшек, не чурающихся близости человека, даже — как показывает опыт — зачастую открыто идущих на сближение с ним.

И наконец, нельзя отрицать и того факта, что точка зрения художника Л. Эппле на роль архитектора интересна и очень полезна. Главное у него — социальное содержание. Когда он начинает насыщать модель инженерным смыслом, тут, естественно, возникают известные неувязки. Технические задачи не его стихия, и он не должен заниматься ими. Его сила в другом. Он создает город по канонам совершенного общества...

...Может, все-таки Пешеграды будем строить?

Содержание

Город твой — твоя забота 6

Город — каким ему быть? 20

Новые черты — в чем они? 73

Много строить — не значит плохо строить 123

Город как экосистема 160

Пешеград-2017 204

Г70 **Город**, где мы живем. Средне-Уральское кн. изд-во, 1980.— 224 с.

Книга — диалог о проблемах архитектуры и художественного наследия, о градостроительстве и бережном отношении к среде обитания в век НТР. Его ведут архитекторы Свердловска Г. И. Белянкин и А. Б. Фишзон, член-корреспондент АН СССР биолог В. Н. Большаков, художник Л. А. Эппле и писатель Б. С. Рябинин.

Г $\frac{30203—033}{М\ 158(03)-81}$ 72

ИБ № 768

ГОРОД,
ГДЕ МЫ ЖИВЕМ

Редактор А. К. Агатицкая
Художник С. И. Мухин
Художественный редактор А. В. Вохмин
Технический редактор Т. В. Меньщикова
Корректоры И. П. Кирсанова, И. Ш. Трушникова

Сдано в набор 1.09.80. Подписано в печать 4.01.81. НС 12775. Формат бумаги 84×100¹/₃₂. Типографская № 1. Обыкновенная новая гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 10,9. Уч.-изд. л. 11,5. Тираж 10 000. Заказ 451. Цена 50 коп.

Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49. Обложка отпечатана в объединении «Полиграфист», Свердловск, Тургенева, 20. Припрессовка пленки — в «Уральском рабочем».

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Вы прочитали одну из книг научно-публицистической серии, выпускаемой нашим издательством. В ней раздумья о проблемах архитектуры и художественного наследия, о градостроительстве и бережном отношении к среде обитания в век НТР.

Книга написана в форме диалогов, которые ведут архитекторы Свердловска Г. И. Белянкин и А. Б. Фишзон, член-корреспондент АН СССР, директор Института экологии растений и животных Уральского научного центра В. Н. Большаков, художник Л. А. Эппле и писатель Б. С. Рябинин.

Мы были бы рады узнать ваше мнение о книге. Ваши отзывы и пожелания по улучшению содержания и оформления таких книг шлите по адресу: 620219, Свердловск, Малышева, 24.

50 коп.

Белянкин
Геннадий
Иванович,
главный архитектор
Свердловска,
заслуженный
архитектор РСФСР,
лауреат премии Совета
Министров СССР,
автор ряда сооружений
и памятников.

Большаков
Владимир Николаевич,
член-корреспондент
АН СССР, директор
Института экологии
растений и животных
Уральского научного
центра АН СССР,
председатель
секции экологии
проблемного
совета АН СССР
по животному миру.

Фишзон
Абрам Борисович,
архитектор,
член Градостроительного
совета Свердловска.
Руководил
проектированием
многих комплексных
застроек, композиций.
Ряд работ отмечен
премиями и дипломами.

Эппле Лев Артурович,
член Союза
художников СССР.
Автор идеи и проектов
некоторых общественных
зданий, памятников.
В 1967 году
на Международном
конкурсе
Монумента дружбы
в Асуане
ему присуждена
поощрительная премия.

Рябинин
Борис Степанович,
писатель,
член Центрального
совета
Всероссийского общества
природы, почетный член
Общества охраны
природы.
Награжден знаком
«За охрану природы
России».